

Л И Р А
Д Е Р Ж А В И Н А ,

И Л И

ИЗБРАННЫЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудеть:
Въ могилѣ буду я — но буду говорить.

М О С К В А 1817.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

~~~~~

Печатающъ дозволяется съ пѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Августа 7 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ и Ценсоръ Михаилъ Ситцевъ.*

~~~~~

Л И Р А

Д Е Р Ж А В И Н А.

Е Я

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ II,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

СОЧИНИТЕЛЬ.

1795 года.

МОНАРХИНЯ!

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели Твои изображала,
Дерзаю къ Твоему престолю принести;
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей.
Какъ жершву чистую, возженную для Бога,
Прими — съ небесною улыбкою Твоей,
Прими и освящи Твоимъ благоволеніемъ,
И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и еси Ты ошъ клеветѣ спасень-
емъ.
Да веселясь она и съ бодршвеннымъ челомъ
Пойдетъ сквозь тѣмное время и спанелъ средѣ
попомновъ,
Суда ихъ не страшась, Твои хвалы вѣщашъ;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ облом-
ковъ,
Оставшій будешъ прахъ костей моихъ глодашъ;

Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима ,
Мой вросшій въ землю домъ никто не пооб-
щитъ :

Но лира колы моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струны ея гдѣ голосъ прозвучитъ,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — Твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудетъ ;
Въ могилѣ буду я , но буду говорить.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Безсмертною Лирою Державина прославлялись при царствованіи блистательнѣйшія для Россіи. Не нужно говорить современникамъ о достоинствахъ знаменитаго Пѣнопѣвца. Творенія его составляютъ эпоху Россійской Поэзіи и будутъ навѣки несокрушимымъ памятникомъ нашей славы. — Не задолго предъ кончиною своею Автору угодно было одобрить намѣреніе издать избранныя Сочиненія его въ пользу нѣкоторыхъ бѣдныхъ семействъ: съ исполненіемъ сего намѣренія да будетъ благословляема память Генія - Благотворителя!

Л И Р А
Д Е Р Ж А В И Н А.

І,
Б О Г Ъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ прехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто посмичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ.

*

Измѣришь океанъ глубокий,
Сочесъ песни, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенные,
Опѣ свѣта Твоего рожденные,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнесшись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

*

Хаоса бытность довременну
 Изъ безднъ Ты вѣчности возвалъ,
 А вѣчность прежде вѣкъ рожденну
 Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
 Себя Собою соспавляя,
 Собою изъ Себя сіяя,
 Ты свѣтъ, откуда свѣтъ изшекъ.
 Создавый все единымъ словомъ,
 Въ швореннѣ проспираясь новомъ,
 Ты былъ, Ты еси, Ты будешь въ вѣкъ!

*

Ты цѣль существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
 Ее содержишь и живишь;
 Конецъ съ началомъ сопрягаешь
 И смертію живощъ даришь.
 Какъ искры сыплются, стремятся,
 Такъ солнца опъ Тебя родятся.
 Какъ въ мразный, ясный день зимой
 Пылинки инея сверкаютъ,
 Вращаясь, зыблются, сіяютъ:
 Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

*

Свѣшилъ возженныхъ миліоны
 Въ неизмѣримости текучъ;
 Твои они шворятъ законы,
 Лучи живошворящи льютъ.
 Но огненны сіи лампы,
 Иль рдяныхъ кристалей громады,
 Иль волкъ золотыхъ кипящій соймъ,
 Или горящіе эйры,
 Иль вкутъ всѣ свѣтлаци міры —
 Передъ Тобой, — какъ ночь предъ днемъ.

*

Какъ капля въ море опущенна,
 Вся твердь передъ Тобой сія.
 Но что мной зримая вселенна?
 И что передъ Тобою я? —
 Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
 Міры умножа миліономъ
 Спокраинъ другихъ міровъ — и то,
 Когда дерзну сравнить съ Тобою,
 Лишь будешь почкою одною:
 А я передъ Тобой — ничто.

*

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
 Величствомъ Твоихъ добротъ;
 Во мнѣ Себя изображаешь,
 Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
 Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
 Несытымъ нѣкакимъ лепаю
 Всегда пареньемъ въ высоты;
 Тебя душа моя бытъ чаешь,
 Вникаешь, мыслишь, рассуждаешь:
 Я есмь; — конечно ешь и Ты!

*

Ты ешь! — Природы чинъ вѣщаешь,
 Гласишь мое мнѣ сердце то,
 Меня мой разумъ увѣряешь;
 Ты ешь; — и я уже не ничто!
 Частица цѣлой я вселенной,
 Пославленъ, мнишся мнѣ, въ почтенной
 Среди естества я шой,
 Гдѣ кончилъ шварей Ты тѣлесныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
 И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

*

Я связь міровъ повсюду сущихъ ,
 Я крайня степень вещества ;
 Я средоточіе живущихъ ,
 Черта начальна Божества ;
 Я шѣломъ въ прахъ исплѣваю ,
 Умомъ громамъ повелѣваю ,
 Я царь, — я рабъ, — я червь, — я Богъ !
 Но, будучи я споль чудесенъ ,
 Откуда произшелъ ? — безвѣстенъ ;
 А самъ собой я бышь не могъ .

*

Твое созданье я, Создатель !
 Твоей премудрости я царь ,
 Источникъ жизни, благъ Податель ,
 Душа души моей и Царь !
 Твоей по правдѣ нужно было ,
 Чтобъ смертну бездну переходило
 Мое бессмертно бытіе ;
 Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
 И чтобъ чрезъ смерть я возвратился ,
 Отецъ ! — въ бессмертіе Твое .

*

Неизвясимый, Непоспихимый !
 Я знаю, что души моей
 Воображенія безсильны
 И тѣни начертать Твоей :
 Но если славословіе должно ,
 То слабымъ смертнымъ невозможно
 Тебя ничѣмъ инымъ почтить ,
 Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться ,
 Въ безмѣрной разности шеряться
 И — благодарны слезы лишь .

II.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возспалъ Всевышній Богъ, да судишъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ;
Доколѣ, ренѣ, доволь вамъ будешъ
Щадишъ неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ есмь: сохраняшъ законы,
На лица сильныхъ не зриашъ,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротѣ и вдовѣ не оставляшъ.

Вашъ долгъ спасаешъ отъ бѣдъ невинныхъ,
Нешасливымъ подаешъ покровъ;
Отъ сильныхъ защищашъ безсильныхъ,
Испоргушъ бѣдныхъ изъ оковъ.

Не внемлюшъ! — видяшъ и не знаютъ!
Покрышы мздою очеса:
Злодѣишва землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — Я мнилъ, вы боги власины,
Никто надъ вами не судья:
Но вы, какъ я, подобно спрашны,
И также смершны, какъ и я.

И вы подобно какъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листь падешъ!
И вы подобно какъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умрешъ;

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, вараи лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

III.

Величество Божіе.

Благослови душа моя
Всесильнаго Творца и Бога.
Коль Онъ великъ! Коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи, Твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красою,
Какъ будто ризой облачился;
И какъ шапромъ, Ты осѣнилъ
Небесъ лазурной высокою.

Ты звѣздну^ю твердь изъ водъ сложилъ,
И по зарямъ ея спускаешь;
На крыльяхъ вѣтренныхъ летишь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами Ангеловъ творишь,
Повелѣваешь Ты духами;
Послушными Себѣ слугами
Огню и бурямъ бышь велишь.

Поставилъ землю на зыбихъ,
Вовѣкъ тверда она собою;
Объявы бездной, какъ пленою,
Стоявъ въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онъ грозы Твоей боялся;
Речешь: — ревущъ, бѣгущъ, спремьнися
Онъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, всходящѣ къ облакамъ;
 Какъ доли, внизъ клонясь, лежащя;
 Какъ сшепи, разліясь, спруящя
 Къ показаннымъ Тобой мѣстамъ.

Предѣлъ Ты начерпалъ имъ Твой,
 И изъ него онѣ не выдушъ,
 Не обращающя и не придущъ
 Покрышь лице земли волной.

Велишь внутрь горъ ключемъ имъ бить,
 Изъ дебрей рѣки проливаешь;
 Звѣрямъ, онаграмъ посылаешь
 Повсюду жажду уполишь.

А шамъ, по синевѣ небесъ
 Віясь, пернатя лешающъ,
 Изъ облакъ гласы выпускаютъ
 И свищутъ на вѣшьяхъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ опремишь;
 Какъ перла, росы рассыпаешь;
 Туманомъ холмы осребряешь
 И плодоносными шворишь.

Изъ нѣдръ земныхъ праву скошамъ
 Произращаешь въ насыщенье;
 На разное употребленье
 Различный злакъ изводишь намъ.

На хлѣбъ, — чщобъ укрѣплять сердца,
 И на вино, — чщобъ ободряться,
 И на елей, — чщобъ усладдаться
 И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льетъ
 Древамъ пищательные соки;
 Ливанскихъ кедровъ садъ высокій
 Тобою насажденъ цвѣшетъ.

Ты мѣлкихъ птичекъ умудрилъ
 Свои вишь сокровенно гнѣзды;
 Эродій же свое подъ звѣзды
 Чшобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крутыхъ холмовъ
 Ты прядашъ научилъ еленей;
 А зайцамъ средь кустовъ и пѣней
 Ты далъ защиту и покровъ.

И блѣдная луна Тобой
 Своею чередой сіяетъ,
 И лучезарно солнце знаетъ
 Во благо время западъ свой.

Какъ день Ты удалишь, и ночь
 Покровъ свой разстилаешь чорный,
 Лѣсные звѣри и дубровны,
 И скимнѣ выходятъ яръ и пощъ.

Выходяшъ, рыщущъ и рычатъ,
 И отъ Тебя всѣ пищи просятъ;
 Чшо Ты даруешь имъ, — уносятъ,
 И свой пѣмъ уполяютъ гладъ.

Но лишь проспретъ свой солнце взглядъ,
 Они собираются спадями,
 И идущъ врозь между лѣсами
 И въ мрачныхъ логовищахъ спятъ.

По упру челоуѣвъ вспаешъ,
 Идешъ на трудъ, на земледѣлье,
 И солнечное захожденье
 Ему спокойствіе даешъ.

Но коль дѣла Твои, Творецъ,
 Безчисленны и неизмѣрны!
 Премудрости Твоей суть бездны,
 Полна земля Твоихъ чудесъ!

Сѣи моря, сей водный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ кипѣ, — тамъ чолнѣ стремящѣ своей
И насмѣхающѣ надъ бездной; бѣгѣ
И все сіе, о Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для утѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрящѣ
И на Тебя всѣ уповаютъ;
Къ Тебѣ всѣ руки проспиритуютъ
И милосней Твоихъ хощащѣ.

Даруешь имъ, — и соберушь;
Разверзешь длань, — и разсылаешь
Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешь,
И всѣ они Тобой живутъ.

Но есѣли оповратишь Свой зракъ, —
Ихъ всюду ужасы смущаютъ;
Опынешъ душу, — исчезающѣ,
И превращающѣ во прахъ.

А есѣли духъ пошлешь Ты Свой —
Мгновенно вновь все сотворишся;
Лице земное обновится,
Изъ пымы возстанетъ свѣтъ другой,
И будешь слава средѣ небесъ
Твоя, Создатель! продолжаться;
Ты вѣчно будешь утѣшашся
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О Ты, прясетъ чей землю взглядъ!
Коснешся ли горамъ, — дымятся;
Дохнешъ ли на моря, — холмятся;
Въ рукѣ держащій пвердь и адъ!

Тебя, всеильный мой Творецъ!
 Я вѣчно славословишь спану,
 И пѣшь Тебя я не преспану
 По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой
 И пѣснь угодны да явяшся;
 Тобой я буду восхищашся,
 Дышашь и жившъ, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
 Да испребитъ десница строга! —
 Хвали, душа моя, пы Бога:
 Сколь Онъ премудръ и сколь великъ!

IV.

ИСТИННОЕ ШАСТІЕ.

Блаженъ пошъ мужъ, кшо ни въ совѣшъ,
Ни въ сонмъ губишелей не сядешъ,
Ни грѣшниковъ на пупъ не станешъ,
Ни пойдешъ нечеспивымъ въ слѣдъ;
Но будешъ ношю и днемъ
Въ законъ Божьемъ поучашся,
И всею волею спарашся,
Чшобъ только послушашъ по немъ.

Какъ при поповѣ чистыхъ водъ
Въ долинѣ древо насаждено,
Цвѣтами всюду окружено,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый листъ
Не падаетъ и не желтѣетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣетъ,
Когда и что ни сотворитъ.

Но беззаконники не такъ:
Они съ лица земли спряхнушя,
Развѣюшя и разнесушя,
Какъ въпромъ возмешенный прахъ.

Суда Всевидца не снесушъ
И не воскресушъ нечеспивы,
И грѣшники въ совѣшъ правдивый
Опшюдь явишся не дерзнушъ.

Господь съ преныспреннихъ своихъ
Всѣхъ нашихъ помышлений зришель;
Онъ праведниковъ покровитель,
Карашель и губитель злыхъ.

УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ.

Хвалише Господа и пойте :
 Коль сладко воспѣвать Его !
 Ему единому вы спойте
 Органы сердца своего.

Кѣмъ слѣны града вознесены ,
 Не соберетъ ли поны граждаи ?
 Кѣмъ скорби духа изцѣлены ,
 Пленскихъ не изцѣлитъ ли раи ?

Создавый солнца , круги звѣздны ,
 И имъ нарекши имена ,
 Великъ Господь ! великъ ! — И бездны
 Его премудрости кѣмъ дна.

Онъ кроющихъ въ милость принимаетъ
 И праведнымъ даетъ покровъ ;
 Надменныхъ власть уничтожаетъ
 И грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ.

Начните-же Бога вы , начните ,
 О горды , познавать , умы !
 И въ похвалу Ему спойте
 Устройте гусли и псалмы.

Онъ небо мракомъ облекает ,
 Готовитъ въ тучахъ дождь бразды ;
 Росой горы проитая ,
 Изводитъ златъ на службу намъ.

Даешъ звѣрямъ и птицамъ пищу,
И насѣкомымъ и червямъ:
Такъ рублище даруешъ нищу,
Какъ діадиму и Царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ желаешъ,
Не къ мужеству благоволишъ:
Но на Него кто уповаешъ,
Онъ любящихъ Его хранишъ.

VI.

ЩАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО.

Блаженъ, кто Господа боится
И по пушамъ Его идешь,
Своимъ доспашкомъ насладишься
И въ благоденствѣ поживеши.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата;
Но миръ, покой и пищина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцомъ веселятъ своимъ:
Его благословенны чада
Такъ милья вкругъ препезы съ нимъ.

Такъ щастливъ, такъ благополученъ
И такъ блаженъ пошъ человекъ,
Кто съ честию, правдой неразлученъ
И въ Божьемъ страхѣ велъ свой вѣкъ.

Благословицея ошъ Сиона,
Благая снудушъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и споща
Въ сей жизни не былъ никому.

Кто не вредишь и не обидишь,
И зломъ не воздаешъ за зло,
Сыны сыновъ своихъ увидишь
И въ жизни всякое добро.

Миръ въ жизни сей, и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

VII.

УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ.

Когда то правда, человѣкъ!
Что цѣль печалей весь свой вѣкъ:
Почто-жъ намъ вѣкомъ долгимъ льстишься?
На полъ, чтобъ плакать и крушиться,
И мѣря жизнь свою шоской,
Не знаешь оправды никакой?

Кончатъ день золъ днемъ золъ другихъ,
Спрашишься радости своихъ,
На счастья блескъ не полагаешься,
И каждый мигъ того боешься:
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть
 придетъ!
Начала всѣ концы сѣчетъ.

Младенецъ лишь родился въ свѣтъ,
Увы! увы! онъ вопіетъ.
Ужъ чувствуешь свое онъ горе;
Низверженъ въ преволнено море,
Волной несетъя чрезъ волну,
Песчинка въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ!
Се нашихъ всѣхъ суешь вѣнецъ!
Что жизнь? — Жизнь смерти плѣнно сѣмя,
Что жить? — Жить мигъ лепяща время;
Едва почувшвовашъ, познашь,
Познашь ничтожество, — спрадашь.

Спрадашь, — и скорбно чувство мукъ
 Умѣшь еще сносить безъ скукъ.
 На то ли создалъ Ты опъ вѣка,
 О Боже! брѣнна человѣка?
 Творецъ! но на Тебя-ль ропшашъ?
 Такъ чшо жъ оспалося? — спрадашь.

Такая жизнь не жизнь, — но ядъ;
 Змія въ груди, геенна, адъ,
 Живаго жрепъ меня до гроба.
 Ахъ! еспьли самая шажъ злоба
 По смерти мспинъ намъ и въ гробахъ:
 Кого-жъ Творцемъ назвашъ? — кто благъ?

Лишь Парки жизни нипъ прервущъ,
 Ужъ вспрѣчу Фуріи бѣгутъ;
 Опсель извемлетъ скоропечность:
 А шамъ, а шамъ разверсла вѣчность!
 Дрожу! — лепся въ жилахъ хладъ!
 О вѣчность, вѣчна мука, адъ!

Но что? — Зрю молніи кругомъ!
 Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ,
 Перунъ перуны прерываешъ;
 Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ зываетъ:
 „Богъ благъ, опецъ Онъ пвари всей;
 „Ты золъ, — и адъ въ душѣ твоей.“

Божественный сей крѣпкій гласъ
 Кичливый духъ во миѣ попрясъ;
 Возпрепепала совѣсть черна,
 Изчезла мысль неимовѣрна,
 Прошли опчаянья мечпы:
 Всесильный! — помоги миѣ Ты!

Уйми страстей моих Ты шумь
И бурный обуздай мой умь.
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ шомъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золь покоенъ былъ,
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызашь,
Копора подпята нарашъ,
Средь юности моей несѣлой,
Средь зрѣлой жизни, преспарѣлой,
Средь ярыхъ волиъ, мірскихъ оуетъ,
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущашь,
Собою больше обладашъ,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты швари бѣдной, брешной,
Небесну помощь съ высоты.
Ты щедръ, щедрощъ источникъ Ты!

Надъ безднами горящихъ шѣлъ,
Которыхъ лучъ не долетѣлъ
До насъ еще съ начала міра,
Опколь, среди зыбей ээира,
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
Какъ злачный червь, во шмѣ блещишъ:

Тамъ внемлетъ насѣкомымъ Богъ. —
Достигъ мой вопль въ Его чертогъ.
Я зрю: избрана прежде вѣка
Грядетъ покойшъ челоуѣка;
Надежды вѣшъ въ рукѣ у ней: —
Ты, Вѣра! — миръ душѣ моей!

Ты мысли дерскія плѣнишь ,
 Сердцамъ незлобіе даришь ,
 Терпѣньемъ души укрѣпляешь ,
 На подвигъ немощь ободряешь ,
 Ты крошкимъ свѣтъ и красота ,
 Ты гордымъ мракъ и суеда.

Приспойно цѣль имѣшь уму ,
 Куда пара лепѣшь ему.
 Пустъ все подвержено сумнѣнью :
 Но безъ Творца какъ бышь творенью ?
 Его пы , Вѣра , учишь знашь ,
 Любишь , молишь , — не постигашь.

Непостижимый сей Творецъ
 Да будетъ мой покровъ , отецъ !
 Онъ взоромъ волны укрощаетъ ,
 Онъ всей Природой мнѣ вѣщаетъ :
 „Испышываешь судьбы забудь ,
 „Надѣйся , вѣрь , — и щасливъ будь.“

О вы , что мысли оспрошой ,
 Развраща славилесь мечшой !
 Послѣдую сему примѣру ,
 Прійдите , обвимице Вѣру ;
 Она одна спокоитъ васъ ,
 Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

VIII.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Умолни чернь непросвѣщенна,
Слѣпыя міра мудрецы!

Небесна Истина, священна!

Твою мнѣ шайну ты прорцы.

Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?

Безсмертна ли душа моя?

Се слово мнѣ гремишь предвѣчно:

Живъ Богъ! — жива душа твоя!

Жива душа моя! и вѣчно

Она жить будетъ безъ конца;

Сіянье длится безпресѣчно,

Текуще свѣта ошъ Ошца.

Ошъ лучезарной единицы,

Въ комъ всѣхъ существъ вращиша кругъ,

Канія ни шенушь часпицы,

Всѣ живы, вѣчны: — вѣченъ духъ.

Духъ шонкій, мудрый, сильный, сущій

Въ единый мигъ и шамъ и здѣсь,

Быспрѣе молніи пекущій

Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,

Неосязаемый, незримый,

Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ

Непоспшижимо содержимый,

Живущій внутри меня и внѣ;

Духъ, чувствовашь, внимашь способный,

Все знашь, судишь и заключаешь;

Какъ легкій прахъ, шавъ міръ огромный

Вкругъ мѣришь, вѣсишь, изчисляшь;

Ревущи отвращашь перуны,
 Чрезъ бездны преплывашь морей,
 Сивозъ своды воздуха лазурны
 Свѣшъ черташъ солнечныхъ лучей;

Могущій время скоропечность,
 Прошедше съ будущимъ вязать;
 Воображаешь блаженство, вѣчность,
 И съ мерзвыми совѣшъ держаешь;
 Плѣняешься истинѣ красотою,
 Надѣяешься безсмертнымъ быти:
 Сей духъ возможетъ ли носою
 Пресѣчься смерти и не жить?

Какъ можно, чшобы Царь всемірный,
 Господь снхій и вещесива —
 Сей духъ, сей умъ, сей огонь эфирный,
 Сей истый образъ Божесива —
 Являлся съ славою шаною,
 Чшобъ только мигъ въ семъ свѣшъ жить,
 Потомъ покрылся-бъ вѣчною шьмою?
 Нѣшъ, нѣшъ! — сего не можетъ быти.

Не можетъ быти, чшобъ съ плотью плѣшней,
 Не чувешвуща неплѣшнихъ силъ,
 Прошиву смерти развяренной
 Въ сраженъе воинъ выходилъ;
 Чшобъ власшью Царь не ослѣплялся,
 Судья прошивъ даровъ споялъ,
 И человекъ съ спраштьми сражался,
 Когда бы духъ не укрѣплялъ.

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщавшъ,
 Паришъ въ Шиптахъ въ вышину,
 Въ Виліяхъ сонмы убѣждаешъ,
 Съ народовъ лонилъ слѣшюшу;

Сей духъ и въ узахъ не боится
 Тиранамъ правду говоришь.
 Чего безмерному спрашишься?
 Онъ будешь и за гробомъ живъ.

Премудрость вѣчная и сила,
 Во знаменье чудесъ своихъ,
 Въ персть земну душу, духъ вложила,
 И такъ во мнѣ связала ихъ,
 Что сдѣлались они причастны
 Другъ друга свойствъ и естества:
 Въ сей водворился мнѣ прекрасный
 Безсмертный образъ Божества!

Безсмертенъ я! — и увѣряешь
 Меня въ томъ даже самый сонъ;
 Мои онъ чувства усыпляетъ,
 Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
 Оспавя неподвижно тѣло,
 Лежащее въ моемъ одрѣ,
 Она свой путь свершаетъ смѣло,
 Въ стихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедши годы
 Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
 Не всѣ ли виды намъ природы
 Лишь бывшихъ мечтъ являюща сонмъ?
 Когдажъ оспоришь то не можно,
 Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
 По смертномъ снѣ пакъ непреложно
 Живъ будешь и душа моя.

Какъ тѣма есть свѣта оплученье:
 Такъ оплученье жизни — смерть,
 Но воль лучей, во удаленьѣ,
 Умершими не лзя почестъ:

Тань и души, опшедшей тѣла;
 Она жива, — какъ живъ и свѣтъ;
 Превыше плѣннаго предѣла
 Въ своемъ источникѣ живетъ.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ
 Крылаша мысль моя паритъ;
 Я здѣсь умру, — но и въ эфирѣ
 Мой гласъ по смерти возгремитъ.
 О! есѣли-бъ спихошворство знало
 Брасть краску солнечныхъ лучей,
 Какъ ночью бы луна, сіяло
 Безсмертїе души моей.

Но есѣли нѣтъ души безсмертной:
 Почто-жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
 Что въ добродѣтели мнѣ щепной,
 Когда умретъ душа моя?
 Мнѣ лучше, лучше бышь злодѣемъ,
 Попранъ законъ, низвергнушь власъ,
 Когда по смерти мы имѣемъ
 И злой и добрый равну часъ.

Ахъ, нѣтъ! — коль плоть разрушася плѣнна
 Мершвила - бѣ нашъ и духъ съ собой,
 Давно бы попряслася вселенна,
 Земля покрылася кровью, мглой;
 Упали - бѣ троны, царства, грады,
 И все погибло - бѣ золь въ борьбѣ:
 Но духъ безсмертный ждетъ награды
 Отъ правосудїя себѣ.

Дѣла, и сами наши спрасни,
 Безсмертїя знаки нашихъ душъ,
 Богатствъ алкаемъ, славы, власти:
 Но всѣ ихъ получа, мы въ шужъ

Минушу вновъ — и близь могилы —
 Не пресшаемъ еще желанъ ;
 Такъ мыслей просшираемъ крилы,
 Какъ будшобъ въ вѣкъ не умирашъ.

Нашъ прахъ слезами оросишся,
 Гробъ скоро мохомъ заросшешъ :
 Но огонь опъ праха въ шомъ родишся,
 Надгробну надпись кто прочшешъ ;
 Блеснешъ, — и вновъ подъ небесами
 Начнешъ свой фениксъ новый кругъ.
 Все движешся, живешъ дѣлами,
 Душа безсмершна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
 Въ мигъ возгарается огня :
 Подобно мысли сообщеньемъ
 Возможно вдругъ возжечь меня ;
 Во слѣдъ же моему примѣру
 Пойдешъ опважно и другой :
 Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
 Мы просшираемъ за собой !

И всяко сѣмя, роду сродно
 Какъ своему приносишъ плодъ :
 Такъ всяка мысль себѣ подобно
 Дѣянъе за собой ведешъ.
 Благе въ мѣрѣ духи, злые,
 Сущъ вѣчны чѣда сихъ сѣменъ ;
 Опъ нихъ шѣ свѣшъ, а шѣму другіе,
 Въ себя приемлюшъ — жизнь, иль шлѣнъ.

Бываю веселъ и спокоенъ ,
 Когда я сошворю добро ;
 Бываю скученъ и разспрошенъ ,
 Когда содѣлаю я зло.
 Опкожь же разность чувствъ такая ?
 Опкожь борьба и персѣсѣ ?
 Не по-ль , что плоть есть перость земная ,
 А духъ — влїяніе небесъ ?

Опкожь , и чувствъ по насыщенъ ,
 Обземлешъ душу пустоша ?
 Не опъ того-ль , что наслажденье
 Для ней благъ здѣшнихъ суеша ?
 Что есть для насъ другой міръ краше ,
 Есть вѣчныхъ радостей чертогъ ?
 Безсмертіе — спихія наша ,
 Покой и верхъ желаній — Борь !

Болѣзнью изнуренна смершною
 Зрю мужа праведна въ одрѣ ,
 Покрышаго ужъ иѣзью мершвою ;
 Но при возблещущей зарѣ
 Надъ нимъ прекрасной , вѣчною мнати .
 Горѣ онъ взорѣ возводитъ вдругѣ ,
 Слѣща въ объяніе опчизны ,
 Сѣ улыбкой выпускаетъ духъ .

Какъ червь , оставя паушину
 И въ бабочкѣ взявъ новый видъ ,
 Въ лазурну воздуха равнину
 На крыльяхъ блещущихъ лешинъ ,
 Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ ,
 Сѣ цвѣтовъ садится на цвѣты :
 Такъ и душа , небесъ въ пространствѣ ,
 Не будешь ли безсмертна ты ?

О нѣтъ! — безсмертіе прямое
Въ единомъ Богѣ вѣчно жить,
Покой и счастье прямое
Въ Его блаженномъ свѣтѣ чинить.
О радость! — о восторгъ любезный!
Сіяи надежда, лучь лія,
Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ! — жиса душа моя!

IX.

Б у р я.

Судно, по морю носимо,
Рѣши между черныхъ волнъ;
Бѣлы горы идуши мимо,
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.

Кпо изъ пучь бѣгущей пламени
Гасиши надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый чолнъ заводитъ мой?

Ты, Творецъ, Господь всемогущий,
Безъ Копораго и власъ
Не погибнешь мой единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!

Ты миѣ жизнь мою пробавилъ,
Весь мой духъ Тебѣ открыши;
Въ сонмъ вельможъ меня поставилъ;
Будь средь нихъ мой вождь и щитъ.

Х.

ВВЕДЕНИЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ.

Возшелъ Давидъ въ сѣнь правды,
А съ нимъ и Соломонъ:
Гдѣ казнь на злыхъ, благимъ награды,
Законы вѣзанны святымъ жезломъ
Въ скрыжаль сапфирну, вокругъ златую,
Хранимы въ родъ и родъ. — Возшелъ и сѣлъ
на тронъ!

Велѣлъ съ собой возсѣсть и сыну одесную;
Сшарѣйшины предъ нимъ, склонившия челою,

По манію его возсѣли
Въ молчаньи на своихъ мѣстахъ. —
Невидимо на высотахъ
Щалшъри струны загремѣли:

„Боже! дай Царю Твой судъ
„И Цареву сыну правду,
„Да народу подадуть
„И защиту и награду.

„Да на горы миръ сойдетъ,
„Правосудіе въ долины,
„Бѣдныхъ да спасетъ отъ бѣдъ,
„Плачущихъ отъ злой судьбы.

„Да смиритъ клеветниковъ,
„И какъ солнце въ вѣкъ сіяетъ
„И луна межъ облаковъ:
„Такъ блистаетъ на тронѣ спанетъ.

„Такъ сойдешь онъ въ низкій домъ
 „Съ высочайшаго престола,
 „Какъ низходитъ дождь на колмъ
 „И роса на сушу дола.

„Истина во всѣхъ сердцахъ,
 „Правда въ людяхъ паселася,
 „И въ его блаженныхъ дняхъ
 „Щастіе возобновися.

„Падши, пыль подикушь ногъ
 „Орды передъ нимъ Азіиски,
 „И безцѣнноси въ залогъ
 „Принесутъ Цари Фарсіиски.

„Да помолятся уму
 „Въ немъ подсолнечной владыки,
 „Поработаютъ ему
 „Подчишившия языки;

„И покажутъ, что онъ былъ
 „Щиръ онъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ,
 „Вдовъ и сирыхъ покорилъ
 „Токомъ благости обильнымъ.

„Подданныхъ жалбъ лишь ровъ,
 „Ограждалъ онъ ихъ, неправды,
 „И къ себѣ ихъ чинилъ любовь
 „Выше всякія награды.

„Долги будутъ дни ему,
 „Благо попеченъ рѣкою;
 „Дань легко дадутъ плому,
 „Кто любимъ онъ всѣхъ душою.

„Нивы на вершинахъ горъ ,
 „Садъ Ливанскій расплодился ;
 „Градъ , поля — восхитяшъ взоръ ,
 „Въ нихъ блаженство водворится.

„Пальма , лавръ увьюшъ чело ,
 „Славою украсяшъ вѣчной ,
 „Чтобы имя процвѣло
 „Похвалою чистосердечной.“

Какъ лучь , на верхъ Ерусалима
 Снеслася благодать , — Израиль зрѣлъ.
 Да будешь въ вѣкъ , въ восшоргѣ пѣлъ ,
 Егови данъ благословима ,
 Приосѣняющая насъ ! —
 За симъ умолкъ псалмыри гласъ.

ХІ.

М о л и т в а.

О Боже, душъ Творецъ безсмертныхъ
И всѣхъ — гдѣ существуетъ кто!
О Единица чиселъ несмѣтныхъ,
Безъ коей всѣ они ничто!
О средоточіе, согласье!
Все содержащая Любовь!
Источникъ жизни, блага, счастья,
И малыхъ и большихъ міровъ!

Коль Ты лишь духомъ наполняешь
Своимъ цѣвницы швари всей,
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей;
И вокругъ оныя мириадовъ звѣздныхъ,
Пиющихъ свѣтъ съ Твоихъ очесъ,
Самъ черпдешь блескъ лучей любезныхъ
И льешь ихъ въ океанъ небесъ;

И мнѣ, по плоти праху плѣти,
Когда на пощѣ одинъ конецъ
Ты вдунулъ душу толь священну,
Чтобы въ гармонию, Творецъ!
И я вошелъ Твою святую;
О! низпошлижъ мнѣ столько силъ,
Чтобъ развращенну волю злую
Твоей я волѣ покорилъ;

И такъ бы сдѣлалъ душу чисту,
 Какъ водный ключь, — сквозь блашь гнилыхъ,
 Какъ запахъ розъ, — сквозь дѣбрь дымисту,
 Какъ лучъ небесъ, — сквозь безднѣ ночныхъ
 Прошедши, пѣми же бывающѣ,
 Что были въ существѣ своемъ,
 Или свѣплѣй еще сіяющѣ,
 Чѣмъ злато, сжененное огнемъ.

Подаждь, — чшобъ все мое желанье,
 Вся мысль моя единъ былъ Ты,
 И испиивъ бы Твоихъ алканье
 Пожрало міра суешы;
 Чшобъ правды, совѣспи, закона,
 Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
 Изъ подлоспи, хошябъ у прона,
 Я ни на что не промѣнялъ;

Чшобъ, анавъ мое происхожденье,
 Моихъ достоинствъ я не шмилъ;
 Твоей лишь волѣ въ угожденье
 Въ лицѣ Царя Твой образъ чшилъ;
 Чшобы, шрудяся безвозмездно,
 Творилъ самимъ врагамъ добро,
 И какъ Тебѣ добро любезно,
 Такъ ненавидѣлъ бы я зло;

Несчастливыхъ, ушѣсенныхъ слезу
 Чшобы сѣвшилъ я опирашь,
 Сердца, подобныя желѣзу,
 Моей горячюстью смягчашь;
 Чшобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ,
 На лонѣ нѣгѣ не воздремалъ;
 Но *былъ душой Тебѣ подобенъ,
 И всю ее съ Тобой сливалъ.

О! сладна мысль и дерзновенна, —
Желашь съ Творцемъ слянну бышь!
Когда придетъ неизреченна
Мнѣ радость та, чшобъ въ Богѣ жишь?
Когда съ Тобой соединюся,
Любви моей, желаній край?
Гдѣ предъ лицемъ Твоимъ явлюся,
Тамъ мрачный адъ мнѣ будетъ — рай.

ХІІ.

Ф Е Л И Ц А.

Богородобная Царевна
Киргиз - Кайсацкія орды!
Которой мудросшь несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ расцвѣтъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай, найми ее, совѣтъ.

*

Подай, Фелица! наславленье;
Какъ пышно и правдиво живешь,
Какъ укрощаешь спрасней волненье
И щасливымъ на свѣтѣ бынешь.
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ превозвождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мяпясь женской суеюю,
Сего дня властивую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

*

Мурзамъ Твоимъ не подражалъ,
Почасу ходишь Ты пошкомъ,
И пища самая просшая
Бываетъ за Твоимъ ешломъ;

Не дорожа Твоимъ покоемъ ,
 Читаешь , пишешь предъ налоемъ ,
 И всѣмъ изъ Твоего пера
 Блаженство смершнымъ проливаешь ;
 Подобно въ карты не играешь ,
 Какъ я , ошъ ушра до ушра .

*

Не слишкомъ любишь маскарады ,
 А въ клобъ не спушишь и ногой ;
 Храня обычай , обряды ,
 Не донкишотспвуешь собой ;
 Коня Парнаска не сбдлаешь ,
 Нъ духамъ въ собранье не вбъзжаешь ,
 Не ходишь съ прона на Воспокъ ;
 Но кропосши ходя спезею ,
 Благошворящею душею ,
 Полезныхъ дней проводишь шокъ .

*

А я , проспавши до полудни ,
 Курю шабакъ и кофе пью ;
 Преображая въ празднивъ будни ,
 Кружу въ химерахъ мысль мою :
 То плбнвъ ошъ Персовъ похищаю ,
 То спрблы къ Туркамъ обращаю ;
 То возмечшавъ , что я Султанъ ,
 Вселенну успрашаю взглядомъ ;
 То вдругъ , прельщаяся нарядомъ ,
 Скачу къ поршному по кафтанъ .

*

Или въ пиру я пребогатомъ ,
 Гдбъ праздникъ для меня даюшъ ,
 Гдбъ блещень сполъ серебромъ и златомъ ,
 Гдбъ штысячи различныхъ блюдъ ;

Тамъ славный окорокъ Веспфальской ,
 Тамъ звеня рыбы Астраханской ,
 Тамъ пловъ и пироги стоящъ ;
 Шампанскимъ вафли запиваю ,
 И все на свѣшъ забываю
 Средь винъ , сластей и ароматъ.

*

Или средь рощицы прекрасной
 Въ бесѣдѣ , гдѣ фоншанъ шумишъ ,
 При звонѣ арфы сладногласной ,
 Гдѣ вѣперокъ едва дышишъ ,
 Гдѣ все мнѣ роскошь представляешъ ,
 Къ упѣхамъ мысли уловляешъ ,
 Томишъ и оживляешъ кровь :
 На бархатномъ диванѣ лежа ,
 Младой дѣвицы чувства иѣжа ,
 Вливаю въ сердце ей любовь.

*

Или великолѣпнымъ цугомъ
 Въ карешѣ Англійской , златой ,
 Съ собакой , шумомъ , или другомъ ,
 Или съ красавицей какой
 Я подъ начелями гуляю ;
 Въ шинки пипъ меду забъзаю :
 Или , какъ то наскучишъ мнѣ ,
 По склонности моей къ премѣнѣ ,
 Имѣя шапку на бекренѣ ,
 Лечу на рѣзвѣ бѣгунѣ.

*

Или музыкой и иѣвцами ,
 Органомъ и волынкой вдругѣ ,
 Или кулачными бойцами
 И пляской веселю мой дужѣ ;

Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
 Оставя, ѡзжу на охоту,
 И забавлюсь лаемъ псовъ;
 Или надъ Невскими берегами
 Я пѣшусь по ночамъ рогамъ
 И греблей удалыхъ гребцовъ.

*

Иль сидя дома я прокажу,
 Играя въ дураки съ женой;
 То съ ней на голубяшню лажу,
 То въ жмурки рѣвемся порой;
 То въ свайку съ нею веселюся,
 То ея въ головѣ ищуся;
 То въ книгахъ рыщуся я люблю,
 Мой умъ и сердце просвѣщаю,
 Полкана и Бову чищаю;
 За Библией зѣвая сплю.

*

Таковъ, Фелица, я развращенъ!
 Но на меня весь свѣтъ похожъ.
 Кто сколько мудросью ни знаменъ,
 Но всякой человѣкъ есть ложь. —
 Не ходимъ свѣща мы пушями,
 Бѣжимъ развраща за мечнами.
 Между лѣншемъ и брозгой,
 Между тщеславья и порокомъ,
 Нашелъ кто развѣ непарокомъ
 Пушь добродѣтели прямой.

*

Нашелъ; — но лъзя-ль не заблуждайтесь
 Намъ слабымъ смершнымъ въ семъ пуши,
 Гдѣ самъ разсудокъ спотыкается
 И долженъ въ слѣдъ спрасшямъ идти;

Гдѣ намъ ученые невѣжды,
 Какъ мгла у пупниковъ, шмятѣ въжды? —
 Вездѣ соблазнѣ и ласкѣ живешѣ:
 Пашей всѣхъ роскошѣ угнѣшаешѣ.
 Гдѣ-жѣ добродѣтель обитаешѣ?
 Гдѣ роза безъ шиповъ распешѣ?

*

Тебѣ единой лишь приспойно,
 Царевна! свѣтѣ изъ тмы шворишѣ;
 Дѣля хаосѣ на сферы спройно,
 Союзомъ цѣлосшѣ ихѣ крѣпишѣ;
 Изъ разногласія согласье
 И изъ спрасшей свирѣпыхѣ щасшье
 Ты можешѣ только созидашѣ.
 Такъ кормщикѣ, черезъ поншѣ плывущій,
 Ловя подѣ парусѣ вѣпрѣ ревушій,
 Умѣешѣ судномъ управляшѣ.

*

Единая Ты лишь не обидишѣ,
 Не оскорбляешѣ никого,
 Дурачествая сквозѣ пальцы видишѣ,
 Лишь зла не терпишѣ одного;
 Проступни снзхожденьемъ правишѣ,
 Какъ волкѣ овецѣ, людей не давишѣ,
 Ты знаешѣ прямо цѣну ихѣ.
 Царей они подвластны волѣ:
 Но Богу правосудну болѣ,
 Живущему въ законахѣ ихѣ.

*

Ты здраво о заслугахѣ мыслишѣ,
 Достоинствомъ воздаешѣ Ты чесшѣ;
 Пророкомъ Ты шого не числишѣ,
 Кшо только риѣмы можешѣ плесшѣ:

А что сія ума забава,
 Калифовъ добрыхъ честь и слава;
 Снизходишь Ты на лирный ладъ.
 Поэзія Тебѣ любезна,
 Пріятна, сладостна, полезна,
 Какъ лѣшомъ вкусный лимонадъ.

*

Служь идешь о Твоихъ поступкахъ,
 Что Ты ни мало не горда;
 Любезна и въ дѣлахъ и въ шутикахъ,
 Пріятна въ дружбѣ и шверда;
 Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
 А въ славѣ такъ великодушна,
 Что опречлась и мудрой слышь.
 Еще же говоришь неложно,
 Что будто всегда возможно
 Тебѣ и правду говоришь.

*

Неслыханное также дѣло,
 Доспойное Тебя одной,
 Что будто Ты народу смѣло
 О всемъ, и въявь и подъ рукой,
 И знашь и мыслишь позволяешь,
 И о Себѣ не запрещаешь
 И былъ и небыль говоришь;
 Что будто самымъ кроводиламъ,
 Твоихъ всѣхъ милосшей Зоиламъ,
 Всегда склоняешься просишь.

*

Спремятся слезъ пріятныхъ рѣки
 Изъ глубины души моей.
 О! коль щасливы человекѣ
 Тамъ должны бышь судьбой своею.

Гдѣ Ангелъ крошкой, Ангелъ мирной,
 Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
 Съ небесъ низпосланъ скиптръ носишь!
 Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
 И казни не боясь, въ обѣдахъ
 За здравіе Царей не пишь.

*

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
 Въ строкѣ описку поскоблишь,
 Или портретъ неосторожно
 Ея на землю уронишь.
 Тамъ свадебъ шуповскихъ не паряшь,
 Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жаряшь,
 Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
 Князя насѣдками не клохчутъ,
 Любимцы въявь имъ не хохочутъ
 И сажей не мараютъ рожъ.

*

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
 И человекѣвъ и Царей;
 Когда ты просвѣщаешь нравы,
 Ты не дурачишь такъ людей;
 Въ Твои оны дѣла опдохновенья,
 Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
 И Хлору въ азбукѣ твердишь:
 „Не дѣлай ничего худова,
 „И самага сапира злова
 „Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.“

*

Слыдишься слышь Ты пѣмъ великой,
 Чшобѣ страшной, нелюбимой бышь;
 Медвѣдицѣ прилично дикой
 Живошныхъ рвать и ировъ ихъ пишь.

Г

Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдствѣа
 Тому ланцетовѣ нужны-ль средства,
 Безъ нихъ кто обойтися могъ?
 И славно-ль бысть пому пираномъ,
 Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ;
 Кто благоспѣю великъ, какъ Богъ?

*

Фелицы слава, слава Бога,
 Который брани усмирилъ;
 Который сира и убога
 Покрываетъ, одѣваетъ и накормилъ;
 Который окомъ лучезарнымъ
 Шупамъ, шрусамъ, неблагодарнымъ
 И праведнымъ свой свѣтъ даритъ;
 Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
 Больныхъ покоитъ, изцѣляетъ,
 Добро лишь для добра шворитъ;

*

Который даровалъ свободу
 Въ чужія области скакать,
 Позволилъ своему народу
 Сребра и золота искать;
 Который воду разрѣшаетъ,
 И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
 Великъ и шкатель, и прясель, и шитъ;
 Развязывая умъ и руки,
 Великъ любитъ торги, науки,
 И счастье дома находить;

*

Котораго законъ, десница
 Даютъ и милости и судъ. —
 Вѣщай, премудрая Фелица!
 Гдѣ ошличенъ отъ честныхъ плутокъ?

Гдѣ спарость по міру не бродишь ?
 Заслуга хлѣбъ себѣ находишь ?
 Гдѣ мечь не гонишь никого ?
 Гдѣ совѣсть съ правдой общаюшь ?
 Гдѣ добродѣтели сіяюшь ? —
 У пророка развѣ Твоего !

*

Но гдѣ твоей прони сіяетъ въ мірѣ ?
 Гдѣ, въ швь небесная, цвѣтешь ?
 Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ ? —
 Послушай, гдѣ ты ни живешь ;
 Хвалы мои Тебѣ примѣня,
 Не мни, чшобъ шапки, иль бешмеша
 За нихъ я отъ себя желалъ.
 Почувствованъ добра пріятство
 Такое есть души богатство,
 Какого Крезъ не собиралъ.

*

Прошу великаго Пророка,
 Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
 Да словъ Твоихъ сладчайша шона
 И лицезрѣнья насладусь !
 Небесныя прошу я Силы,
 Да ихъ простря сафиры крылы,
 Невидимо Тебя храняшь
 Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и снуки ;
 Да дѣль твоихъ въ потомствѣ звуки,
 Какъ въ небѣ звѣзды, возблеснятъ.

ХІІІ.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЪ.

Предшественница дня златаго,
Весення утренняя заря,
Когда изъ понша голубаго
Ведешь къ намъ звѣзднаго царя,
Румяный взоръ свой ослабляешь
На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываешь
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылатые кони по эфиру
Летяшь и разсѣваютъ мракъ;
Любезное свѣсило міру
Пресвѣтлѣй свой возносишь знакъ;
Бѣгушь толпами шѣни черны:
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый,
Тамъ свѣтили перлы по лугамъ.

Тамъ степи, какъ моря, спружилися,
Сбѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ пучи журавлей спадялися,
Волторкъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:
Мое шакъ сердце благодарно
Къ Тебѣ усердіемъ горитъ.

Къ Тебѣ усердіемъ , Фелица ,
 О крошкѣ Ангелъ во плоти !
 Которой разумъ и десница
 Намъ кажущъ къ счастью пути .
 Когда Тебѣ въ нелицемѣрномъ
 Угодна слогъ простота ,
 Внемли : — но въ чувствѣи безмѣрномъ
 Мои безмолвствующіе уша .

Когда поверхъ снужской влаги
 Благопріятный дунетъ вѣтръ ,
 Попутны возпрепещутъ флаги ,
 И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
 За кораблемъ серебро грядою :
 Тогда испустятъ гласъ пловцы ,
 И съ восхищеною душою
 Вселенной полешатъ въ концы .

Когда небесный возгорится
 Въ Пикѣ огонь , онъ будетъ пѣнь ;
 Когда отъ бремя дѣлъ случится
 И мнѣ свободный часъ имѣть :
 Я праздности оставлю узы ,
 Игры , бесѣды , суеши ;
 Тогда ко мнѣ придутъ Музы ,
 И лирой возгласишь Ты .

XIV.

НА РОЖДЕНИЕ ВЪ СЪВЕРЬ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОЧА.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушистыя
И мешели воздымалъ,
Налагая цѣпи льдистыя,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова шарика;
Землю въ камень прешворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣшь не смѣли пшиченъ хоры,
Пчелы пряпались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ снуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣватьъ Сапирны руки
Собирались вокругъ огней.
Въ это время, споль холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился, — и въ ту минушу
Пересталъ ревѣшь Борей;
Онъ дохнулъ, и зиму люшу

Удалилъ Зефиръ съ полей ;
 Онъ возрѣлъ , — и солнце красно
 Обращилося къ веснѣ ;
 Онъ вскричалъ , — и лиръ согласно
 Звукъ разжесся въ сей странѣ ;
 Онъ просперъ лишь дѣтски руки —
 Ужь порфиру въ руки бралъ ;
 Раздались громовы звуки ,
 И весь Сѣверъ возсіалъ .
 Я увидѣлъ въ восхищеньи
 Разшворенъ Судебъ чертогъ ;
 И подумалъ въ изумленьи ,
 Знашь родился нѣкій Богъ .
 Геніи къ нему слетѣли
 Въ свѣшломъ облакѣ съ небесъ .
 Каждый Геній къ колыбели
 Даръ рожденному принесъ :
 Тотъ принесть ему громъ въ руки
 Для предбудущихъ побѣдъ ;
 Тотъ художества , науки ,
 Украшающія свѣтъ ;
 Тотъ обиліе , богатство ;
 Тотъ сіяніе порфиръ ;
 Тотъ утѣхи и пріятство ,
 Тотъ спокойствіе и миръ ;
 Тотъ принесть ему плѣсну ,
 Тотъ душевну красоту ;
 Прозорливость тотъ небесну ,
 Разумъ , духа высоту .
 Словомъ : всѣ ему блаженства
 И палатны подаря ,
 Всѣ вліяли совершенства ,
 Составляючи Царя .

Но послѣдній, добродѣтель
 Зараждаючи въ немъ, рекъ:
 „Будь спрасшей своихъ владѣтель,
 Будь на проиѣ челоуѣкъ!“
 Всѣ крылами всплескали;
 Каждый Геній восклицалъ:
 Се божественный, вѣщали,
 Даръ младенцу онъ избралъ,
 Даръ всему полезный міру,
 Даръ доброшамъ всѣмъ вѣнецъ!
 Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
 Будетъ подданнымъ онецъ!
 Будетъ, — и Судьбы гласили, —
 Онъ Монаркамъ образецъ!
 Лѣсъ и горы повшорили:
 Упѣшеніемъ сердецъ!
 Симъ Россія восхищенна
 Токи слезны пролила,
 На колѣни преклоненна
 Въ руки Оспроа взяла;
 Возпріявъ его, лобзаетъ
 Въ перси, очи и уста;
 Въ немъ геройство возрасаетъ,
 Возрасаетъ красота.
 Всѣ его ужъ любящъ спрасшно,
 Всѣхъ сердца ужъ онъ возжогъ.
 Возрасай, дитя прекрасно!
 Возрасай, нашъ полубогъ!
 Возрасай, уподобляясь
 Ты родителемъ во всемъ;
 Съ ихъ ты Матерью равняясь,
 Соравняйся съ Божествомъ.

ХУ.

На отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію.

Не бряцай, печальна лира,
Громкой пѣсни ны сей часъ:
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музъ Богиня удалилась,
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей:
Солнцу красному подобно,
Щасье, кажешся, народно
Унашилося за ней.

*

Пусты дома, пусты роци,
Пустота у насъ въ сердцахъ.
Какъ среди глубокой ноци
Дремлетъ пишина въ лѣсахъ,
Вся природа унываетъ,
Мракъ боязни разсѣваетъ,
Ужасъ ходитъ по слѣдамъ;
Ешьлибъ въпры не дышали
И пошони не журчали,
Образъ смерти зрѣлся-бъ намъ.

*

Такъ, съ Тобою въ разлученіи,
Скорбью мы помрачены;
Лишь о насъ Твои раченіи
Оживленье сей страны.

Мы ушавы получаемъ,
 Вновь блаженство почерпаемъ
 Отъ премудрости Твоей;
 Но оно съ Тобой намъ краше.
 Возвратись, свѣтило наше!
 Возвратись къ намъ скорбей.

*

Человѣчество Тобою,
 Истина и совѣсть въ судъ
 Сей начальствовашь справою
 Въ вѣлѣбнѣи грядущѣ;
 Благодашь на нихъ сіленѣ,
 Памятникѣ изображаешь
 Твой изъ радушиныхъ лучей.
 Злосѣть поверженна скрещенѣ,
 Въ узахъ ябеда препененѣ;
 Гласъ зовешь Твоихъ людей.

*

Будь усердія свидѣтель,
 Благодарность нашу зри.
 Ежели за добродѣтель
 Обожаемы Цари:
 Зри Ты жертвы непорочны,
 Олтари Тебѣ заочны
 Въ сердцѣ щимся созидать;
 Въ души Твой законъ ялаемъ,
 И въ восторгѣ восклицаемъ:
 Возвратись наша Мать! —

*

Возвратись! — и ушавы
 Ты Собою освяши,
 Къ храму щастія и славы
 Намъ являючи пути.

Возвращися! — Естьлижъ должно,
 Продолжай путь неоплошно.
 Къ ушбшенью спранб другихъ;
 Пусшь спраны узрящб иныя
 Всб величества земныя
 Вб добродбшеляхъ Твоихъ.

*

Пусшь и дальны зрящб народы
 Крошость Твоего лица,
 Власть, пріашибйшу свободы,
 Привлекающую сердца!
 Пусшь Цари Тебб дивящся,
 Мирно царствования учащся,
 Мирный Твой храня завбщб; —
 И проспря Европа длани,
 Пусшь Тебб, на мбсто дани,
 Благодарность прижосетб.

*

Намб заря предвозвбщаетб
 Сб ушромб солнца красоты;
 Намб надежда услаждаетб:
 Возвратишься скоро Ты.
 Возвратишься, — и опраду
 Принесешь Цепрову граду,
 И Твоимб черпогамб свбщб.
 Проспирая дбшски руки,
 Ждутб Тебя младые Внуки,
 Сынб Тебл сб Супругой ждещб.

*

Вспомни ихъ любезны взоры
 И къ Тебб всб ласки ихб!
 Ихъ улыбку, разговоры
 Во обьяшяхъ Твоихъ.

По Тебѣ они скучаютъ ;
 Гдѣ она , гдѣ ? — вопрошаютъ : —
 Возвратише намъ Ее.
 Ждутъ Тебя святыя храмы ,
 И курятся еиміамы
 Ужь во срѣщенье Твое.

*

О пріятный вѣспрѣ полдневный !
 Водѣ прозрачныя струи !
 Нивы злачны , лѣсъ зеленый !
 Сладкопѣвыя соловьи !
 Дни веселы ! воздухъ чистый !
 Сельски Нимфы голосистыя ,
 И пріятная весна ! —
 Долгъ Богинѣ отдавайше ,
 И мѣста шѣ украшайше ,
 Гдѣ грядетъ шеперь Она.

XVI.

НА ПРИОВРЪТЕНІЕ КРЫМА.

Лешипъ! — и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій поитъ;
Лешипъ! — и ошъ его улыбка
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ лѣтаетъ;
Злашья Цепроцолъ башни
Блиспающъ, какъ свѣщи; — и шокъ
Шумливый, бурный, — шокъ Днѣпровскій
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лице его. —

*

Не слыша громоваго преска,
Не видя молненной зары,
Паспухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
Средь хижинъ воспѣваютьъ миръ.
Ошъ удовольствія сердечна
Спруяшся по ланитамъ слезы
У нѣжныхъ матерей и женъ;
Прижавъ ошъ къ грудямъ вѣриѣшимъ
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ: — кто?

*

Который Богъ, который Ангелъ,
Который человекъ другъ,
Безкровнымъ увѣчалъ васъ лавромъ,
Безъ брани вамъ профетіи далъ

И торжество? — Екатерина;
 Та вѣнценосна добродѣшель;
 То воплощенно божество,
 Которое дождитъ блаженства. —
 Они вѣщали такъ любезнымъ,
 Повѣся громы на стѣнѣ.

*

Увидѣлъ Марсъ; — нахмурилъ брови,
 Скрежещетъ и кричитъ, ярясь:
 „Наибъ! — миръ? — и безъ меня победы? —
 „М васъ!“ — Но, будучи сраженъ
 Вдругъ съ Сѣвера сіяньемъ крошкимъ,
 Упалъ съ желѣзной колесницы;
 Его паденье раздалось
 Внутрь сердца Зависли, — и проснь,
 Ведимая умомъ обширнымъ,
 Безсмертной пальмой обвилась.

*

Россія наложила руку
 На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ,
 И распусти въ Босфоръ флаги;
 Стамбулу флотами гремитъ;
 Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ
 И не Крестовски древни рати,
 Се мой теперь паритъ орелъ!
 Магметъ; опъ ужаса блѣднѣя,
 Заноситъ изъ Европы ногу, —
 И возраспаетъ Константины!

*

Цирцея отъ досады вопль:
 Волшебство все ея ничто;
 Ахейцы, въ пварей превращенныхъ,
 Минерва вновь творитъ людьми.

Ослабься Пизагоръ дивится,
 Что мнѣніе его сбылося,
 Что зришь ойъ преселенье душъ:
 Гомеръ изъ спренозы изходишь,
 И громогласнымъ сладкимъ пѣньемъ
 Не баснь, — но испишу поетъ.

*

Какая незабвенна слава!
 Какая звучная хвала!
 Екатеринана держава
 И мудрыя Ея дѣла
 Кого и гдѣ же удивлять?
 Которые Цари достигли
 Величества Ея доброты?
 На тронъ со крошечью вступила,
 На тронъ крошечью воцарила. —
 Чудесъ усмоачникъ и щедротъ!

XVII.

Видѣніе Мурзы.

На темноглубомъ эфирѣ
Злапая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блиспаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Злапья спекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ помною своей рукою
Мечпы различныя разсыпалъ;
Кропя забвенія рососою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Пенпрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чунь мелькала,
Чунь Бельшъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубокую
И въ крѣпкомъ погруженіи снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувстввамъ принося.
Я не спалъ, — и со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Сбилень, здравъ, покоенъ, воленъ

И щаспливъ лишь собой самимъ ;
 Кто сердце чисто , совѣсть праву
 И швердый нравъ хранивъ въ свой вѣкъ ,
 И всю свою въ шомъ спавишъ славу ,
 Что онъ лишь добрый человекъ ;
 Что карлой онъ и великаномъ ,
 И дивомъ свѣта не рожденъ ,
 И что не созданъ испуганомъ ,
 И оныхъ чшишь не принужденъ ;
 Что всѣ сего блаженства міра
 Находишъ онъ въ семьѣ своей ;
 Что нѣжная его Пльнира
 И вѣрныхъ нѣсколько друзей
 Съ нимъ могушъ въ часъ уединенный
 Дѣлишъ и скуку и шруды ! —
 Блаженъ и шомъ , кому Царевны ,
 Какой бы ни было орды ,
 Изъ перемовъ своихъ янтарныхъ
 И сребророзовыхъ свѣшлицъ ,
 Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ ,
 Украдкой ошъ придворныхъ лицъ ,
 За росказни , за разшабары ,
 За вирши , иль за что нибудь ,
 Изподпишка драгіе дары
 И въ досканцахъ червонцы шлюшъ ;
 Блаженъ ! — Но съ рѣчью сей незапно
 Мое все зданье пошраслось ,
 Раздвиглись стѣны , и спокрашно
 Ярче молній пролилось
 Сіанье вокругъ меня небесно ;
 Сокрылась , поблѣднѣвъ , луна.
 Видѣнье я узрѣлъ чудесно :
 Сошла со облаковъ жена , —

Сошла, — и жрицей очутилась,
 Или Богиней предо мной.
 Одежда бѣлая спруилась
 На ней серебряной волной;
 Градская на главѣ корона,
 Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
 Изъ черноогненна виссона,
 Подобный радугѣ, нарядъ
 Съ плеча деснаго полосою
 Висѣлъ на лѣвую бедру;
 Проспершой на оларь рукою
 На жершвенномъ она жару
 Сжигая маки благовоны,
 Служила вышню Божесиву.
 Орель полунощный, огромный,
 Сопутникъ молній моржесиву,
 Геройской провозвѣстникъ славы,
 Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
 Священны блюлъ ей ушавы;
 Попухшій громъ въ кончикъ своихъ
 И лавръ съ оливыми вѣтвями
 Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
 Сафиросвѣтлыми очами,
 Какъ въ гнѣвѣ, или въ жару, блеснувъ,
 Богиня на меня возрѣла. —
 Пребудеть образъ въ вѣкѣ во мнѣ,
 Она кошорый впечатлѣла.
 „Мурза! — она вѣщала мнѣ:
 „Ты бышь себя щасливымъ часъ,
 „Когда по днямъ и по ночамъ
 „На лирѣ ты своей играешь
 „И пѣсни лишь поешь Царямъ.
 „Возпрепещи, Мурза несчастный!

„И спрашны испиыны внемли,
 „Которымъ стихотворцы спрашны
 „Едва ли вѣрять на земли;
 „Сдно нѣ шебѣ лишь доброхотство
 „Мнѣ ихъ опирять величъ. — Когда
 „Поэзія не сумасбродство,
 „Но вышній даръ Боговъ: — тогда
 „Сей даръ Боговъ лишь къ чести
 „И къ поученью ихъ пушей
 „Бышь долженъ обращенъ, не къ лести
 „И шлѣнной похвалѣ людей.
 „Владыки свѣта люди тѣ же;
 „Въ нихъ спраши, хощь на нихъ вѣнцы:
 „Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
 „А гдѣ поэты не льстецы?
 „И ты Сиренѣ поющихъ трому,
 „Въ вредъ добродѣтели, не спрой;
 „Благошворителю прямому
 „Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
 „Хранящій мужъ честные нравы,
 „Твори свой долъ, свой дѣла,
 „Царю приносишь больше славы,
 „Чѣмъ всѣхъ пиптовъ похвала. —
 „Оставь нектаромъ наполненну
 „Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.“ —
 Кого я зрю столь дерзновенну,
 И чьи уста меня разятъ?
 Кто ты? — Богиня, или жрица?
 Мечпу споящу я спросилъ. —
 Она рекла мнѣ: — „Я Фелица!“
 Рекла, — и свѣшлый облакъ скрылъ
 Опъ глазъ моихъ непасыщенныхъ
 Божественны ея чершы;

Куреніе маспикъ безцѣнныхъ
 Мой домъ, и мѣсно цю цѣнныхъ
 Покрыли, гдѣ она явилась.
 Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!
 Душа моя за ней спремилась;
 Но я за ней не могъ ниши;
 Подобно громомъ оглушенный,
 Безчувственъ я, безгласенъ былъ.
 Но токомъ слезнымъ орошенный
 Пришелъ въ себя и возгласилъ:
 Возможноль, кропкая Царевна!
 И ты къ Мурзѣ чинюбъ своему
 Была сурова снодъ и гнѣвна,
 И стрѣлы къ сердцу моему
 И ты, и ты чинюбы бросаа,
 И пламени души моей
 Къ себѣ и ты не одобряла?
 Довольно безъ тебя людей,
 Довольно безъ тебя Поэту,
 За нажду мысль, за каждый стихъ,
 Опвѣщивовашъ лихому свѣту
 И опъ сапирѣ щипишься злыхъ!
 Довольно золотыхъ кумировъ,
 Безъ чувствъ мой что ибси чли;
 Довольно Кадіевъ, Факировъ,
 Копоры въ зависли сочли
 Тебѣ ихъ неприличной леснью.
 Довольно нажилъ я враговъ;
 Иной опнесъ себѣ къ безчестнью,
 Что не дерушъ его усовъ;
 Иному показалось больно,
 Что онъ насѣдкой не сидишь;
 Иному — очень своевольно

Съ Тобой Мурза Твой говоритъ;
 Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
 Что я посланницей съ небесъ
 Тебя бышь мыслилъ въ восхищеньѣ
 И лилъ въ восторгѣ свои слезы.
 И словомъ: хотѣлъ арбуза,
 А хотѣлъ соленыхъ огурцовъ.
 Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
 Что я не изъ числа льстецовъ;
 Что сердца моего шоваровъ
 За деньги я не продаю,
 И что не изъ чужихъ анбаровъ
 Тебѣ наряды я крою;
 Но, вѣщностна добродѣтель!
 Не лести я пѣлъ и не мечшы,
 А то, чему весь мѣръ свидѣтель;
 Твои дѣла суть красоты. —
 Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
 И въ шуткахъ правду возвѣщу;
 Тамарски пѣсни из-подспуду,
 Какъ лучъ, попомню сообщу;
 Какъ солнце, какъ луну, поспавлю
 Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
 Превознесу Тебя, прославлю;
 Тобой безсмертенъ буду самъ.

ХVIII,

НА ШВЕДСКОЙ МИРЪ.

Ты шесшвуешь въ Цепрополь съ миромъ,
И лавры на главѣ несешь ;
Ты провождаешься зефиромъ ,
И Россамъ пальмы раздаешь .
Ты шесшвуешь ! — Возри , Царица ,
На радосныя всюду лица ,
На сонмы вокругъ Тебя людей :
Не такъ ли на Тебя взирающъ ,
Какъ нѣжную весну встрѣчающъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей ?

*

Ты шесшвуешь , и ослабляешь
Твой взоръ на нихъ , какъ божесиво ;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ Ты нашъ и торжество .
Средь свѣтлаго вельможей спроя
Въ Тебѣ Царя , вождя , героя ,
И мироносицу мы зримъ ;
Ужъ изумлены наши взгляды
Въ Тебѣ читающъ тѣ опрады ,
Что миромъ мы получимъ симъ ,

*

Какъ Царь , — Ты наградишь заслуги ;
Какъ Матерь , — призишь Ты сиротъ ;
Лишенные дѣшей супруги
Воскреснутъ отъ Твоихъ щедротъ ;

Освободишь Ты заключенныхъ ,
 Обогашишь Ты разоренныхъ ,
 Незлобно винныхъ Ты просишь ;
 По нуждѣ Ты лила шокъ крови ,
 Ты въ мирѣ будешь Богъ любви
 И щасье наше обновишь.

*

Продлишь злые наши годы ,
 Продлишь всеобщій нашъ покой.
 Безчисленны Твои народы
 Воздремлютъ подъ Твоей рукой.
 Отъ хижины даже до престола ,
 На холмѣ и въ срединѣ дола
 Почтешъ бранный Россовъ духъ ;
 Всѣ будуще щасливы Тобою :
 Законовъ подъ одной черпою
 Равенъ вельможа и пасухъ.

*

Проспрешь Ты животворны длаки
 На тяжкій земледѣльцевъ прудъ ;
 Опущишь неимущимъ дани ,
 Да нивы и луга цвѣшущъ ;
 Дохнешъ въ вѣприлы корабельны ,
 Пошлешь избытки рукодѣльны ,
 И рѣки золота и сребра
 Отъ Орма до Невы прольются ;
 Народы чужды къ намъ сберутся
 Вкусишь покоя и добра.

*

И се ужь возвѣщаютъ грома
 Событіе блаженныхъ дней ;
 По вѣпру трубный звукъ несомый
 Сзываетъ тысячи людей :

Народъ колеблется , какъ волны ,
 Течешъ вездѣ , веселья полный ,
 Враговъ цѣлуешъ и друзей ;
 По спогнамъ гласы раздаюшся ,
 Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются ,
 Объемлютъ женъ , опцовъ , дѣтей .

*

О вы ! носящи душу львину ,
 Герои , любящіе бой !
 Возрише на сію каршину ,
 Сравните вы ее съ войной :
 Тамъ всюду ужасъ , шонъ и крики ;
 Здѣсь всюду радость , плескъ и лики ;
 Тамъ смерть , болѣзнь ; — здѣсь жизнь , любовь .
 Я вижу убіенныхъ тѣни
 И слышу вамъ ихъ грозны пени :
 Вы пролили невинну кровь !

*

Но , вѣнценосна добродѣтель !
 О Ангелъ нашихъ тихихъ дней !
 Екатерина ! мы свидѣтель ,
 Не Ты виной была смершей ;
 Ты брашною не искала славы ,
 Ты наши просвѣщала нравы
 И украшалась пишиной .
 Слеза , щедротой извлеченна ,
 Тебѣ пріятнѣй , чѣмъ вселенна ,
 Пріобрѣтенная войной !

ХІХ.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

О коль Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣнъ!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славы звученъ
И всѣ сердца въ рукѣ имѣнъ.

Ода Г. Долгопосова.

*

Везувій пламя изрыгаетъ,
Сподобъ огненный во пшѣ спойтѣ,
Багрово зарево зянетъ,
Дымъ черный клубомъ въ верхъ лепитъ;
Краснѣетъ понѣ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучащъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ ищетъ;
Клокочущъ рѣки рдяной лавы:
О Россѣ! — таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

*

О Россѣ! — о родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполни, Царю послушный!
Когда и гдѣ ты достигнешъ
Не могъ тебя достойной славы?
Твои шруды — тебѣ забавы;
Твои вѣнцы — вокругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань, — ты шмишь сводъ звѣд-
ный;
Въ моряхъ ли бой, — ты пѣнишь бездны, —
Вездѣ ты спрахъ твоихъ враговъ.

*

На подвиговъ твой Вождя велѣшьемъ
 Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
 Марсъ видяшъ часто съ изумленьемъ,
 Что и въ бѣдахъ твоихъ веселье зракъ.
 Гдѣ вокругъ драконы мѣдны ржали,
 Изъ прехъ сошъ жерлъ огнемъ дышали,
 Ты шамъ прославился днесъ вновь.
 Вождь рекъ: „Се спѣны Измаила!
 „Да сокрушишъ твоя ихъ сила!“
 И возкицѣла бранна кровь,

*

Какъ воды съ горъ весной въ долину
 Низвержась, пѣнясь, рекушъ,
 Волнами, льдомъ прясущъ долину:
 Къ твердынямъ Россы шакъ текушъ. —
 Ничто имъ путь не воспящаетъ;
 Смершей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
 Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ:
 Идушъ, — какъ въ шучахъ скрыты громы,
 Какъ двигнуты безмолвны холмы;
 Подъ ними спонъ, — за ними дымъ.

*

Идушъ въ молчаніи глубокомъ,
 Во мрачной страшной тишинѣ,
 Собой пренебрегающъ, рокомъ;
 Зарница только въ вышинѣ
 По ихъ оружію играетъ;
 И только ихъ душа сіяетъ,
 Когда на бой, на смерть идетъ.
 Ужь блестящъ молніи крылами,
 Ужь осыпаются громами;
 Они молчащъ, — идушъ впередъ.

*

Не Бардъ ли древній, изступленный,
 Волшебнымъ ихъ ведешъ жезломъ?
 Нѣшь! свѣще паспырь вдохновенный
 Предъ ними идешъ со Крестомъ;
 Вѣнцы неплѣныи общаешъ
 И кровь пролишь благословляешъ
 За честь, за вѣру, за Царя;
 За нимъ вождей рядъ предъ полками,
 Какъ бурныхъ дней предъ облаками
 Идешъ огнистая заря. —

*

Идушъ. — Искусство зришь заслугу,
 И сколь ихъ духъ былъ пущъ великъ,
 Вѣщаешъ слухъ земному кругу:
 Но мнѣ ихъ раздаешся крикъ;
 По лѣсвицамъ на градъ, на снопны,
 Какъ шумны волны черезъ волны,
 Они возносящя челомъ;
 Какъ уголь, — ихъ взоры раскаленны,
 Какъ львы на шигровъ усремленны, —
 Бѣгущъ, стѣснясь, на огонь, на громъ,

*

О! что за зрѣлище предстало?
 О пагубный, о страшный часъ!
 Злодѣйство что ни вымышляло,
 Поверглось, Россы, все на васъ!
 Зрю камни, ядра, варъ и бревны: —
 Но чѣмъ Герои устрашенны?
 Чѣмъ можешъ отраженъ быти Россъ? —
 Тешъ лѣзешъ по бревну на стѣну;
 А шопъ лешипъ съ стѣны въ гешну;
 Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ!

*

Всякъ помнитъ должность, честь и вѣру;
 Всякъ душу и животъ кладетъ.
 О Россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру;
 И смерть сама вамъ лавръ даетъ.
 Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
 Безъ силъ, безъ чувствъ, помершвы, блѣдны;
 Но мнѣ еще шерсть вражій рогъ;
 Иной движеньемъ ободряетъ,
 А шепъ съ побѣдой восклицаетъ:
 Екатерина! — съ нами Богъ!

*

Какая въ войскахъ храбрость рьяна!
 Какой великой духъ въ вождяхъ!
 Въ однихъ душа, разсудкомъ льдяна;
 У тѣхъ пылаетъ огонь въ сердцахъ.
 Въ зимѣ рождены подъ снѣгами,
 Подъ молніями, подъ громами,
 Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
 Пишала слава, вѣрность, вѣра:
 Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?
 Не посреди - ль стихійныхъ преи?

*

Представъ: по свѣтлости лазуря,
 По наклоненію небесъ,
 Взошла чернобагрова буря
 И грозно возлегла на лѣсъ;
 Какъ страшна ночь, надулась чревомъ,
 Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
 Помчала воздухъ, прахъ и листъ.
 Подъ тяжкими ея крылами
 Упали кедръ вверху корнями,
 И зашрепалъ Ливанъ кремтиснѣ.

✻

Предсшавъ послѣдній день природы,
 Чшо пролилася звѣздъ рѣка;
 На огонь пошли спѣною воды,
 Бугры взвились за облака;
 Чшо вихри пучи къ пучамъ гнали,
 Чшо мракъ лишь молнии освѣщали,
 Чшо громъ попрясъ всемірну ось,
 Чшо солнце, мглою повровенно,
 Ядро казалось раскаленно:
 Се видѣ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россѣ!

*

Вошелъ! — не бойся, рекъ, — и всюды
 Просперъ свой проегранный шпыкъ:
 Поверглись шѣлъ кровавы груди,
 Напрасно слышанъ жалобъ крикъ;
 Напрасно, — брани челоуки! —
 Вы льеще крови вашей рѣки,
 Котору должно бы беречь;
 Но съ самаго вѣковъ начала
 Война народы пожирала,
 Священъ спалъ долтъ: рубишь и жечь!

**

Тотъ мыслишь овладѣть всѣмъ міромъ,
 Тотъ не приняшь его оковъ;
 Вселенной Царъ спалъ врану пиромъ,
 Герои събдію волковъ.
 Увы! палъ кринъ, и пали шерны. —
 Почшожъ? — Судьбы небесны темны! —
 Я здѣсь пою лишь браней чеснь.
 Насъ горсшь, — но полкъ лежишь предъ нами;
 Насъ полкъ; — но съ тысячами и пѣмаки
 Мы низложили городъ въ персшь.

*

И се уже шумя спремится
 Кровавой пѣны полив Дунай,
 Пучина черная багритца,
 Спершись ошъ прѹповъ, съ краю въ край;
 Уже блѣднѣюща Мрамора
 Дрожитъ пловуца въ ней позора,
 Коспры тѣлѣ видя за коспромъ;
 Луна полна на башняхъ крови.
 Шоникли гордой Менки брови.
 Стамбулъ склонился внизъ челомъ.

✽

О! ежели издревле міру
 Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
 И еспѣли приспунъ славенъ въ Тиру:
 Въ Измаилу больше знаменитъ.
 Тамъ былъ вселенной покоритель
 Машинъ и башенъ самъ сиротель,
 Горой ошъ море зарудилъ:
 А здѣсь вождя одно велѣнье
 Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье;
 Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.

✽

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
 Побѣду смертныхъ выше силъ!
 Внимай, Европа удивленна,
 Кановъ сей Россовъ подвигъ былъ.
 Языки знайше, вразумляйшесь,
 Въ надменныхъ мысляхъ содрогайшесь;
 Увѣрьшесь симъ, что съ нами Богъ;
 Увѣрьшесь, что Его рукою
 Одинъ погрешъ васъ Россъ войною,
 Коль вснать изъ бездны зодъ возмогъ!

✽

Я вижу страшную годину :
 Его при вѣна держишь сонъ ,
 Проспершую подъ нимъ долину
 Покрыль вездѣ колючій шёрнъ ;
 Лице шуманъ подернулъ блѣдный ,
 Ослабли мышцы удрученны ,
 Скапилась въ мракъ глава его ;
 Разбойники вокругъ суровы
 Вложили тяжкія оковы ;
 Змія на сердцѣ у него .

*

Онъ спишь ! — и насѣкомы гады
 Румяный пошешають зракъ ,
 Войны опустошаютъ грады ,
 Раздоры пожирають злакъ ;
 Чувъ зришь блескъ его короны ,
 Спрадаешъ вѣра и законы ,
 И ты , къ опечесству любовь !
 Какъ звѣрь , — его Батый рвешъ грядный ,
 Какъ змѣй сосешъ , лжецарь новарный :
 Повсюду пролилася кровь !

*

Лежалъ онъ во своей печали ,
 Какъ темная въ пущыниъ ночь ;
 Враги его рукоплеснали ,
 Друзья не мыслили помочь ,
 Сосѣди грабежемъ алкали ;
 Князья , Бояре въ нѣгѣ спали
 И ползали въ пыли , какъ червь ;
 Но Богъ , но духъ Его великій
 Сошрясь съ него бѣды поляки , —
 Разпоргнулъ левъ желѣзну вервь !

*

Возсталъ! — какъ упрямъ холмъ высокой
 Всплаетъ , подвемляся челомъ
 Изъ мглы широкой и глубокой ,
 Разливной вокругъ его , — и громъ
 Поверхъ главы въ ничто вмѣняя ,
 Ногами волны попирая ,
 Пошелъ : — и кто возмогъ прошивъ ? —
 Опъ шлема молніи скользили ,
 И океаны уступили ,
 Стопамъ его пупи открывъ.

*

Опъ сильны орды пхнулъ ногою ,
 Края Азійски полтряслись ;
 Упали царства подъ рукою ,
 Цари , Царицы въ плѣнъ влеклись ;
 И побѣдителей разишель ,
 Монархій свѣта разрушишель .
 Просперся подъ его пяшой :
 Въ Европѣ грады бралъ , тирсъ троны ,
 Свергалъ Царей , давалъ короны
 Могущею своею душой.

*

Гдѣ естъ народъ въ краяхъ вселенны ,
 Ктобъ сполько силъ въ себѣ имѣлъ ,
 Безъ помощи , опъ всѣхъ спѣсенный ,
 Яремъ съ себя низвергнулъ смѣлъ ,
 И вырвавъ бы вѣнцы лавровы ,
 Возвергъ на тѣхъ самихъ оковы ,
 Кто сполько свѣту спрашенъ былъ ?
 О Россѣ ! пвоя лишь добродѣшель
 Такихъ великихъ дѣлъ содѣшель ;
 Лишь пвой Орелъ луну зашмилъ.

*

Лишь ты, просперя твои победы,
 Умблв щедроты распочапъ:
 Полякв, Туркв, Персв, Прусв, Хинв и Шведы
 Тому примбры могушъ дапъ. —
 На пбхв ты зришь спокойно стбны,
 Тбмв паки опдалв грады плбны;
 Тамв унялв прю, шумв бунтв смирилв;
 И сколь ты былв ихв поббдишель,
 Не меньше другв, благошворитель,
 Свое лишь только возвратилв.

О кровь Славянв! — Сынв предковъ славныхъ!
 Несокрушаемый колосв!
 Кому вв величествв нбнв равныхъ,
 Возросшій на полсвбшв Россв!
 Твои коль славны древни слбды!
 Громчай сушь нынбшнн поббды:
 Зрю вокругъ себя лавровый лбсв;
 Кавказв и Таврв ты преклоняешь,
 Вселенной на среду спускаешь
 И досягаешь до небесв.

Уже вв Эвксиив св полунощи,
 Межв водв и звбздв лежишв шумапъ,
 Подв нимв пльвупв дремучи роши;
 Средь нихв, какв горв опломокв льдинв,
 Иль мужа нбна пбнв сбдая
 Сидишв, очами озирая:
 Какв полный мбсяцв щипв его,
 Какв сосна, рында, обожженна,
 Глава до облакв вознесенна, —
 Орелв надв щлемомв у него.

За нимъ златая колесница
 По розовымъ ленишъ зарямъ ;
 Сѣдѣющая на ней Царица ,
 Великимъ равная мужамъ ,
 Рукою держишъ креслѣ одною ,
 Возженный пламенникъ другою ,
 И сыплешъ блески на Босфоръ ;
 Уже опѣ сѣвернаго свѣта
 Лице блѣднѣеишъ Магомета ,
 И мрачный отвращилъ онъ взоръ .

*

Не виновъ ли то Олегъ къ Восноку
 Подъ парусами флотъ ведетъ ,
 И Ольга къ древнему потоку
 Занятый ею свѣтлѣ лиешъ ?
 Иль Россовъ идешъ духъ военный ,
 Христовой вѣрой провожденный ,
 Ахейцѣ спасшъ , Агаряцѣ спертъ ?
 Я слышу , грома ударяютъ ,
 Пророки , камни , возглашаютъ :
 То будешъ нынѣ , или впредь !

*

О ! вы , что въ мысляхъ суешишесь
 Сшоль славный Россу путь препишъ ,
 Помочь врагу Христову щитишесь
 И вѣрѣ вашей измѣнишъ !
 Чѣмъ шолько поспушашъ неправо ,
 Сперва изслѣдуйте вы здраво
 Свой путь , цѣль Росса , судъ Небесъ ;
 Изслѣдуйте и заключише :
 Вы съ кѣмъ и на кого хошише ? —
 И что вамъ Року перевѣсѣ ?

*

Ничто! — коль Россѣ рожденъ судьбою
 Опѣ варварскихъ хранишь васъ узѣ,
 Темировѣ попирашь ногою,
 Блюстѣ вашихъ опѣ Омаровѣ Музѣ,
 Опимшишь крестовыя походы,
 Очишишь Иорданскія воды,
 Священный гробъ освободишь,
 Аѣинамѣ возвратишь Аѣину,
 Градъ Константиновѣ Конспіаншину
 И мирѣ Афѣшу водворишь.

*

Афѣшу мирѣ? — О прудѣ избранный,
 Достойнѣйшій его дѣшей,
 Великими людьми желанный!
 Свершишь-ль ты средѣ нашихъ дней?...
 Доколь Европа просвѣщенна
 Сѣ перуномъ будешь уснремленна
 На кровныхъ братіевъ своихъ?
 Не лучше-ль внутрѣ раздорѣ оставишь,
 И сѣ Россомъ грудь одну составишь.
 На общихъ супоспашѣ пивохъ?

*

Дай руку! — и пожди спокойно;
 Сіе и Россѣ одинѣ свершишь,
 За безцрѣпашствіе достойно
 Тебя профеемъ наградишь. —
 Дай руку! — дай залогѣ любви!
 Не лей швоей и нашей крови,
 Да месѣ всѣмъ вѣ грудь намъ не взойдетѣ:
 Пущѣ полько умѣ Екатерины,
 Какъ Архимедѣ, создастѣ машины;
 А Россѣ вселенной потрясетѣ.

*

Чего же можешь родъ сей славный,
 Любя Царей своихъ, свершить?
 Умѣете лишь, главы вѣнчанны!
 Его безцѣнну кровь щадить. —
 Умѣете дань ему вы льготу,
 Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
 И правой сердца плѣнить. —
 Вы можете его рукою
 Всегда, войной и не войною,
 Весь мѣръ себя заславить чинить.

*

Война, — какъ сѣверно сѣнь,
 Лишь удивляетъ чернь одну:
 Какъ свѣтлой радуги блистанье,
 Всякъ мудрый любитъ тишину,
 Что благовоннѣй аромата?
 Что слаще меда, краше запаха
 И драгоценнѣе порфирь!
 Не пыль, которую всѣмъ взгляды
 Любятъ обиліе, прохлады,
 Прекрасный и полезный миръ?

*

Приди, о крошкѣй жинцель неба,
 Эдемской гражданинъ спраны!
 Приди! — и какъ соупникъ Феба,
 Духъ теплошворный, богъ весны,
 Дохни вездѣ швоей душою!
 Дохни, — да разцвѣтешъ тобою
 Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ!
 Подъ сѣнію Екатерины.
 Вѣнчанны лавромъ исполнены
 Возлягущъ на своихъ громахъ,

*

Премудрость царства управляетъ;
 Ирѣшитъ ихъ: вѣра, правый судъ;
 Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ,
 Любовью они цвѣтутъ.
 О полъ прекрасный и почтенный,
 Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣны!
 И вамъ днесъ предлежатъ вѣнцы.
 Плоды побѣдъ суть звуки славы,
 Побѣдъ основа тверды нравы:
 А добрыхъ нравовъ вы творцы!

*

Когда на брани вы предменовъ
 Лишились любви своей,
 И естли безъ войны, навѣщовъ,
 Полна жизнь наша слезъ, скорбей:
 Упѣшьшесь! — Вѣпры въ вѣпры дугошь,
 Спихи межъ собой воюютъ;
 Сей свѣтъ — училище шерѣтъ.
 И брань колъ воспаетъ судьбою,
 Сынъ Россіянки среди бою
 Со славой долженъ умереть.

*

А слава шѣхъ не умираетъ,
 Кто за опечесиво умретъ;
 Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
 Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
 Временъ въ глубокомъ отдаленіи
 Попомсиво шѣхъ увидитъ пѣни,
 Которыхъ мужествомъ былъ духъ.
 Съ гробовъ ихъ въ души огонь полететъ,
 Когда по роцамъ разнесется
 Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

XX.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ.

Рафаэль! живописецъ славный,
Творецъ искусствомъ естества!
Рафаэль мудрый, безприкладный,
Изобразишель Божества!
Умѣлъ ты ниспую свободной
Непоспжимость написашь;
Умѣй моей богоподобной
Царевны образъ начерпашь.

Изобрази ея мнѣ точно
Осанку, возрастъ и черпны,
Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
Ея и сердца красопы
И духа чувсшва возвышенны,
И разума ея дѣла: —
Фелица, Ангелъ воплощенный,
Въ твоей картинѣ бы жила.

Небесно - голубые взоры
И по ланипамъ ибжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, спихіевъ споры,
Блиспали бы, какъ лсный день;
Какъ упрення заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы спройна.

Какъ пальма клонилъ благовоину
 Вершину и лице свое :
 Такъ шиху , важну , благородну
 Ты поступи напиши ее . —
 Коричными чело власами ,
 А перломъ перси осѣни ;
 Премудрость и любовь устами ,
 Какъ розы дышущъ , извясни .

Предскавъ въ лицѣ ея геройство ,
 Въ очахъ величїе души ;
 Премилосердо , нѣжно свойство
 И снисхожденїе напиши .
 Не забудь прїяшность въ нравѣ
 И кропкїй гласъ ея рѣчей ;
 Во всей изобрази ты славѣ
 Владычицу души моей .

Одѣнь въ доспѣхи , въ брони златы ,
 И въ мужество ея красы :
 Чшобъ шлемъ блисталъ на ней пернапый ,
 Зефиры вѣяли власы ;
 Чшобъ конь подъ ней главой крушился
 И бурно броды опѣнялъ ;
 Чшобъ Нордъ сѣдый ей удивился
 И обладать собой избралъ .

Избралъ , — и падши на колѣна ,
 Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ ;
 Она , мольбой его смягченна
 И спавъ владычицей сердецъ ,
 Беспирашнобъ узы разрѣшила
 Издревле скованныхъ цѣпями ,
 Свободой бы рабовъ павила
 И нарекла себѣ дѣтьми .

Престола ея на Скандинавскихъ ,
 Камчатскихъ и Злашыхъ горахъ ,
 Отъ сѣвернъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
 Пославъ на сорокъ двухъ столпахъ ;
 Какъ восемь бы зеркалъ опоял
 Ея великія моря ;
 Съ полнеба звѣзды освѣщали ;
 Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чершого
 И величійной высоты
 Въ величествѣ , въ сіяньи Бога ,
 Ее изобрази мнѣ ты ;
 Чтѣбъ сшедъ съ престола , подавалъ
 Скрижалъ заповѣдей святыхъ ;
 Чтѣбы вселенна принимала
 Гласъ Божій , гласъ природы въ нихъ .

Чтѣбъ дикіи люди , отдаленны ,
 Покрыты шерстью , чешуей ,
 Пернатыхъ перьемъ изпещренны ,
 Одѣты лисьемъ и корой ,
 Сошедшися къ ея престолу
 И крошкыхъ внявъ законовъ гласъ ,
 По желшосмуглымъ лицамъ долу
 Спруили поки слезъ изъ глазъ .

Спруили-бъ слезы , — и блаженства
 Своихъ проразумѣя дней ,
 Забыли бы свое равенство
 И были всѣ подвластны ей :
 Финнъ въ морѣ блѣдный , рыжеволосый ,
 Не разбивалъ бы кораблей ,
 И узкоглазый Гуннъ жалъ класъ
 Среди сѣдыхъ , сухихъ зыбей .

Припомни, чѣмъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея Ордамъ:

„Я щасья вашего искала,
„И въ васъ его нашла я вамъ;
„Славъ сами вы себѣ послушны,
„Живите, славьшеся въ мой вѣкъ,
„И будьте сподоль благополучны,
„Колико можетъ человекъ.

„Я вамъ даю свободу мыслишь
„И разумѣшь себя цѣнишь,
„Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числишь,
„И въ ноги мнѣ челомъ не бинь.
„Даю вамъ право безъ препоны
„Мнѣ ваши нужды представлять,
„Читайшь и знаешь мои законы,
„И въ нихъ ошибки замѣчайшь.

„Даю вамъ право собиранься,
„И въ думахъ золото копить,
„Ко мнѣ послами опираванься
„И не всегда меня хвалишь,
„Даю вамъ право безприсраспна
„Въ судьи другъ друга выбирать,
„Самимъ дѣла свои всевластно
„И начинань и окончань.

„Не возрещу я стихотворцамъ
„Писань и чепуху и лещь:
„Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
„Махашь съ духами, ципь и бснъ:
„Но я во всемъ, что лишь незлобно
„Попущуся равнодушной бышь;
„Великолѣпно и спокойно
„Мои благодаренья лишь,“

Гекла, — и взоръ бы озарился
 Величествомъ ея души,
 Хаосъ на сферы-бъ раздѣлился
 Ея рукою, — напиши.
 Чѣмъбъ солнца въ пушь свой покатились,
 И пылящи вокругъ ихъ планеты;
 Изъ праха грады возносились,
 Возстали царства, — и былъ свѣтъ.

Изобрази мнѣ міръ сей новый
 Въ лицѣ младаго лѣтня дня;
 Какъ роши, холмы, башни, кровы,
 Отъ горяго злаясь огня,
 Изъ мрака возстающъ, блистающъ
 И смонряясь въ зеркало водъ;
 Всѣ новы чувства получающъ,
 И движется всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы
 И Ангеловъ поющихъ дикъ,
 И благовоны еиміамы
 Какъ облака-бъ носились въ нихъ;
 И чѣмъбъ Царевна, умиленна,
 Вперя свой взоръ на небеса,
 Слезами зрѣлась окропленна,
 Блещающими какъ роса.

Какъ съ синей крупины ээира
 Лучамъ случится низпадать:
 Отъ Вседержителя такъ міра
 Чѣмъбъ къ ней сходила благодать,
 И въ видѣ щастія земнаго
 Чѣмъбъ сыпала предъ ней цвѣтны,
 И купно вѣна бы драгаго
 Напились часы златы.

Чѣшобѣ видѣлъ я въ рога зовущихъ
 Тамъ паспуховъ спада на лугъ;
 На роцахъ лицевыхъ, цвѣщущихъ,
 Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
 Шумя младыхъ бы власовъ волны
 Переливались въ шеркомъ;
 Граненыхъ бриліаншовъ холмы
 Въ слѣдѣ сыпались за кораблемъ.

Чѣшобы съ респалища мнѣ громы
 И плески доходили въ слухъ,
 И вихремъ всадники несомы
 Поспѣшно, бѣ напятали лукъ,
 И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
 Пересѣкали бы другой;
 И всю въ спязаньи бы вселенну
 Я предъ Фелицей зрѣлъ молодой.

И зрѣлъ бы я ее на тронѣ
 Сѣдящу въ ушваряхъ Царей;
 Въ порфирѣ, бармакѣ и коронѣ,
 И взглядомъ вдругъ однимъ очей
 Объемлющу моря и сушу
 Во всемъ владычествѣ своемъ,
 Всему дающе жизнь и душу,
 И управляющую всѣмъ.

Чѣшобѣ свыше ея вдохновенны
 Мурзы, Пашы и Визири,
 Сѣдиной мудроспи почтенны,
 Въ диванѣ зрѣлись какъ Цари;
 Законъ бы свято сохраняли
 И по спезямъ бы правды шли,
 Носишь ей скипетръ пособляли
 И пользу общую блюли.

Она-бѣ предѣ ними предсѣдала,
 Какъ всемогущій Царь Царей,
 Свои Наказы подтверждала
 Для благоденствія людей. —
 Рекла-бѣ: — „Почто пишешь уславы,
 „Коль ихъ въ диванахъ не шворяшь?
 „Развращенные вельможей нравы
 „Народа цѣлаго развращаешь.

„Вашъ долгъ Монарху, Богу, царствую
 „Служить, и кляпвой не играть;
 „Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
 „Пути повсюду пресѣкать; —
 „Приспращенный судъ разбоя злѣя;
 „Судьи враги, гдѣ спяшь закои: —
 „Предѣ вами гражданина шея
 „Просянуша безъ оборонѣ.“

Представь, чѣмъ гласъ сей свѣщозарный,
 Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
 Извлекъ бы слезы благодарны,
 И всѣ Монарха и Ошца
 И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
 Который праведенъ и благъ;
 Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
 Которы у нея въ рукахъ.

Содѣлай, чѣмъ судебны храмы
 Ея лугами обросли,
 Всѣ бы въ нихъ стояли прямы,
 И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
 Чѣмъ совѣшь встуду предсѣдала
 И обнимался съ ней закои,
 Чѣмъ милость истину лобзала,
 И миру поспавляла прои.

Представь, чтобъ всѣ Царевна средства
 Въ пособіе себѣ брала,
 Предупреждашь народа бѣдства
 И сохраняешь его отъ зла;
 Чтобъ оповорила всѣмъ дороги
 Чрезъ почту письма къ ней пишешь,
 Велѣла бы въ свои чертоги
 Для объясненія допускашь.

Какъ молнія, ея бы взорет
 Сверкали быстро въ небесахъ,
 Проникнуть мысли были скоры
 И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ;
 Чтобъ издаече познавала
 Она невиннаго ни въ чемъ,
 Какъ Ангелъ бы къ нему блистала
 Благоволенія лицемъ.

Дерзни мнѣ къ сплю волшебной
 Свнцалище изобразишь,
 Гдѣ взира смертныхъ удаленной
 Благоволивъ Фелица бышь;
 Гдѣ шайна персомъ помаваешь
 И на уста кладешь печаль,
 Гдѣ благочестье предсѣдаешь
 И долговъ велишь спрашамъ молчалъ.

Представь ее облобоченну
 На Зороаспоровъ испуканъ,
 Смотрящу тамъ на всю вселенну,
 На огневѣздный океанъ,
 Вѣщающу: — „О Ты, Превѣчный!
 „Который волею Своей
 „Колеса движешь быстротечны
 „Вращающейся природы всей!

„Когда Ты еси душа единая
 „Движенью силъ огромныхъ силъ :
 „То Ты-же конечно и причина
 „И нравственныхъ народныхъ дѣлъ ;
 „Тобою царства возрастаютъ ,
 „Твое орудіе Цари ;
 „Тобой они и померцаютъ ,
 „Какъ блескъ вечерня зари.

„Наставь меня, міровъ Содѣтель !
 „Да волю слѣдую Твоей ,
 „Тебя люблю и добродѣтель
 „И зижду щастіе людей ;
 „Да вѣкъ мой на дѣла полезны
 „И славу ихъ я посвящу ,
 „Самодержавства скипетръ желѣзный
 „Моей щедротой позлащу.

„Да удостоенна любви,
 „Надѣрнія Твоихъ очесъ ,
 „Чтобъ я за каждую каплю крови ,
 „За всякую бы каплю слезъ
 „Народа моего, пролишихъ ,
 „Тебѣ ожившесловати могла ,
 „И чувствъ души моей сокрытыхъ
 „Тебя свидѣтелемъ знала.“

Представь, чтобъ шумъ кидала взоры
 Со обращеніемъ она
 На тѣ ужасы приговоры ,
 Гдѣ смерть написана, война,
 Свинцова грифеля чертами,
 И медленно-бъ крѣпила ихъ , —
 И шумъ же горькими слезами
 Смывала бы слова всѣ съ нихъ.

Но милости-бъ опредѣляла
 Она съ смѣющимся лицомъ,
 Злашая бы струя бѣжала
 За скоропишущимъ перомъ,
 И проливала бы съ престола
 Въ несчетныхъ тысячахъ прохлада,
 Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу
 Лучистый съ шумомъ водопадъ.

Чтобъ сей рѣкой благодарнѣй
 Покрылась вся ея страна;
 Я зрѣлъ бы цѣпь пространныхъ зданій,
 Гдѣ пользуется больныхъ она,
 Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
 Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ,
 Гдѣ ихъ лелѣетъ, возвращаетъ,
 Гдѣ просвѣщаетъ свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной,
 Сходила бы съ небесъ она;
 Какъ солнце грудь, въ шкани зеленой,
 Рукой мешала сѣмена;
 Какъ искры огненные дождились
 Злашья-бъ зерна въ сѣнь пшеницъ;
 Орлы молодые разбудились
 И воскрилялись бы къ лучамъ.

Яви искусствомъ чудотворнымъ,
 Чтобъ льды пріяли видъ лилей;
 Весна дыханьемъ теплотворнымъ
 Звала бы съ моря лебедей; —
 Летѣли-бъ съ крикомъ вереницы,
 Звучали-бъ трубы съ облаковъ:
 Такъ въ царство бы шекли Фелицы
 Народы изъ чужихъ краевъ.

Не позабудь ее представившь ,
 Какъ вмѣсто олтарей себѣ
 Царя великаго поставившь
 Велѣла на мольбу Ордѣ ;
 Какъ всюду раздалися кланки
 И громаы свѣша по концамъ :
 „Предсналь намъ Зороаспрѣ великій ,
 „Воскресъ опечеснва опецѣ !“

Изобрази и то въ картинѣ ,
 Чтобѣ сей подобный грому кланкѣ ,
 Въ безмѣрной времени долини ,
 Какъ будто бы каплясь , зашхѣ ;
 Фелицы-жѣ славою удвоснѣ ,
 Громчай въ попомствѣ возгласнѣ :
 „Великѣ , кто олтарей достоенѣ ,
 „Но ихѣ другому посвящилѣ !“

Предснавъ , сей славой возбунденны ,
 Чтобѣ зрѣшь ее Цари пришли ,
 И какъ бы древле , удивленны ,
 Въ ней Соломона вшовъ нашли ;
 Народѣ щасливый и блаженный
 Великой бы ее нарекѣ ,
 Поднесѣ бы шишлы ей священны ;
 Она-бѣ рекла : — „Я человекѣ.“

Возысь до облакѣ лаврѣ зеленый ,
 И чтобѣ онѣ на поляхѣ споялѣ ;
 Подѣ нимѣ бы , пѣнью прохлажденный ,
 Спокойно исполнилѣ дремалѣ ;
 Какъ мраморѣ бѣга-бѣ грудь блещала ,
 Ланишы бы цвѣли зарей :
 Фелица шакѣ бы услаждала
 Подсвѣша подѣ своей рукой .

И здравіе его спасая,
 Безъ ужаса пила бы ядъ;
 Опъ швердоспи ея Смерть злая
 Свой опшршила-бъ смущный взглядъ;
 Коса ея дала бы звуки,
 Прешкнувшись о великій дужъ;
 На небеса воздѣли-бъ руки
 Младенцовъ миліоны вдругъ.

Супруговъ чувства благодарны
 За оживленье ихъ дѣшей,
 Какъ бы пылинки лучезарны
 Огнисной опъ стекла спрусей
 Опшрянувъ, въ воздухъ свернали,
 Являли-бъ пламень ихъ сердецъ;
 Мы зримъ въ Фелицѣ — восклицали —
 „Твое подобіе, Творецъ!“

Изобрази ны мнѣ Царевну
 Еще и въ подвигахъ другихъ:
 Споглаву гидру развяренну
 И фуріевъ съ земель своихъ
 Чшобы гнала она геройски;
 Какъ Мать, своихъ спасала-бъ чадъ;
 Какъ Царь, — на гордость двигла войски;
 Какъ Богъ, — свергала злобу въ адъ.

На сребролуно Государство
 Проспри крылашый, сизый громъ;
 Въ желѣзнокаменное Царство
 Брось молнии, — и посшавъ въ верхъ дномъ;
 Орелъ Царевнинъ бы ногою
 Въ верху рога луны сгибалъ,
 Тогдажъ бы на землѣ другою
 У гладна льва опъ зѣвъ сжималъ.

Чшобы ея безспрашны войски,
 Отъ колыбели до сѣдинъ,
 Носили духъ въ себѣ геройскій,
 И опрокъ, будшобъ исполинъ,
 Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
 Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
 „Никшо въ бою имъ не равнялся,
 „Кромѣ души великой ихъ.“

Чшобы вселенныя Владыки
 И всякъ шу истину узналъ:
 Гдѣ войски Зороастръ великій
 Образовалъ и учреждалъ,
 И гдѣ великую въ нихъ душу
 Великая Фелица льепъ:
 Тѣ войски горы, море, сушу
 Пройдушъ, — и имъ препоны нѣшъ.

Чшобъ грозный полкъ ихъ представлялся
 Какъ спрашна буря въ даленѣ,
 И Миръ въ порфирѣ приближался
 Тогдабъ къ Царевниной рукѣ. —
 Она-бъ его обლობызала
 И вѣшвъ его къ себѣ взяла,
 „Да будетъ пишина!“ сказала,
 И къ намъ бы пишина пришла.

Какъ Ангелъ въ снѣсѣ зѣира
 И Милосердія въ лицѣ,
 Со кротосшью въ душѣ Зефира,
 Съ сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣщѣ,
 Благолюбивая-бъ Царевна
 Въ день зрѣлась мирна торжества;
 Душа моя бы восхищенна
 Была дѣлами Божества.

Изъ устѣ ея текла бы сладость ,
 И утишала спонѣ вдовицѣ ;
 Изъ глазѣ ея блистала-бѣ радость ,
 И освѣщала мракѣ шемницѣ ;
 Рука ея бы награждала
 Прямыхѣ опечесива сыновѣ ;
 Душа ея въ себѣ прощала
 Неблагодарныхѣ и враговѣ.

Пріяшность бы сопровождала
 Ея бесѣду , дружбу , власпѣ ;
 Привѣтливостѣ ея равняла
 Сѣ Монархомѣ подданнаго часпѣ .
 Повсюду Музы , въ восхищенѣ ,
 Ей сыпали-бѣ цвѣпы сердецѣ ,
 И самое недоумѣнье
 Ей плесковѣ поднесло-бѣ вѣнецѣ .

Черпы одной красопѣ ей ложно
 Блюдися приписавѣ въ швой вѣкѣ ;
 Предспавѣ , наковѣ , коль шольно можно ,
 Богоподобный человѣкѣ !
 Исполь ее величеспѣвѣ , власпи ,
 Безсмертныхѣ мудроспи даровѣ ;
 Вдохни , вдохни ей шакже спраспи :
 Щедропу , славу и любовь .

И славу моему шы взору
 Ея предспавѣ какѣ бы въ ночи
 Возженну бриліаншовѣ гору ,
 Опѣ коей бы лились лучи
 И живо въ вѣчноспи играли ;
 На свѣшлу оной крупизну
 Калифы многіе желали , —
 Ползли , — скользили , — пали въ шьму .

Какъ огненъ столпъ на поитѣхъ ; взорамъ
 Къ горѣ сей колебался-бѣ пупъ ;
 Фелица бы внушала Хлорамъ :
 „ Тамъ розы безъ шиповъ распушѣ.“
 Мурзавъ въ восторгѣ , въ удивленьи ,
 Подъ золопымъ ея щипомъ
 Въ Ташарскомъ упражнялся пѣньи
 И восклицалъ открытымъ ртомъ :

„ Бросай , кто хочетъ : оспры стрѣлы
 Отъ чистой совѣсти скользятъ ;
 Имѣя сердце , руки бѣлы ,
 Мнѣ спыдно мспитъ , спыднѣе агитъ ;
 Того спыднѣе — въ дни блаженны
 За испину спрашивъся зла :
 Моей Царевной восхищенныи ,
 Я лицъ ея пою дѣла.“

Но что , Рафаэль ! что ты ищешь ?
 Кого ты , гдѣ изобразилъ ?
 Не на холстѣ , не въ краскахъ дышешь ,
 И не металлъ ты оживилъ ;
 Я въ сердцѣ зрю алмазну гору ;
 На немъ божественны черты
 Сіяютъ испупленну взору :
 На немъ въ лучахъ — Фелица , ты !

XXXI.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Разсѣньми огненной сплзкою,
Небесный синевалый сводъ,
Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю новый годъ;
Сошелъ, — и глаза раздалися,
Мечны, надежды понеслися
На встрѣчу божеству сему.

Гряди, сынъ вѣчности прекрасный!
Гряди, часовъ и дней отецъ!
Зовешь щасливый и несчастный:
Подай желаніямъ вѣнецъ!
И самого среди блаженства
Желаемъ блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще Вельможа возвышашься,
Еще сильнѣе хочешь бышь;
Богачь богатствомъ осыпашься,
И горы злата накопишь;
Герой безсмертной жаждешь славы,
Корысти льснешь, Лукулль забавы,
И щаснѣя игрокъ въ игрѣ.

Мое желаніе: предатъся
Всевышняго во всемъ судьбѣ,
За щасьемъ въ свѣтѣ не гонянься.

Искашь его въ-самомъ себѣ.
 Меня здоровье , совѣсть права ,
 Доспашокъ нужный , добра слава ,
 Творяшь щаспливѣ Царей.

А еспьли милой и пріятной
 Любимъ Пльнирой я моей ,
 И въ свѣтской жизни коловратной
 Имѣю искреннихъ друзей ,
 Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ ,
 Умѣю пѣть , играю на лирѣ :
 То кто щаспливѣ меня ?

Отъ должностей въ часы свободы
 Пою моихъ я радость дней ;
 Пою Творцу хвалы духовны ,
 И добрыхъ я пою Царей.
 Пріятны гласы спановящися ,
 И слезы нѣжности напящися ,
 Какъ Россовъ Машеръ я пою.

Пешры , и Генрихи , и Типы ,
 Въ народныхъ вѣкѣ живущъ сердцахъ ;
 Екатерины незабышы
 Пребудущъ въ пыящи вѣкахъ .
 Уже я вижу монументы ,
 Которыхъ свергнушь элементы
 И время не имѣющъ славы .

XXII.

Р ъ ш е м ы с л у.

Веселонравная, молодая,
Нелицембрная, просшая,
Подруга Флаккова и дщерь
Природой даннаго миѣ смысла!
Приди ко миѣ, приди теперь,
О Муза! славить Рѣшемысла.

Приди, иль въ облакѣ спустился,
Или хопъ въ санкахъ прикапился
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, глашорогихъ:
Какъ ѣздящъ барыни зимой
Въ спранахъ Сибирскихъ, хладомъ спрогихъ.

Приди, и на своей свирѣлѣ
Не онаго поѣ мука, древалѣ
Служившаго Царицѣ поѣ,
Которая въ здоровьѣ маломъ
Блиссала славой и красой
Подъ соболинымъ одѣяломъ.

Но поѣ, ты поѣ здѣсь Рѣшемысла,
Великаго вельможу смысла,
Наперсника Царицы сей,
Которая сама прудилась
Для блага обласпи своей,
И спашъ въ полудни не ложилась;

Которая законы пишетъ ,
 Любовію къ народу дышетъ ,
 Пльнитъ сосѣдей безъ оковъ ,
 Военны опирающа звуки ;
 Даритъ и щастье и покровъ ,
 И не сидитъ поджавши руки .

Ся Царицы всепочтенной ,
 Великой , дивной , несравненной ,
 Сопрудниковъ достойно чтить ;
 Достойно честию и хвалами
 Ея вельможъ превозносить ,
 И осыпать ихъ вокругъ цѣлбатами .

Ты , Муза ! съ самыхъ древнихъ вѣковъ ,
 Великихъ , сильныхъ челоуковъ
 Всегда умѣла поласкати ;
 Ты можешь въ былахъ , небывацахъ
 И въ басняхъ правду предсказати :
 Предсказъ мнѣ Рѣшителя въ лицахъ .

Скажи , скажи о семъ Героѣ :
 Каковъ въ войнѣ ; каковъ въ покоѣ ,
 Каковъ умомъ , каковъ душой ,
 Каковъ и великими дѣлами ? —
 Скажи , и ничего не скрой :
 Не хочешь прозой , такъ стихами .

Бывали прежде дни такіе ,
 Что люди самые честные
 Спрашивали близъ прона бытъ ,
 Любимцевъ Царскихъ убѣдали ,
 И не могли пѣхъ змѣй любить ,
 Которыя ихъ кровь сосали .

А онъ, хопъ выше всѣхъ главою,
 Какъ лавръ цвѣщенъ надъ муравою;
 Но всюду всѣмъ бросаетъ шѣнь:
 Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
 Едва прохаживалъ ли день,
 Кому бы не былъ онъ полезенъ.

Иной ползетъ, какъ черепаха,
 Другому милъ попоръ да плаха:
 А онъ паритъ какъ бы орелъ,
 И все съ высотъ далече видитъ;
 Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ,
 И даже муки не обидитъ.

Онъ сердцемъ Царскій проиъ объемлетъ,
 Душой народнымъ нуждамъ внимлетъ,
 И правду между ихъ хранилъ;
 Отечеству онъ вѣрно служилъ,
 Монаршу волю свято чтилъ,
 А о себѣ никакъ не шумилъ.

Не ищетъ почестей лукавствомъ,
 Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
 Не жаждетъ щещно самъ носить;
 Но щипся шѣмъ себя лишь славить,
 Что любилъ онъ добро творить
 И можетъ щаснѣе доставить.

Закону Божию послушенъ,
 Чувствителенъ, великодушенъ,
 Не гордъ, не подлъ и не прусливъ,
 Къ себѣ спрожае, чѣмъ къ другому,
 Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
 Идетъ лишь по пути прямому.

Не празденъ, не лѣнивъ, а почтенъ;
 Въ дѣлахъ и скорь и безпорочекъ,
 И не кубаритъ кубарей;
 Но столько же великъ и дома,
 Въ деревнѣ, хижинѣ своей,
 Какъ былъ когда мешатель грома.

Глубокъ, и быстръ, и тихъ, и смѣшливъ,
 При всей онъ важности привѣтливъ,
 При всей онъ скромности шумливъ;
 Въ миру онъ каженся роскошенъ;
 Но въ самой роскоши репивъ,
 И никогда онъ не оплошенъ.

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
 Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
 Готовъ онъ съ лона нѣги встань;
 Готовъ среди своей забавы
 Внимать, судить, повелѣвать,
 И молніей летѣть въ храмъ славы.

Другъ честности и другъ Минервы,
 Возшедъ на ступень къ прону первый,
 И безъ опоръ собою швердъ;
 Ходишь умбени по паркету,
 И успрямяся славъ въ слѣдъ,
 Готовишь миръ и грома свѣту.

Безъ бипъ, безъ браней побѣждаетъ,
 Искусство уловлять онъ знаетъ;
 Своихъ, чужихъ сердца пѣнитъ.
 Я слышу плескъ ему сугубый:
 Онъ вольность пѣвникамъ даритъ,
 Героямъ шьетъ копы да шубы.

Но, Муза! вижу, ты лукава;
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права,
Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должностъ представляешь:
Конечно ты своимъ перомъ
Хвалишь достоинства лишь знаешь.

XXIII.

ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ.

Всегда разборчива, правдива,
Нигдѣ и никому нельспива,
О! спорогаго Кунгдзезя Муза,
Которая его вдыхала
Играшь на нѣжномъ, звонкомъ кишѣ,
И прогашь поученьемъ сердце!

Приди, и зря шекущи годы,
Обращность вѣчную природы;
Что всходишь и заходишь солнце,
Что лѣшо, осень придупь паки;
А только къ намъ не возвращающа
Дѣла, содѣяныя нами.

Вождя при памятникѣ дивномъ,
Возсядь, — и въ пѣнии унывномъ
Вѣщай: сей сполнь поверженъ время,
Разрушишь. — Купожь былъ Полководецъ?
Куда его прошли побѣды?
Гдѣ мечь его? — гдѣ шлемъ? — гдѣ образъ?

Увы! — и честь сія Героевъ,
Присноповъ монументны, боевъ,
Не суть ли знаки ихъ свирѣщца?
Развалины, могилы, пепель,
Черешья, кости имъ подобныхъ,
Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?

Ахъ, иѣшѣ! средѣ всѣхъ народовъ, вѣковъ,
 Друзья Герои челоѣковъ;
 Суть соль земли, во мранѣ звѣзды;
 Чрезъ нихъ извѣстна добродѣель;
 Они великія зерцала
 Богоподобныхъ слабымъ смертнымъ.

Прямой Герой спрашыми подвижимъ,
 Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
 Нѣ богатствамъ, шипламъ, власти, славѣ
 Внупри онъ сердца не приверженъ;
 Сокровище его любезно
 Спокойный духъ и чиста совѣсть;

Въ терпѣнны швердѣ и мудрѣ въ напасши,
 Не рабствуешъ блестящей часши;
 Щипашъ шѣмъ себя довольнымъ;
 Коль общихъ благъ гдѣ былъ спосѣбшикъ.
 Блаженъ; блаженъ еще спокрашно,
 Что спрасши могъ свои умѣришь!

Всамилъ гдѣ, мечемъ ли правитъ,
 Ни тамъ, ни шупъ онъ не лукавитъ.
 Его Царь, — долтъ; его Богъ, — правда;
 Лишь имъ онъ жершвуешъ собою;
 Искусенъ, остороженъ, поченъ,
 Рачишленъ; не быспрѣ ко славѣ.

Дѣлами исполнителъ вѣры;
 Великодушія примѣры
 Его всѣ мысли наполняютъ;
 И Богъ его благословляетъ,
 Побѣдою почти безъ крови;
 Которой миръ даруешъ царствамъ.

Такого Мужаobeliski
 Не шѣмъ славы, что къ небу близки,
 Не мраморомъ, не мѣдью шверды;
 Гускай ихъ разрушаетъ время,
 Но вовсе испребитъ не можетъ:
 Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

Спой, Муза, памятникъ Герою,
 Кто мужественъ и щедръ душою,
 Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
 Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
 Далъ малой прапой много пользы. —
 Благословись, Рецидивъ, попомсѣвомъ!

XXIV.

К л ю ч ь.

Сѣдѣшь, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ
Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной высоты,
Лука поящій, доли злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистъ, — и восхищаешь взоры,
Ты быстръ, — и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ спремился духъ,
Желаньемъ лѣшь тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
Глядится красная заря:
Какіе пурпурны огнисты
И розы пламенны, горя,
Съ паденьемъ водъ твоихъ капаются!

Гора, въ день шадомъ покровенну,
Себя въ тебѣ любясь зришь;
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дуброву вѣщерокъ спруишь,
Волнуешь жашву золошую.

Багрянымъ брегъ твой сияновхшея,
 Какъ солнце напхшея съ небесъ;
 Лучемъ прхспалъ твой загорхшея,
 Вдали качкенъ снххшея лхсехъ,
 Тумановъ море разольхшея.

О! кель ночьюо тхмнойою
 Прхяшехъ видъ твой при луиъ;
 Какъ блхдны холмы надъ тобою
 И роци дремлониъ въ шнххиъ:
 А ты одинъ, шума, сверкашея!

Старая спххонворхшея спрахшея,
 Къ тебъ я прххожу, ручей!
 Завидую Пхшна щасшея,
 Вхусившему воды твоей,
 Шархаскымъ лавромъ ухбхчххху.

Напой меня, напои тобою,
 Да въсною подобно я,
 И съ чхсною твоей спрусю
 Сравнхшея въ лхсеняхъ мысль моя,
 А дерхнхй гласъ съ твоимъ спремлетхемъ.

Да чхсль твоя прхйдехъ всеъ грады,
 Какъ эхо съ горъ сквозъ лхсехъ дремучь
 Творца безмерхной Россхды,
 Священный Гребеневскхй ключъ,
 Шоилъ водой ты спххонворхшея.

XXV.

НА СМЕРТЬ К. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголь временъ ! мепалла звонъ !
Твой спрашный гласъ меня смущаетъ ,
Зовешъ меня , зовешъ пивой спонъ ,
Зовешъ , — и къ гробу приближаетъ .
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ ,
Уже зубами смертъ скрежещетъ ,
Какъ молніей , косою блещетъ ,
И дни мои , какъ влкъ , съчетъ .

Ничто опъ роковыхъ когней ,
Никая шварь не убѣгаетъ ;
Монархъ и узникъ снѣдь червей ,
Гробницы злоспъ спихій снѣдаетъ ;
Зияетъ время славу спертъ .
Какъ въ морѣ льюшя быспры воды :
Такъ въ вѣчноспъ льюшя дни и годы ;
Глошаетъ царспва алчна смертъ .

Скользимъ мы бездны на краю ,
Въ кошорую спремглавъ свалимся ;
Пріемлемъ съ жизнью смертъ свою ;
На то , чшобъ умеретъ , родимся .
Безъ жалоспи все смертъ разитъ :
И звѣзды ею сокрушашся ,
И солнцы ею пошущашся ,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ .

Не мниши лишь смертный умирать
 И бышь себя онъ вѣчнымъ чаешь;
 Приходитъ смерть къ нему, какъ шашь,
 И жизнь внезапно похищаешь.
 Увы! гдѣ меньше страха намъ,
 Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
 Ея и громы не быспрѣе
 Слетаютъ къ гордымъ вышнямъ.

Сынъ роскоши, прохлада и нѣга,
 Куда, Мещерской! ты сокрылся?
 Оставилъ ты сей жизни берегъ,
 Къ берегамъ ты мертвыхъ удалился;
 Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
 Гдѣжъ онъ? -- Онъ тамъ. -- Гдѣ тамъ? -- Не знаемъ.
 Мы только плачемъ и зываемъ:
 О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Утѣхи, радость и любовь
 Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
 У всѣхъ тамъ нѣженѣнъ кровь
 И духъ мящется онъ печали.
 Гдѣ споль былъ яшвъ, тамъ гробъ стоишь;
 Гдѣ пиршесшвъ раздавались дини,
 Надгробные тамъ воюю каини,
 И блѣдна смерть на всѣхъ глядишь.

Глядишь на всѣхъ: — и на Царей,
 Въ державу коимъ пѣсны міры;
 Глядишь на пышныхъ богачей,
 Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
 Глядишь на прелестъ и красы,
 Глядишь на разумъ возвышенный,
 Глядишь на силы дерзновенны,
 И шочишь лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
 Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
 Сего дня богъ, а завтра прахъ;
 Сего дня льстишь надежда ласна,
 А завтра — гдѣ ты, человекъ?
 Едва часы пропечь успѣли,
 Хаоса въ бездну улещѣли,
 И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Изчезла и моя ужь младость;
 Не сильно ибжипъ красота,
 Не столько восхищаетъ радость,
 Не столько легкомысленъ умъ,
 Не столько я благополученъ;
 Желаніемъ чешей размученъ;
 Зовенъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
 И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
 Богатствъ спяжаніе минетъ,
 И въ сердцѣ всѣхъ спраспей волненье
 Прейдетъ, преидетъ въ чреду свою.
 Подише щасъи прочь возможны!
 Вы всѣ премѣины здѣсь и ложны: —
 Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
 Перфильевъ! должно намъ конечно:
 Почтожъ перзаться и скорбѣшь,
 Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
 Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ей себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословляи судьбъ ударъ.

XXVI.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА..

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугуновыхъ изъ пещеръ ;
Ужасныя врилъ разширя ,
Махнулъ по свѣту богатырь ;
Погналъ сходами воздухъ синій ,
Спустилъ шуманы въ облава ,
Давнулъ , — и облава разеблнсь ,
Пущился дождь и возшумѣавъ.

Уже румяна осень посылъ
Снопы златныя на гумно ,
И роскошь винограду просилъ
Рукою жадной на вино.
Уже схода ползипся шипчи ,
Ковыль серебрился по степенямъ ;
Шумящи красножелты листья
Разсплалнсь всюду по процамъ.

Въ опушиѣ заяцъ быспроногій ,
Какъ волчикъ посѣдѣвъ , лежишь ;
Ловцы раздаются роги ,
И выжлятъ лай и гулъ гремишь .
Запасиися крестьяннвъ хлѣбомъ ,
Ѣшь добры щи и пиво пьешь ;
Обогащенный щедрымъ Небомъ ,
Блаженство дней своихъ поешь .

Борей на Осень жмуришь брови,
 И Зиму съ Сѣвера зовешь:
 Идешь съдая чародѣйка,
 Косматымъ машешь рукавомъ;
 И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплешь,
 И воды превворяешь въ лѣды;
 Отъ хладнаго ея дыханья
 Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ изпещренныхъ
 Виситъ по небу мгла вокругъ:
 А на коврахъ полей зеленыхъ
 Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
 Пустыни съпуютъ и доли,
 Голодны волки воютъ въ нихъ;
 Древа стоятъ и холмы голы,
 И не пасется стадо при нихъ.

Ушелъ олень на тундры мшистыя,
 И въ логовище легъ медвѣдь;
 По селамъ Нимфы голосистыя
 Преспали въ хоровахъ пѣль;
 Дымятся сѣрымъ дымомъ дома,
 Поспѣшно ѣдешь пунникъ въ путь,
 Небесный Марсъ оставилъ громы,
 И легъ въ туманы опдохнуть.

Россійскій только Марсъ, Потошкинъ
 Не ужасается зимы:
 По развѣвающимъ знаменамъ
 Полковъ, водимыхъ имъ, орелъ
 Надъ древнимъ царствомъ Мишидаша
 Лешаетъ и темнитъ луну;
 Подъ авучнымъ крикомъ его мельканьемъ
 То чернѣ, то бѣднѣ, то рднѣ Эвксинѣ.

Огонь , въ волнахъ неугасимый ,
 Очаковскія спѣны жрепѣ ,
 Предъ ними Россѣ непобѣдимый
 И въ мразѣ зелены лавры жнепѣ ;
 Сѣдя бури презираешѣ ,
 На льды , на рвы , на громѣ лепипѣ ,
 Въ водахъ и въ пламѣ помышляешѣ ;
 Иль умерешѣ , иль побѣдишѣ .

Мужайся , пвердый Россѣ и вѣрный ,
 Еще побѣдой возблиспашѣ !
 Ты не наемникѣ , сынѣ усердный ;
 Твоя Екатерина машѣ ,
 Попемкинѣ вождѣ , Богѣ покровишѣль ;
 Твоя геройска грудь пвой щипѣ ,
 Чешѣ мзда пвоя , вселенна зришѣль ,
 Попомощво плесками гремишѣль .

Мужайшѣсь , Росски Ахиллеси ,
 Гогини сѣверной сыны !
 Хотя вы въ Спиксѣ не погружались ,
 Но вы бессмертны по дѣламѣ .
 На васѣ всѣхѣ мысль , на васѣ всѣхѣ взоры ,
 Дерзайше вашихѣ въ слѣдѣ ошцовѣ !
 И ны спѣши скорѣй , Голицынѣ !
 Принесѣ въ пвой домѣ сѣ оливой лаврѣ .

Твоя супруга златовласа ,
 Пѣнира сердцемѣ и лицомѣ ,
 Давно желаннаго ждепѣ гласа ,
 Когда ны къ ней прѣдѣшѣ въ домѣ ;
 Когда сѣ горячностью обнимешѣ
 Ты семерыхѣ пвоихѣ сыновѣ ,
 На матерѣ пѣжны взоры вскинѣшѣ ,
 И въ радости не сыщѣшѣ словѣ .

Когда обильными рѣчами
 Потомъ воспоргѣ свой извѣишь,
 Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
 Твою супругу удивишь;
 Геройскія дѣла расскажешь
 Ея ты дяди и отца,
 И духъ и умъ его доназвешь,
 И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

Сиѣши, супругѣ, къ супругѣ вѣруной,
 Обрадуи ты, утѣши ея;
 Она задумчива, печальна,
 Въ простой одеждѣ, и власы
 Разсыпавъ по челу неспроивно,
 Сидишь за сполникомъ въ софѣ;
 И свѣшлоголубые взоры
 Ея всечасно слезы льютъ.

Она къ тебѣ вседневно пишешь:
 Твердишь по славу, по любовь,
 То жалостью, то гнѣгой дышешь,
 То страхъ ея смущаетъ кровь;
 То дядѣ поржесива желаешь,
 То жаждешь мужниной любви,
 Мнешся, борешься, вѣщаешь:
 Коль долгъ велишь, ты лавры рви!

Въ чертогѣ вокругъ ея безмолвномъ
 Не смѣютъ Нимфы пошептать;
 Въ воспоргѣ только Музы томномъ
 Осмѣлились сей стихъ бряцать. —
 Румяна Осель! — радости міра!
 Умножь, умножь еще ивой плодъ!
 Приди желанна вѣсь! — и лира
 Любовь и славу воспоешь.

XXVII.

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ.

Не безпрестанно дождь спремится
На класы съ черныхъ облаковъ ,
И море не всегда спруится
Ошъ премѣняемыхъ вѣтровъ ;
Не круглой годъ во льду спяшь воды ,
Не всякой день бурь слышенъ свистъ ,
И съ скучной не всегда природы
Падешъ на землю желтой лещъ.

Подобно и тебѣ крушиться
Не должно Н . . . всегда ,
Гогово-ль солнце въ бездну скрышься ,
Иль пани упру бышь чреда ;
Ты жизнь свою въ поскѣ проводишь ,
По Англійскимъ швоимъ коврамъ ,
Уединясь , въ смущеньи ходишь ,
И волю шечъ даешь слезамъ.

Преспань , и равнодушнымъ окомъ
Возри на оный кипарисъ ,
Который на берегу высокомъ
На Невскій струи нависъ ,
И мрачной шѣни подъ покровомъ ,
Во дремлющихъ своихъ вѣшьяхъ ,
Сокрывъ недавно въ гробъ новомъ
Румянцовой почтенный прахъ.

Румянцовой! — Она блиспала
 Умомъ , породой , красоной ,
 И въ старости любовь снискала
 У всѣхъ любезною душой ;
 Она со швердоспью смежила
 Супружній взоръ , друзей , дѣшей ;
 Монархамъ осмерымъ служила ,
 Носила знаки ихъ чесшей ;

И зрѣла въ торжествѣ и славѣ
 И въ лаврахъ сына своего ;
 Не измѣнялась въ сердцѣ , нравѣ
 Ни для кого , ни для чего ;
 А доброе и злое купно
 Собою испытала все ,
 И какъ вершился всеминутно
 Людской форшуны колесо .

Возри на памятникъ сей вѣчной
 Ты современницы швоей ,
 Въ опраду горести сердечной ,
 Въ спокойствію души швоей ,
 Прочши : „Сія гробница скршла
 „Зашиившаго машь лунный свѣшъ ;
 „Смершъ добродѣтели шадила ,
 „Она шила почти сто лѣшъ.“

Какъ солнце тускло низиушаетъ
 Послѣдніе свои лучи ,
 По небу , по водамъ , блиспаетъ
 Румяною зарей въ ночи ;
 Такъ съ шихимъ вздохомъ , взоромъ яснымъ
 Она оставила сей свѣшъ ;
 Но именемъ своимъ прекраснымъ
 Еще , еще она живешъ .

И ты, коль побѣдила спрасни,
 Которы трудно побѣдишь;
 Когда не ищешь вышней власти
 И первую въ вельможахъ быть;
 Когда не мѣшишь, и совѣсть права,
 Не алчешь злата и сребра:
 Какого же, коль шломя здрава,
 Еще желаешь ты добра?

Одно лишь въ насъ добро прямое,
 А прочее все въ свѣтѣ мѣлий.
 Почтѣ чья душа въ покое,
 По испити шопѣ есть блаженѣ.
 Преспанъ же ты умомъ прылашымъ
 По преволценію лешанѣ;
 Съ убогимъ грузомъ, лѣь богатымъ,
 Всякъ долженъ въ вѣчности приенать.

Пожди! — и сынъ твой съ спрелна бою
 Иль на щипѣ, лѣь со щипомъ,
 Съ побѣдой, съ славою, съ леною,
 Съ профеями прѣденѣ въ домъ;
 И ешьли знанности и злата
 Невѣстка въ даръ не принесеиъ,
 Благими правами богата,
 Прекрасныхъ внуашѣ приведеиъ.

Уиѣшься! — и въ обѣмѣи нѣжномъ
 Облобызай своихъ ты чадъ;
 Въ семействѣ шихомъ, безмятежномъ,
 Оссальскій насаждай садъ,
 Живи и раскложай науки;
 Живи и обезсмершь себя,
 Да громогласной лиры звуки
 И Музы востоюиъ тебѣ.

Сѣдый соборъ Ареопага ,
 На испину смопря въ очки ,
 На счетъ общественнаго блага
 Не рѣдко ей давалъ щелчки :
 Но въ вѣкъ шотъ Ариспиды жили ,
 Сносили ссылки , казни , смерть .
 Когда судьбы благоволили ,
 Не должно ли и намъ терпѣть ?

Терпи ! — Самсонъ сопретъ льву зубы ,
 А Навинъ пошемнитъ луну ;
 Румянцовъ молнья дхлетъ сугубы ,
 Екатерина пишину :
 Меня-жъ ничпо вредитъ не можетъ ;
 Я злобу швердостью сопру ;
 Враговъ моихъ червь кости сложенъ :
 А я шитъ , — и не умру .

XXVIII.

О Т Р Ы В О К Ъ.

. Казлось, что вся Имперія пришла со всёмъ своимъ великолѣпьемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и шествовала даже на высотахъ, чтобъ насладиться Ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ споломи,
Разсыпала по нихъ и золото и серебро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясая челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогорь, несли шельцовъ и дичь;
Вѣнчана класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ поназы, аменнны
Лилъ кубки медь золоты, дровъ некромен-
ный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусы вина;
Прекрасная Нева, прилвъ ошъ Бельна съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ, чужія шилья, сѣди,
Носила по госнямъ, какъ будно бы сныдась,
Что пощивашь должна шакъ прихонь по
неволѣ.
Облаче лучное всёмъ просширало длань.

Картины по стѣнамъ , огнями освѣщенны ,
 Казалось , ожили , и рдѣны лица ихъ
 Изъ мрака выспавя , на славный пиръ смо-
 трѣли :

Лукуллы , Цезари , Траянъ , Октавій , Титъ ,
 Какъ будто изумясь , сойши со стѣнъ желали ,
 И спросишь : кого такъ угощаетъ свѣтъ ?
 Кто , кромѣ насъ , владѣть опважился все-
 ленной ?

ХХІХ.

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЪ.

Сойди, любезная Эраша!
Съ горы зеленой, двуххолмистой,
Въ одеждѣ бѣлой, серебряной,
Украшенна въицомъ и поясомъ изъ злата,
Съ своею арфой сладкомасной! —
Сойди ушѣхъ соборъ,
И брось къ намъ нѣжнострасной
Съ улыбкою швой взоръ;
И царивуй вѣчно въ домъ семъ
На берегахъ Невы прекрасныхъ!
Любителю наукъ изящныхъ,
Мы пѣснь съ шобою воспоемъ.

*Небеса! внемлите
Чистый сердца жаръ,
И съ высотъ пошлите
Песнь сладкій даръ.
О! молюся правдина,
Какъ роса взнесись:
Къ намъ ты, Муза нѣжна,
Какъ Зефиръ, спустись!*

Какъ легкая серна
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ
Перебѣгаетъ;
Какъ бѣлый голубокъ, она
То внизъ, то вверхъ, подъ облакомъ
Перелетаетъ;

Съ небесныхъ свѣшлыхъ горъ дорогу голубую
 Ко мнѣ въ минушу перешла ,

И арфу золошую

Съ собою принесла ;

Рѣзвилась вокругъ меня, ласкалася, смошрѣла,
 И будно вѣшперочикъ, сѣла

На лонѣ у меня.

Тутъ вдругъ, веселый видъ на важный пре-
 мѣня ,

Небеснымъ жаромъ воспылала ,

На арфѣ заиграла.

Ея блорумяны персты

По звучнымъ бѣгачамъ струнамъ ;

Взоръ черноогненный, отвесный,

Какъ молнія во слѣдъ грома ,

Блмстаетъ, жжеть и поражааетъ

Всю энупренность души моей ;

Томитъ, мерзвитъ и оживляетъ

Меня пріялностью своей.

Бози взоръ свой отвращаютъ

Отъ нелюбнщаго Музъ ,

Фуріи ему влагаютъ

Въ сердце чорство грубый вкусъ ,

Жажду злата и сребра. —

Врагъ онъ общаго добра !

Ни слеза вдовиць не трошетъ ,

Ни сиротъ несчастныхъ слонъ ;

Пусть въ крови вселенна лонетъ ,

Быль бы щастямъ только онъ ;

Больше-бъ собралъ сребра. —

Врагъ онъ общаго добра !

Напротивъ того взираютьъ
 Боги на любимца Музъ,
 Сердце нѣжное оластятъ
 И изящный нѣжный вкусъ;
 Всѣмъ душа его щедра. —
 Другъ онъ общаго добра!

Оттираетъ томи слезны,
 Унимаетъ скорбный стонъ;
 Сиротамъ отецъ любезный,
 Покровитель Музамъ онъ;
 Всѣмъ душа его щедра. —
 Другъ онъ общаго добра!

О день! о день благопріятный!
 Несущая въпрямь голоса,
 Нурятся крины ароматны,
 Склонились долу небеса;
 Лазурны тучи, красящны,
 Блистающы рубиномъ сквозь,
 Какъ изпещренный флаомъ, богатый,
 Спрямляющы по эфиру носъ;

И плаван шуда,

Сюда,

Спускающы предъ нами.

На нихъ сидитъ небесныхъ Музъ соборъ,
 Вкругъ Геніевъ крылатыхъ хоръ, —
 Лепящъ, въ слѣдъ плывущы цѣпями,
 Какъ бы весной

Разноперистыхъ птичекъ рои

Вьветъ воздухъ за собою

Кристалльною струею,

И провождаетъ къ намъ дѣвъ горныхъ кра-
 сный ликъ.

Я слышу вдалекѣ шамъ рѣзкій трубный зывъ;

Тамъ бубновъ громъ ,
 Тамъ стонъ
 Волшорнъ

Созвучно въ воздухъ ударяешь ;
 Тамъ гласъ свирѣлей
 И звонкихъ шредей

Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаешь ,
 Какъ соловьиный свистъ , сквозь шумъ паду-
 щихъ водъ .

Отъ звука разныхъ голосовъ ,
 Вспрѣтающихъ полубоговъ
 На землю сходъ ,

По рощамъ эхо какъ хохочешь ,
 По мрачнымъ, горнымъ дѣбрямъ ропчешь
 И гулъ глухой въ глуши гудешь . —
 Я слышу сонмъ небесныхъ дѣвъ поетъ :

*Науки смертныхъ просвѣщаютъ ,
 Пишутъ , облезаютъ трудъ ;
 Художества ихъ украшаютъ ,
 И нѣ вѣчной славѣ ихъ ведутъ .
 Благополучны тѣ народы ,
 Которы красотаи природы
 Искусствомъ могутъ подражать ,
 Какъ пчелы медь съ цвѣтовъ собираютъ .
 Блаженъ тотъ мужъ , блаженъ стократно ,
 Кто покровительствуетъ имъ !
 Вознаграждать его обратно
 Они безсмертїемъ своимъ .*

Наполнилъ грудь восторгъ священный ,
 Благоговѣйный обнялъ страхъ ,
 Припшый ужасъ пошасенный
 Течетъ во всѣхъ моихъ косняхъ ;

Въ веселѣ сердце ушопаетъ ,
 Какъ будто Бога ощущаетъ
 Присущивующаго со мной !
 Я вижу , вижу Аполлона
 Въ пошъ мигъ , какъ онъ сразилъ Тифона
 Божественной своей стрѣлой :
 Зубчата молнія сверкаетъ ,
 Звенивъ въ рукѣ священный лукъ ;
 Ужасная змѣя зѣветъ
 И въ мигъ свой изпускаетъ духъ ,
 Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегибая ,
 И черну кровь ручьемъ изъ раны выпуская .
 Я зрю сіе , — и въ мигъ себѣ предомысливъ могъ ,
 Что такъ невѣжество сражаетъ свѣта богъ .

Подъ блѣдныхъ тѣней окружаетъ
 И ужасаетъ духъ того ,
 Кто кровью руки умываетъ
 Для власполюбья своего ;
 И черный змѣй по сердце гложетъ ,
 Въ комъ зависть , злосць и ласць живетъ ;
 И кто своимъ добромъ жизнь можетъ ,
 Но для богатства мзду беретъ .
 Порокъ спокоенъ не бываетъ ;
 Нравъ варварскій его мяшетъ ,
 Наукъ , художествъ не ласкаетъ ,
 И свѣта свѣтъ ему не льститъ .
 Какъ звѣрь , — онъ ищетъ мѣста темна ;
 Какъ змѣй , — онъ ползая щипитъ ;
 Душа коварствомъ напоенна
 Глазами прямо не глядитъ .

Черные траки,
 Злые призраки
 Ужасныхъ страстей!
 Вбегите изъ града,
 Сокройтесь въ дно ада
 Отъ нашихъ въ дней!
 Света перуны,
 Лиричныя струны,
 Минервинъ эгидъ!
 Сбильте въ злость съ
 Брань за предѣлы
 Отъ насъ да бѣжитъ

Какъ солнце гонишь и
 И отъ его червлена з
 Румянишься природы зр
 Веселорѣзвая Эрата!
 Ты ходишь по лугамъ
 И рвешь тогда себѣ ц
 Свободнымъ духомъ, восхищеннымъ,
 Поешь свои утѣхи ты;
 Во слѣдъ тебѣ забавъ соборъ,
 Пѣвицъ пріятныхъ хоръ,
 Наяды пляшущъ и Фауны:
 Соспавъ же ты, прелестно божество!
 И намъ шеперя торжество,
 Да сладкогласной лиры струны,
 Твоею движимы рукой,
 Возбуждашь всѣхъ ко пляскамъ предъ тобой.

Радостно, весело въ день сей
 Въвсѣхъ собирайтесь, дружи!
 Бросьте свои недосуды,
 Скачите, пляшите смѣлѣй:

Вейте въ ладоши руками,
 Щолкайте громко перстами,
 Чорны глаза поводите,
 Словамъ въ всѣмъ говорите,
 Фертикомъ руки въ божи,
 Дѣлайте легкіе скоки,
 Чоботъ о чоботъ стучите,
 Съ наступлю смѣлой свищите,
 Молвьте, спасибо, душею
 Мужу тому, что снисходитъ
 Лаской, любовью своею,
 Всѣмъ намъ веселье находилъ.
 Здравотвуй же, Музь днесъ Любитель!
 Здравствуй иахъ всѣхъ Покровитель!

XXX.

М Е Р К У Р И Ю.

Кто-то, меня опъ Аполона,
Меркурий! ты ведешь съ собой;
Средь пышнаго торговли шрона,
Мнѣ нажешь ворохъ золотоу?
Сбираешь, завидоваць; из-млада
Я не привыкъ, и не хочу.
Богатство-ль старину награда?
Давно съ презрѣньемъ я шопчу
Его, всю прелестъ равнодушно.

*

Коль я здоровъ, хлѣбъ соль имѣю,
И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,
И челобичиковъ я смѣю,
Вспрѣчаю съ передняго крыльца,
И къ небогатому богатыи
За нуждою ко мнѣ идетъ,
За храмъ — мои проспы палаты,
За золото — солону чешетъ:
На что же мнѣ швоя излишность?

*

Но, ахъ! когда я спалъ послушенъ
Тебѣ, мой вождь и богъ златой!
То будь и ты великодушень,
И мой не опними покой;
Но хлопотать когда успану,
Весь день бывъ жершвой и игрой
Среброшуйну овану:
Позволь, какъ грянетъ громъ, дозой
Пришедшему обняшь мнѣ Музу.

*

Да вмѣсто висца и босшону ,
Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь ,
Монаршу , Божеску закону ,
Суду и правдѣ поучусь ;
Не дамъ волкамъ овечки скушати ;
А ты , коль хочешь одолжишь ,
Приди моей сей пѣсни слушати ,
Посеребришь , позолошишь
Мою трубу ЕКАТЕРИНЪ.

XXXI.

Н А Щ А С Т І Е.

Всегда прехвально, препочтешно,
Во всей вселенной обоженно,
И возделъиное опѣ всѣхъ,
О ты, великомощно Щасъе!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро и въ ненасъе,
Мавръ, Лопарь, пастыри, Цари,
Моляся въ куцахъ и на шронѣ,
Въ восклицановеніяхъ и спонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждущъ олтари!

*

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины,
Богъ сильной, рѣзвой, доброй, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей дѣмницѣ
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣшу скачешь
Волшебною шириной машешь
И производишь чудеса.

*

Куда хребешъ свой обращаешь,
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,
Приводишь въ страхъ богатырей;
Султановъ заключаешь въ кѣшву,
На казнь выводилъ Королей;
Но еслим ты-ждъ, хоша въ издѣвку,

Ослабишь зорь свой на кого :
 Раба пворишь владыной міру ,
 На мѣсто рубища порфиру
 Ты возлагаешь на него .

*

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья ,
 Какъ нѣшь никиморовъ явленья ,
 Какъ ты лишь всѣмъ чудопворишь :
 Дѣвицъ и дамъ магнизируешь ,
 Изъ камней золото варишь ,
 Въ глаза папріотизма плюешь ,
 Катаешь кубаремъ весь міръ ;
 Какъ рѣзвощи пвоей примѣровъ ,
 Полна земля вся Кавалеровъ ,
 И цѣлый свѣтъ сшалъ Бригадиръ ;

*

Въ тѣ дни , какъ есюду скороходомъ
 Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ
 И лавры рвешь ему зимой ,
 Сшамбулу бороду ерошишь ,
 На Таврѣ ѣдешь чехардой ;
 Задашь Спокгольму перцу хочешь ,
 Берлину фабришь ты усы ;
 А Темзу въ фижмы наряжаешь ,
 Хохоль Варшавѣ раздуваешь ,
 Копишь Голландцамъ колбасы ;

*

Въ тѣ дни , какъ Вѣну ободряешь ,
 Парижу нукли разбиваешь ,
 Мадришу поднимаешь носъ ,
 На Нолленгагемъ иней сѣешь ,

Пучокъ подносишь Гданску розѣ;
 Венеци, Мальтѣ не радѣешь,
 А Греціи велишь зѣвать;
 И Риму, ноги чѣмбѣ не гужамъ,
 Свяшья оспавляя шуфли,
 Царямъ прешисъ ихъ ѣбловашъ;

*

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгулѣ:
 Молишка и правосудье,
 Умъ, совѣсть и законъ свяшой
 И Логика пиры пирующѣ,
 На каршы ставяшъ зѣкъ злалой,
 Судьбами смертныхъ пуширующѣ,
 Вселенну въ праптелево гнущѣ;
 Какъ полюсы, меридіаны,
 Науки, музы, боги — пьяны,
 Всѣ скачущѣ, пляшущѣ и поющѣ,

*

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихожцы
 Не сѣющѣ, но лишь жнущѣ червонцы,
 Ихъ денегъ куры не клюющѣ;
 Какъ вкусъ и нравы распеспрились,
 Весь міръ спалъ полосатый шумѣ;
 Маршынски въ воздухѣ явились,
 По свѣшу свѣщяшъ фонари,
 Вишійствуюшъ урагнѣ въ школахѣ;
 На пышныхъ карточныхъ пресполахѣ
 Сидяшъ мишурные Царя;

*

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди проновѣ
 Одна не мѣситѣ макаронѣ,
 Не ходяшъ въ кузницу ковашъ;
 А разѣ временемъ лишь скучнымѣ

Изволитъ Музъ къ себѣ пускати
 И перышкомъ своимъ искуснымъ,
 Не ссорясь ни какъ, ни съ кѣмъ,
 Для общей и своей забавы,
 Комедьи пишешь, чистилищъ кравы,
 И прибиваешь *земь, земь, земь*;

*

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна
 Она съ тобою сопряжена,
 — Ни въ сказкахъ складно рассказать,
 Ни написать перомъ красиво, —
 Изволишь милость проливать,
 Изволишь царствовать правдиво,
 Не жжешь, не рубишь безъ суда;
 А развѣ кое-какъ вельможи,
 И такъ, и сякъ, нахмуря рожи,
 Тузятъ снова иногда;

*

Въ тѣ дни, какъ мечешь всюду взоры
 Она вселенной на ресоры
 И вѣсишь скипетры Царей,
 Слѣды орловъ парящихъ видишь
 И пресмыкающихся змѣй;
 Разя враговъ, не ненавидишь,
 А только пресѣкаешь зло;
 Безъ ланъ богатырямъ и въ ланяхъ
 Мрешишь давишь лимоны въ ланяхъ,
 А хочешь, чтобы все цвѣло;

*

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
 Она перуи къ странамъ желѣзнымъ
 И громъ за придевянь земель
 Несешь на лунно государство,

И бомбы сыплешь будто хмель;
 Свое же ублажая царство,
 Покоишь, грѣеши и живишь;
 Въ морозъ каминны возжигаешь,
 Дрова и сѣно запасаешь,
 Бояръ и чернь благошворишь;

*

Въ шѣ дни и времена чудесны
 Твой взоръ и на меня всемѣстный
 Проспри, о надъ Царями Царь!
 Проспри, и удостой усмѣщкой
 Презрѣнную тобою шварь;
 И есѣли я не созданъ пѣшкой,
 Валясь не рожденъ въ пыли,
 Прошу тебя моимъ бышь другомъ;
 Песчинка можетъ бышь жемчугомъ.
 Погладь меня и пощепли.

*

Бывало, пы меня къ боярамъ
 Въ любовь введешь: беру все даромъ,
 На вексель, въ долгъ безъ плащежа;
 Судьи, дѣяки и прокуроры,
 Въ передней про себя брюжжа,
 Умильные мнѣ мещущь взоры
 И жаждущь слова моего:
 А я всѣхъ мимо по паркету,
 Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
 И въ грошъ не сшавлю никого.

*

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ
 Съ красочной чернобровой рядомъ,
 Иль съ бѣлельгой, сидя со мной,
 Ты въ шашки, но въ каршежъ играешь;

Прекрасною своею рукою
 Туза червоннаго вскрываешь,
 Сердечной своею шлемъ нажешь взглядъ;
 Я, кнъ кралъ короля бросаю,
 И ферзь кнъ ладъ я придвигаю,
 Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

*

Бывало, милья науки
 И Музы, просширая руки,
 Позавирались ко мнѣ придущь,
 И все мое уоядущь ложе:
 А я, свирѣль настроя шущь,
 Съ ихъ каждой лирой шожу, шожу.
 Играю, что вчера съ игралъ.
 Согласна прель! взаимны тоны!
 Воспоргъ всѣхъ чувствъ! за васъ короны
 Тогда бы взяшь не пожелалъ.

*

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ было;
 Полещь свой щасье премѣнило,
 Безъ лашъ я Горе - богатырь;
 Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
 Амуръ безъ перьевъ и шопырь,
 Едва вспорхнешь, и носъ повѣситъ.
 Сокрылся и въ игръ мой кладъ;
 Не спрашны мной, какъ прежде, Музы;
 Бояре понадули пузы,
 И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

*

Услышь, услышь меня, о Щастье!
 И солнце какъ сквозь бурь, и насъ шь,
 Такъ на меня и шь взгляни;
 Прошу, молю тебя умилью.

Мою ты участь премѣни;
 Вѣдь всемогуще ты и сильно,
 Творишь добро изъ самыхъ золъ;
 Отъ божеской твоей десницы
 Гудокъ гудишь на шонъ скрипицы
 И вьешся локономъ жохолъ.

*

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
 Иль легкой шаръ Монгольфьера,
 Блистая въ воздухѣ, лепишь;
 Вселенна длани проспираешь,
 Зовешь себя, — ты не глядишь?
 Но шаръ твой часто упадаешь,
 По прихоти одной твоей,
 На пни, на кочки, на колоды,
 На грязь и на гнилыя воды;
 А рѣдко, рѣдко на людей!

*

Следи ко мнѣ, мое драгое,
 Серебренное, золотое,
 Сокровище и божество!
 Следи, причти къ твоимъ любимцамъ!
 Я храмъ тебѣ и торжество
 Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
 Твоимъ разсыплю я цвѣты;
 Возягу куренья благовонны,
 И буду вѣдять на поклоны,
 Гдѣ только обитаешь ты.

*

Жить буду въ перемѣ богатомъ,
 Возвышусь въ чинъ, и знатнымъ бракомъ
 Горацию въ родню причтусь;
 Перомъ моимъ славно-школярнымъ

Разсудка выше вознесусь ,
 И славъ тебѣ неблагодарнымъ ,
 — *Безтужь!* братъ мой , на волахъ
 Собою самъ поля орющій ,
 Или стада свои пасущій ! —
 Я буду восклицашь въ пирахъ .

*

Увы ! еще ты не внимаешь ,
 О Щастіе ! моей мольбѣ ,
 Мои обѣщанья презираешь ;
 Знаешь не угоденъ я тебѣ .
 Но на софахъ ли ты пуховыхъ ,
 Въ шѣняхъ ли миртовыхъ , лавровыхъ ,
 Иль въ золотой живешь спрани ;
 Вземли , — шепни твоимъ любимцамъ ,
 Вельможамъ , Королямъ и Принцамъ :
 „Спокойствіе мое во мнѣ !“

XXXII.

На выздоровленіи Мецената.

Кровавая луна блиспала
Чрезъ покровенный ночью лѣсъ,
На морѣ мрачномъ просширала
Сполбомъ багровый свѣтъ съ небесъ,
Но огненнымъ зыблямъ мелькая.
Я видѣлъ, въ лодкѣ нѣкто плылъ:
Тутъ вѣшеръ, спрашно завывая,
Ударилъ въ лѣсъ, — и лѣсъ завылъ.
Изъ безднъ воспали пѣнны горы,
Брега пустили шумный спомъ;
Сквозь бурные стихіевъ споры
Зіяла пѣма со всѣхъ сторонъ.

*

Ко берегу лодка приплывала,
Приблизилась она ко мнѣ;
Тѣнь бѣлая на ней мелькала,
Какъ образъ мраморный во тѣмѣ.
Ушихъ шумъ роць, умолкъ ревъ водный,
Лишь спонуть въ пищинѣ часы;
Спремился пошъ по мнѣ холодный
И дыбомъ возснатъ власы;
На брегъ изъ лодки вылѣзаетъ
Шарикъ угрюмой и сѣдой,
И озираетъ подпираетъ
Себя ужасною косою.

*

Тогда по берегу раздалися
 Надгробный плачь и вой людей;
 Отвсюду къ старику сошлись
 Безчисленны толпы шѣней;
 Прискорблы, блѣдны и безгласны,
 Оки, потупя взоры, шли;
 Цѣлями Фурій ужасны
 Къ морскому берегу ихъ вели.
 Старикъ кровавыми копиями
 Къ себѣ на лодку ихъ влеченъ: —
 Богачь и нищъ, рабы съ Царями,
 Всѣ равно оставляютъ свѣтъ.

*

Ужь въ лодкѣ многія мечпались
 Знакомыя и миѣ черты,
 Другія къ оной приближались;
 Мейкъ ихъ, Шуваловъ! былъ и ты.
 И ты, другъ Музъ, другъ смертныхъ роду,
 Фаросъ молодыхъ вельможъ и мой!
 И ты Коциша зрѣлъ ужъ воду;
 Коба смертельна надъ тобой,
 Разсѣвши мракъ густой, сверкала,
 Подобно какъ перуи съ небесъ,
 Эреба бездна ужъ зіяла,
 И ногу въ вѣчность ты занесъ.

*

Болезнь и страхъ неизреченный
 Тогда стѣснили грудь мою:
 „Кѣмъ добродѣтели почтенны,
 „Кшо родъ, и санъ, и жизнь свою
 „Старался шѣмъ единымъ славити,
 „Чтобъ ближнему благошворить,
 „Потомству храмъ наукъ оставишь,
 „Тому ли вѣкъъ шоль крайнейъ жиниъ ?

„Уже-ль врагъ чести и пороку ,
 „И злой и доброй человекъ ,
 „Единому подвластны року ? —
 „О Боже праведный !“ — я реку.

*

Но вдругъ средь облака златаго
 На крыльяхъ утренней зари
 Во зракъ божества младого ,
 Котораго рабы , Цари ,
 Все люди равномерно любящъ ,
 Но все не равно берегущъ ;
 Котораго лѣнь , роскошь губящъ ,
 Крѣпящъ умеренность и трудъ , —
 Здоровье — даръ небесъ безцѣнный —
 Слѣшло въ швой черномъ , и взявъ
 Въ златомъ сосудѣ сохъ лечебный ,
 Кропя себя , рекло : будь здоровъ !

*

Ты здоровъ! Хоръ Музъ, тебѣ любимыхъ,
 Драгую жизнь твою любя,
 На мѣсто кипарисовъ слезныхъ ,
 Вбичаси лаврами тебя.
 Пріявъ одна трубу златую ,
 Другая широкъ лирный гласъ ,
 Та арфу , та свирѣль проемную ,
 Воспѣли , — и воспѣлъ Царнасъ :
 „Живи , наукамъ благодѣтель !
 „Твоя жизнь въ вѣкъ цвѣститъ должна ;
 „Не умираши добродѣтель :
 „Всеземрана Музачи она.

*

Безсмертны Музами Периклы,
 И Меценаты въ вѣкъ живущь.
 Подобно память, слава, тѣнны
 Твои, Шуваловъ, не умрущь.
 Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
 А Дщерь его ввела къ намъ вкусъ;
 Ты, къ знаньямъ простыряя руки,
 У Ней предстателемъ былъ Музъ.
 Досель гремищъ намъ въ Младѣ
 О Несторахъ, Улиссахъ громъ:
 Равно безсмертны въ Пеприадѣ
 Ты Ломоносовымъ перомъ.

XXXII.

Н А У М Ъ Р Е Н Н О С Т Ъ .

Благополучиѣе мы будемъ ;
Коль не дерзнемъ въ спременье волнъ ,
Ни въ вихрь , робѣя , не принудимъ
Близъ берега держать нашъ чолнъ . —
Завиденъ пошъ лишь состояньемъ ,
Кипо среднею спезей идешь ,
Ни благъ не восхищенъ мечпаньемъ ,
Ни шьмой не ужасаемъ бѣдъ ;
Умѣренъ въ хижинѣ , чершогѣ ,
Равенъ въ покоѣ и превогѣ .

*

Собрашь не алченъ миліоновъ ,
Не скалился на жирный споль ;
Не пребуешь ни чьихъ поклоновъ ,
И не лощипъ ни чей самъ поль ;
Не вьется въ душу нѣ царску другу ,
Не ловишь тайнспѣвъ и не льстишь ;
Готовъ на трудъ и на услугу ,
И добродѣшель токмо чинишь . —
Хотя и Царь его ласкаетъ ,
Онъ носа въ верхъ не поднимаетъ .

*

Онъ видишь , что и дубы мшисты
Крехшишь , падушь съ вершины горъ ,
Перушь дробишь бутры кремнисты
И пожигаетъ влажный боръ .
Онъ видишь , съ бѣлыми горами
Въ верхъ скачущъ съ шумомъ корабли ;

Ревуть, и черными волнами
 Внутрь погребаются земли;
 Онъ видящъ, — я судьбѣ послушенъ,
 Въ прѣвѣнахъ свѣна равнодушень.

*

Онъ видящъ, — и душой мужаясь,
 Въ немощи надежды полнъ;
 Подъ щасливемъ же, не уномляясь,
 Въ безпечной не вдается сонъ;
 Себя и близкаго повою,
 Чинящъ Бога, вѣру и Царей;
 Царствѣ монархической не сироя,
 Смѣенся, зри на пузырьрей,
 Лепищихъ флажомъ къ небу съ грузомъ,
 И вольнымъ бышь не мнишь Французомъ.

*

Онъ вѣдася: доволъ сирасши
 Волнующа въ людскихъ сердцахъ,
 Нѣтъ вольности, нѣтъ равногъ часит
 Царю въ вѣнцѣ, рабу въ цѣпяхъ.
 Несетъ свое великъ въ свѣннѣ бремя,
 Другихъ великъ жертва и ширая.
 Теченъ въ свое природа сирема;
 А сей законъ жоль въ вѣнѣ ой данъ,
 Жоль въ вѣнѣ мы подъ сираснѣми спенасемъ:
 Какихъ же дней зланныхъ желасемъ?

*

Всякъ долгу рабъ. — Я не мечнаю
 На воздухѣ о городахъ;
 Всѣмъ щасливыхъ пушей желаю
 Къ форшунѣ по льду на вощахъ.
 Пускай Язель съ Молхиды древней,
 Златое сбрилъ себѣ руно;

Крезъ завладѣлъ чужой деревней ,
 Марсъ отъкупъ взялъ , мнѣ все равно ;
 Я не завидливъ на богатство
 И царскихъ сумъ на святопапство.

*

Когда судьба начаетъ въ люлькѣ ,
 Благословляю часть мою ;
 Нѣтъ дѣла , — играю на бирюлькѣ ,
 Средь Музъ съ Горациемъ пою.
 Но если-бъ Царь гдѣ добрый , рѣдкой
 Велѣлъ мнѣ грамотки писать ,
 Я-бъ душу не вернулъ рулеткой ;
 А спалъ бы ниѣмъ , — и спалъ чинилъ
 Равно о людяхъ , о болванахъ ,
 О добродѣтеляхъ въ карманахъ.

*

А ежели-бъ когда и скушно
 Меня изводилъ онъ пригнать ,
 Любя его , я равнодушно
 И гореснь спалъ бы ощущать ,
 И шелъ къ нему опямъ съ вздоромъ
 Суда и милоснн просить.
 Равно когда-бъ и свѣтлымъ взоромъ
 Со мной онъ вздумалъ пошутить ,
 И у меня просить зощемья :
 Не запясалъ бы съ насъ шутить ;

*

Но съ разсужденемъ удивился
 Великодушнѣ его ,
 Не вдругъ на похвалы чувствовалъ ;
 А въ жарѣ сердца моего

Воспѣлъ его бы безъ припворства,
 И въ сказочкѣ сказалъ подъ часъ:
 „Ты громокъ браньми — для попомства;
 „Ты милъ щедротами — для насъ;
 „Но славы и любви содѣшель
 „Тебѣ своя лишь добродѣшель.“

✱

Смотри и всякъ, хотябъ чрезъ шапки
 Форшумы спалъ кто впереди,
 Не сплосъ спускай зланыхъ змѣй съ башни,
 И гляди въ небо, не пади;
 Держися лучше середины,
 И ближнему добро швори;
 Назавтра крѣпосней съ Судьбины
 Безильны сами взишь Цари.
 Есть время — сѣи, — оно превратно;
 Прошедше не придетъ обратно.

✱

Хотя чья душа честна, любезна,
 Хотя безкорыстенъ кто, уменъ:
 Но воль умѣренность полезна
 И тѣмъ, кто славою паленъ!
 Умѣй бытъ безъ обиды скроменъ,
 Осанкнъ, швердъ, но не гордецъ;
 Рѣшимъ безъ скоросни, сновенъ,
 Безъ жипросни ловецъ сердецъ;
 Вздувъ въ ясномъ парусѣ лазурѣ,
 Умѣй ихъ не срощи и въ бурѣ.

XXXIV.

НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ [И ВЪ
ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО.

Доколь владычество и славу,
Коварство! будешь присвоять;
Вѣсы, кадило, мечь, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
Доколь ловишвой ухищренной
Яремъ накладываешь вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ ласку?
За святошапсенны обманы,
Доколь стяжешь власть пираны,
Кумиры божескую честь?

*

Кто возвращаешь возмещень въ дни,
И зришь дѣянья древнихъ лѣтъ:
Топишь знаешь, сколько, человекъ
Тобою прешерстили бѣдъ!
Лишь праотецъ въ Едемѣ явился,
Твоимъ пронырствомъ искусила,
Изчезъ его блаженства садъ;
Сокрылося злосное время
Съ шѣхъ поръ, какъ земнородныхъ племъ
Вкусило нвой плетворный ядъ.

†

Лежалъ поверженный царства
Мягкою нвоей рукой;
Чужіе троны и начальства
Не разъ похищены побой;

Не разъ народнымъ кровопийцамъ
 И цѣлыхъ областей убійцамъ
 Ты отверзало славы храмъ,
 И Небу щедрому, благому,
 Не разъ, въ покровъ ны дѣлу злему,
 Курить дерзало ошамъ.

✽

Для власполюбія, богачества,
 Для парубыхъ твоихъ сирашней,
 Не разъ, преодоливъ преисшества,
 Зоснигло цѣля ны своея;
 Не разъ ны честию очернило;
 Не разъ ны святошю порицало,
 И вышю чрезъ нихъ швой роу;
 Не уважашъ узъ ны крови,
 Не чашъ ни дружбы, ни любви;
 Корышъ одна и ны — швой боу!

✽

Предусмоури свою выгоду,
 И сдѣлать нужнымъ чиноу себя,
 Невиношю, равеншю, свободу,
 Шоной и шасшю истребя,
 Ты вилло въ насъ свою ошраву,
 Любишъ прельсшило злую славу
 И буную господшва спрашъ;
 Разбой — вышюшъ шамъ въ геройшю,
 Жизнь безначальную — въ шоканшю,
 Касиле — въ свяшюну влашъ.

✽

Твоя ужасна дальновидношю
 И скрышый, мрачный швой шовшъ
 Шавъ шавашъ сѣши на невиншюшю,
 (Куда о тебѣ гдѣ нѣшъ.

Для бѣдныхъ, слабыхъ обороны
 Уставлены суды, законы,
 Взаимность, должность, клятвы, брань;
 Но коль сорвешь съ тебя личину,
 Въ сію священну паушину
 Лишь вьзнешь червь; — а ты? — никакъ!

*

Возьмемъ же истинны зеркало,
 Посмотримъ въ немъ своихъ душей;
 Единолично раскроемъ жало,
 Скрытое въ груди своей;
 Изслѣдуемъ свои дѣянья,
 Всѣ виды, козны и желанья,
 И обьявимъ тебѣ всего.
 Уже я зрю Хамелеона,
 Для пользы своихъ, для ближнихъ сына,
 Въ изгибахъ сердца своего.

*

Когда смѣешься — ты сирена;
 Когда ны плачешь — крокодилъ;
 Когда молчишь — тогда гесина
 Кишитъ въ тебѣ всѣхъ адевыхъ силъ.
 Чудовище! пороки злыя
 За добродѣтели свящныя
 Умѣешь въ мірѣ ты выдавать;
 Велишь слова свои лукавы
 Небесной правды за ушавы
 Вселенной слѣпо обжигать.

*

Велишь, — и въ нѣдрѣ крошкой вбры
 На мѣсто лица въ осларяхъ,
 Съ мольбой и лѣльемъ изувѣры
 Свою собранью жгушь въ носирахъ.

Велишь, — и бредни лжепророка
 Повергли знашю часть востока
 Подъ любоспращный алкоранъ.
 Европа ужаснулась нову,
 Чшо за любовь открылъ Христову,
 Въ Вареломеевъ день пиранъ.

*

Велишь, — и Цесарь, прослезяся,
 Знамена бунта развернулъ;
 Велишь, — и Неронъ, припворяся,
 Смиренствомъ прона достигнулъ.
 Изчадья гордосни, распустишва,
 Посредствомъ швоего мokusшва,
 Даютъ себѣ не рѣдко блескъ.
 Топъ шьмы граждани доверитъ ко гробу,
 Сей матерню произилъ ушробу;
 Но имъ гремитъ народовъ плескъ.

*

Расприги, Кромвели, Надиры,
 Вельможи злые и Цари,
 Для хвалъ своихъ имѣютъ лиры,
 Для обожанья олтари.
 Чрезъ происки швомъ хвасшакны,
 Велики, мудры, справедливы
 Являюшя вседенной всей;
 Но гдѣ имъ ишина воснепеша,
 Завѣса лесши раздереша,
 Изъ бога вскроеша — злодѣи!

*

Какъ оспрой спашью горорышешю
 Мешалловъ ищешъ въ ибдрѣ горъ:
 Такъ разумъ, людскость, любоньшешю
 И любомудрый шоннй взоръ

Коварно сердце пронизаешь ;
Его кобь бездны разверзаешь
И тайны явными пророчишь ;
А время на вѣсы все точно,
Что хвально, вѣсишь, что порочно,
И безпристрастно насъ цѣпишь.

*

О пы, который власью, самою
Себя желаешь оплестишь,
И изъ пигмея великаномъ
Безсмертно въ лѣтоисяхъ живишь !
Хотя дѣла твои днесъ громки ;
Но есшьли поздныя потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ,
Не будешь помѣщенъ пы въ боги.
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчной славы не ведутъ.

*

Ведутъ — не въ храмъ, на мѣсто лобно
Онъ содѣшелей неправдъ ;
Души коварной чувственно злобно
Здѣсь дыба, а по смерти — адъ.
Насильственно рѣни стремленье,
Войною странъ опустошенье,
Неправый судъ, огонь, гладъ, бунтъ, морь !
Что слѣдъ вашъ? — Плачь и скорбь сердца,
Что ваша слава? — Клятва вѣчна.
Вы смрадный естества позоръ !

*

Обширный разумъ и надменный,
Могущій власть себѣ снижать,
Могущій царствамъ дни блаженныя
И злополучны даровать ;

Могущій утѣснишь природу,
 Иль ей отдашь ей свободу,
 Ты можешь самъ себя рѣшить:
 Почтенну-ль бышь шебѣ съ Сократомъ,
 Или презрѣнну съ Геростратомъ,
 Героемъ, иль злодѣемъ слышишь?

*

Когда бы бурный Шилъ волцою
 Своихъ береговъ не ушучивалъ;
 Благошворящею рѣвою
 Его бы свѣтъ не парилалъ.
 Когда-бъ Оливий возни ави
 Не премѣнилъ въ дѣла благія,
 Поднесъ бы Августомъ не слыалъ,
 И Петръ не назвался - бѣ великимъ,
 Когда-бъ по подвигамъ полнѣшимъ
 Онъ свой народъ не просвѣшилъ.

*

Доколь сіяніе короны
 Спраспямъ мрачнѣе не возбраннѣе,
 Священну вѣру и законы
 И правый судъ не сохранишь;
 Доколь не удалишь безчестности,
 Доколь не защитишь невинности
 И съ лихвой мзду не пресѣчешь;
 Доколь роскошь и пороки,
 Какъ быспрые съ горы повоки,
 Своимъ примѣромъ не зрервешь;

*

Доколь, драконови съя зубы,
 Ты будешь новыхъ змѣи рождашь,
 И ложной славы громи дубы
 Въ свирѣльный часъ не премѣнишь;

Доколь моря, страны и грады,
 Разбойничей алчбы награды,
 Чужое злато и серебро,
 И лавръ не преворишь въ оливы;
 Доколь не удобрить пшвы
 И міра не пожисшь добро;

*

Доколь не возлюбилъ правды,
 Сѣдинъ геройскихъ не почтисшь,
 Народу не подашь оправды
 И сырыхъ пласу не винушишь:
 Доволь — о смершныи! — сколь ихъ звучень,
 И сколь ны ихъ благополучень,
 Хоть славой до небесъ возникъ,
 Хоть сѣлъ на тронъ преввысокомъ,
 Предъ любомудрымъ, спроримъ окомъ,
 Еще, еще ны не великъ.

*

Не тронъ — но духа благородство
 Даетъ велики имена;
 Прямое духа превосходство
 Лишь въ истинѣ любовь одна:
 О ней лишь можетъ быть рачишель,
 О благѣ общемъ понечишель,
 Ощемъ опшества Монархъ;
 Лишь ею вождь, — героемъ члшисся,
 И богомъ — судя намъ зршисся,
 И солнцемъ міра — Тетархъ.

*

Пусть позлащенна мѣдь блестящъ:
 Но блестя ли она собой?
 Пусть ухшщреніе прельщаетъ:
 Но чѣмъ? — лишь мешины корой.

Повергни испышашъ въ горнило ,
 Померкнелъ въ мигъ сіе свѣшило :
 А злошо завсегда равно.
 И истина во вѣкъ сіяелъ ;
 Она едина составляетъ
 Всѣхъ добродѣтелей зерно.

*

Зерно безсмертія и корень ,
 Величія , добротъ вѣнецъ ;
 Природой храмъ ея построены
 У насъ во глубинѣ сердецъ.
 Когда есть долгъ у человѣка ,
 Ея въ немъ слышанъ гласъ опъ вѣка :
 „Тебѣ данъ умъ , — меня познать ;
 „Словесность , — рассказать другому ,
 „Безсмертный духъ , — коварству злему
 „Безъ ужаса противустать.“

*

О коль видѣніе прекрасно ! —
 Блаженъ , кто идетъ правды въ сабдѣ !
 Ничто ему , ничто не спрашно
 И никакой не смертенъ вредъ.
 Спрямился-ль злостъ съ осмервеніемъ —
 Онъ ограждается терніемъ ,
 И непорочности щипомъ
 Сжимаетъ зѣвъ ея кровавый ;
 Поносна смерть короной славы
 Бываетъ въ подвигѣ шагомъ.

*

Когдажъ въ сіи златые годы ,
 Въ сіи блаженны , рѣдкіи дни ,
 Какъ мыслишь , говоришь , свободы
 Законной мы не лишены ;

Какъ разумъ съ истиной святою
 Насъ милосердія спезею
 Спрелятся къ просвѣщенью веспъ ;
 Какъ всѣмъ оно не воспрещено :
 Паукъ дерзаетъ ухищренно
 Вкругъ солнца паутину плескъ !

*

Увы ! когдажъ , въ кошоры вѣки
 Добра не угнѣшало зло ?
 Гдѣ шѣ велики человѣки ,
 Кошорыхъ сердце бы могло
 Предусмопрѣшь спрасшей всѣ виды ?
 Гдѣ Леониды , Ариспиды ?
 Гдѣ шѣ Эпаминонды днесъ ?
 Гдѣ шѣ Капоны , Сципіоны ,
 Кошорыхъ чрезъ временъ законы ,
 Какъ огнь насъ , озаряетъ честь ?

*

Гдѣ шоль просшыя , непришворы ,
 Прямые , чисшыя сердца ,
 Толь души шверды , благородны ,
 Достойныя изъ звѣздъ вѣнца ? —
 Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
 Мы зримъ полки у насъ героевъ.
 Но чшитъ ли ихъ взоръ мудреца ?
 Онъ ищетъ Росса справедлива ,
 Благочеспива , терпѣлива ,
 Мужей великихъ образца ,

*

Кошорый бы въ бояхъ сражался
 Лишь спасъ народъ , Царя онъ бѣдъ ;
 Перунами не возвышался ,
 Опнесъ къ другимъ весь звукъ побѣдъ ;

Красой и златомъ не былъ пѣнинымъ,
 Прощалъ убійцамъ обличеннымъ;
 Сокрѣшу завѣсть наградамъ;
 Не виявлю тебѣ народа вѣнку,
 Избралъ достойнаго владыку
 И надъ собою возархалъ;

*

Который, бывъ покоренъ волѣ
 Избраннаго собой Царя,
 Не возропдалъ и въ низкой долѣ,
 Его вѣднѣя шпора,
 Снокрѣшилъ плечамъ своей шокъ крови,
 Изявля въ ослеплену въ любви,
 Доволенъ безъ наградъ собой;
 Царя шворецъ и рабъ послушный,
 Не шылъ, Герой великодушный,
 Цо жареній! Мужъ великій мой?

*

Ты спасъ отъ расхищенья царство,
 Ты власшь Монарху ушвердилъ,
 Ты свергъ любовначальствѣ коварство,
 Ты честь свою въ себѣ сокрѣилъ;
 Ни колесницъ ты, ни професѣ,
 Ни громкихъ хвалъ, ни мавколесѣ
 Во мзду не получалъ заслугъ.
 Одна лишь персь швоя ошалаась;
 Въ ней искра славы сокранялась,
 Которая возжгла мой духъ.

*

Возстанъ, возстанъ на голосъ акры,
 Великая изъ мрава шѣнь!
 И ночь когда скрываетъ міры,
 Или когда ошешъ день,

Носись надъ нашими главами,
 Умъ гордый поражай громами,
 Учи къ Царямъ благоговѣшь,
 Подпорой будь въ Европѣ проновъ.
 Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ,
 Заспавишь злобу оробѣшь.

*

Возспань! мечпайся въ воображеньи,
 Живи въ умѣ, щеки въ крови,
 Живи и дѣлай наставленьи
 Въ прямой къ опечеснву любви;
 Въ любви, — что сваръ шейдешъ въ дорогу,
 Вѣрна Царю, народу, Богу,
 Гошова все сама терпѣшь,
 Гошова въ бѣдствіяхъ мужачься,
 Нарзесовъ славѣ удивляться,
 О Велизаріяхъ жалѣшь.

*

Пусть Капилины, Бедемары,
 И Мирабо и Лафасъ,
 Гошова скрытые удары,
 Крамолами колеблющъ свѣтъ;
 Дускай коварство Годунову
 Возносишь въ память башню нову
 За тысячу его заслугъ:
 А на швоей покрывкѣ гроба
 Просшую надпись лишь: *прочь злоба!*
 Отечеснва напишешъ другъ.

XXXV.

НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI.

Звукъ слышу мусикійскій въ спонѣ,
Во мракѣ громъ, во блескѣ ликъ.
Здѣсь къ небу вознесенъ на тронѣ,
А шамъ — на плахѣ — Людовикъ!
О ужасъ! о превращенность міра!
О оборотъ спыда, чесшей!
Попранна шамъ въ крови порфира,
А здѣсь приносятъ жершву ей! —
Ктожъ славы намъ прямої содѣшель?
Никшо, никшо, — лишь добродѣшель.

*

Лишь добродѣшель есть любезна
Плѣненнымъ испиной сердцамъ;
Въ чершогѣ, въ хижинѣ почшenna
Она вездѣ по всемъ спранамъ.
На тронѣ Филаретъ, въ пемницѣ,
Какъ праведникъ, всегда почшенъ.
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
Какъ извергъ, завсегда презрѣнъ.
Не тронъ, не подвиги чьи греши,
Чшущъ безприспрасшныя пошомки.

*

Лишь добродѣшель; — ей священный
Повѣренъ ключъ весшь чеспи въ храмъ. —
О палачи Царя презрѣнны!
Отвѣществуйте шеперь вы намъ,

Ошвѣдствуйте намъ, Пѣтіоны !
 Почто Монарха и ошца,
 Заслуги, вѣру и законы,
 Попрали вы ? О злы сердца !
 Почто невиннаго убили
 И вѣкъ пачномъ нашъ обагрили ?

*

„Любовь къ отечеству велѣла,
 Вы ищите ошвѣствитъ намъ дашь. —
 Она вдохнушь вамъ въ грудь умѣла,
 Чшобъ руки на Царя поднятъ ?
 О ухищренье ! о коварство ! —
 Любовь къ отечеству крошка !
 Она не разрушаетъ царство,
 И нѣжная ея рука
 Всегда гражданъ щадитъ умѣла :
 Главу-ль ей ошдѣляетъ ошъ пѣла ?

*

Давно надменья, власнолюбья
 Сію личину знаемъ мы ;
 Ее и Кромвель бралъ въ орудья,
 И ею Бруннъ слѣпилъ умы.
 Ошкрыша днесъ сердецъ ихъ склошность
 И мнимыхъ цѣль геройскихъ дѣлъ :
 Но пусть шовъ вѣру, сей же вольность
 Какъ будто защищашъ хотѣлъ ;
 А вашей люпости звѣриной,
 Цареубійцы ! что причиной ?

*

Тѣнь Людовика зрю сполцу
 Окровавленную средь васъ,
 На лобномъ мѣстѣ возносящу
 Послѣдній вамъ свой екорбный главъ :

К а

„Что, дѣши, что, народъ мой славный!
 „Что вамъ такое сдѣлалъ я?
 „Вы скиптръ вручили мнѣ державный:
 „Чѣмъ послыдимась власть моя?
 „Вы имя мнѣ благаго дали,
 „Вы благости мои вкушали.

*

„Не я ли дверь отверзъ темницы,
 „Гдѣ васъ шломила снорога власнь?
 „Не я ли слезы сноръ вдовицы
 „И сирыхъ успокоилъ часень?
 „Не я-ль не пролилъ капли крови
 „Во все владычество мое,
 „Но какъ отецъ, весь полнъ любви,
 „Всю жизнь мою, все быше
 „На ваши посвятивъ блаженства,
 „Искалъ вамъ благъ всехъ совершенства?

*

„Желали вы имѣть свободу,
 „Чтобы законы написать?
 „Я отдалъ все права народу
 „И всю мою вамъ царску власнь.
 „Желали, чтобъ я, снявъ корону,
 „Со всеми вами равенъ былъ?
 „Ни слезъ не изгущивъ, ни снону,
 „Я съ вами гражданиномъ слылъ.
 „Желали вы, чтобъ я судился:
 „И я предъ вами правъ явился.

*

„Желали вы . . . Но, тѣнь свѣтая!
 Довольно! — скройся въ облакахъ;
 Душъ нашихъ больше не смущая,
 Живи, ликуй на небесахъ!

Твою невинность всякой знаешь,
 Вселенною оправданъ ты;
 Потомство руки простираешь
 На гробъ, на образъ твой цвѣши
 И мы съ слезами рассыпаемъ;
 Твоихъ пирановъ проклинаемъ.

*

Греми, проклятіе, всемістно
 И своды храма пошряси,
 И правосудіе небесно
 Скорбѣй на злобу низпроси!
 Греми, о Муза! и искусствомъ
 Подвигни въ жалости сердца,
 Наполнь однимъ Европу чувствомъ
 Къ опмщенью Царскаго вѣнца!
 Греми! — Но се ревуть ужь громы,
 На крыліяхъ орловъ несомы.

XXXVI.

Въ первому сосѣду.

Кого роскошными пирами
На влажныхъ Невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шапкахъ Персидскихъ золотошвенныхъ,
Изъ глины Китайскихъ драгоценныхъ,
Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрущалей,
Кого шоль славно угощаемъ,
И для него ны распочаешь
Сокровища казны твоей?

*

Гремишь музыка, слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ щоловъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и пищающъ;
Младья дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И Аліатики съ Шампанскимъ,
И пиво Руское съ Бришанскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

*

Въ вершечѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ кошоромъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, ябги и опрады,

Любовью распаленный спраспной,
 Съ молодой, веселою, прекрасной
 И нѣжной нимфой ты сидишь;
 Она поешъ, ты спраспью шаешь,
 То съ ней въ весельи упоаешь,
 То упомленъ весельемъ спишь,

*

Ты спишь, — и сонъ тебѣ мечтаешь
 Что въ вѣкъ благополученъ ты,
 Что само Небо разсыпаетъ
 Блаженства вокругъ тебя цвѣты;
 Что парка дней твоихъ не косишь,
 Что опкупъ вновь тебѣ приносишь
 Сибирски горы серебра,
 И дождь златый къ тебѣ лѣтся. —
 Блаженъ, кто по утру проснется
 Такъ щасливымъ, какъ былъ вчера!

*

Блаженъ, кто можетъ веселиться
 Безперерывно въ жизни сей.
 Но рѣдкому пловцу случится
 Безбѣдно плавать средь морей:
 Тамъ бурны дышущъ нещогоды,
 Горамъ подобно гонящъ воды
 И съ пѣною песокъ мутящъ.
 Метрополь сосны осѣняли;
 Но вихремъ пораженны пали,
 Теперь корнями вверхъ лежатъ.

*

Непостоянство доля смертныхъ,
 Въ премежахъ вкуса щасные ихъ;
 Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
 Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.

Придушѣ , придушѣ часы шѣ скучны ,
 Когда швои ланишы пучны
 Преспанушѣ Граціи пренашѣ ;
 И , можешѣ бышѣ , съ шобой вѣ разлукѣ
 Твоя ужь Пенелопа вѣ сукѣ
 Коверѣ не будешѣ разпускашѣ .

*

Не будешѣ , можешѣ бышѣ , лелѣяшѣ
 Судьба ужь болѣе тебя ,
 И вѣшрѣ благопріятный вѣяшѣ
 Вѣ швой парусѣ : — береги себя !
 Доколь текушѣ часы зланыя
 И не присѣбли скорби злыя ,
 Шей , ѣшь и веселись , сосѣдѣ !
 На свѣлѣ жить намѣ время срочно .
 Веселье шо лишь непорочно ,
 Раскаянья за коимѣ нѣшѣ .

XXXVII.

В Е Л Ъ М О Ж А .

Не украшеніе одеждъ
Моя днесъ Муза прославляетъ ,
Которое , въ очахъ невѣждъ ,
Шушовъ въ Вельможи наряжаетъ ;
Не пышности я пѣснь пою ;
Не испуканы за кристалломъ ,
Въ кивотахъ блестящи металлломъ ,
Услышавъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чпимъ ,
Которыя собою сами
Умѣли шиплы заслужить
Похвальными себѣ дѣлами ;
Кого ни знашый родъ , ни санъ ,
Ни щастіе не украшали ;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенъе отъ гражданъ.

Кумиръ , пославенный въ позоръ ,
Несмысленную чернь прельщаетъ ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ :
Сей образъ ложныя молвы ,
Се глыба грязи позлащенной !
И вы , безъ благости душевной ,
Не всѣ-ль , Вельможи , шаковы ?

Не перлы Перскія на васѣ
 И не Бразильски звѣзды ясны.
 Для возлюбившихъ правду глазѣ
 Лишь добродѣтели прекрасны;
 Онѣ сущь смертныхъ похвала,
 Каллигула! пшвой конь въ Сенапѣ
 Не могѣ сяншь, сянъ въ злапѣ:
 Сянющѣ добрыя дѣла,

Оселѣ оспанетсѣ осломѣ,
 Хоши осыць его звѣздами;
 Гдѣ должно дѣйствоватъ умомѣ,
 Онѣ только хлопаетъ ушамн.
 О! щещно щаспнѣ рука,
 Прошивѣ еспеспвеннаго чина,
 Безумца рядишѣ въ господина,
 Или въ шумиху дурака,

Какнхѣ ни вымѣнцнѣ пружннѣ,
 Чшобѣ мужу бую умудрншьсѣ;
 Не можно вѣкѣ носишь личннѣ,
 И испина должна открытьсѣ.
 Когда не свергѣ въ болхѣ, въ судахѣ,
 Въ совѣтахѣ Царскнхѣ, сопостатовѣ;
 Всякѣ думаетъ, что я Чупяшовѣ,
 Въ Марокскнхѣ лептахѣ и звѣздахѣ.

Оспавѣ скипсгрѣ, пропѣ, черптовѣ,
 Бывѣ спранннкомѣ, въ пылн и въ попѣ,
 Великнѣ Петръ, какѣ нѣкнѣ Богѣ,
 Блиспалѣ величеспвомѣ въ работѣ.
 Почпентѣ и въ рубнщѣ Герой!
 Екатерина, въ ннзкой долѣ,
 И не на Царскомѣ бы пресптолѣ,
 Была великою женой,

И впрямь, коль самолюбя лести
 Не обуяла-бъ умъ надменный:
 Что наше благородство, честь,
 Какъ не изящности душевны?
 Я Князь, — коль мой сіяетъ духъ;
 Владѣлецъ, — коль спрасъями владѣю;
 Боляринъ, — коль за всѣхъ болѣю,
 Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
 Умъ здравый, сердце просвѣщено;
 Собой примѣръ онъ долженъ дать,
 Что званіе его священно,
 Что онъ орудье власки естъ,
 Всѣхъ царственнѣхъ подпора зданій;
 Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
 Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапалъ!
 Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
 На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
 Средь игръ, средь праздности и пѣги?
 Чтобъ пурпуръ, знамя всюду взоръ
 Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
 Картины въ зеркалахъ дышали,
 Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
 Простерши раболѣпны дани,
 На прихотливой швой обѣдъ
 Вкуснѣйшихъ яствъ приносишь дани;
 Токай — густое лѣтѣ вино,
 Левантъ — съ звѣздами ноше жирный,
 Чтобъ не хѣтѣлъ за трудъ всемірный
 Мгновенъе бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ ,
 И съ шумомъ вверхъ стремясь , сверкаютъ ;
 Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ ,
 И въ рощахъ нимфы воспеваютъ —
 На по-дѣ , чшобы на все взиралъ
 Ты окомъ мрачнымъ , равнодушнымъ ,
 Средь радостей казался скучнымъ ,
 И въ пресыщеніи звалъ ?

Орелъ , по высотѣ паря ,
 Ужь солнца зришь въ лучахъ полдневныхъ :
 Но швой черпогъ едва заря
 Румянишь свозъ завѣсъ червленыхъ ;
 Едва по зыблющимъ грудямъ
 Съ шбой лежащія Цирцеи
 Блистаютъ розы и лилеи ;
 Ты съ ней покойно спишь : — а тамъ ? ...

А тамъ израненый Герой ,
 Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій ,
 Начальникъ прежде бывшій швой ,
 Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
 Принялъ по службѣ швой приказъ , —
 Межь челядью швоей злобою ,
 Цопкнувъ лавровой главою ,
 Сидишь и ждешь себя ужь часъ !

А тамъ — вдова спокитъ въ сѣняхъ
 И горьки слезы проливаетъ ,
 Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ ,
 Покрова швоего желаетъ .
 За выгоды швой , за честь ,
 Она лишилася супруга ;
 Въ тебѣ его знавъ прежде друга ,
 Пришла мольбу свою принесть .

А шамъ — на лѣсничный восходъ
 Прибрелъ на косыляхъ согбенный
 Безстрашный, старый воинъ тошъ,
 Тремя медальми украшенный,
 Котораго въ бою рука
 Избавила себя отъ смерти:
 Онъ хочешъ руку ту просперши
 Для хлѣба отъ тебя нуска.

А шамъ, — гдѣ жирный песъ лежишъ,
 Гордится вражники галунами,
 Заимодавцевъ полкъ споишъ
 Въ тебѣ пришедшихъ за долгами.
 Проснися, Сибаритъ! — Ты спишь,
 Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
 Несчастныхъ голосу не внимашъ
 И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

„Миѣ мигъ покоя моего
 „Пріяшій, чѣмъ въ Испорыи вѣки;
 „Жишь для себя лишь одного,
 „Лишь радостей умѣшь лишь рѣки,
 „Лишь въшромъ плышь, гнѣсь чернь ярмомъ;
 „Сыдѣ, совѣсь, слабыхъ душъ шревога!
 „Нѣшъ добродѣтели! нѣшъ Бога!“ —
 Злодѣй, увы! — и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полиъ
 Благочеспивой вѣры къ Богу,
 Хранишъ Царевъ всегда законъ,
 Чшишъ нравы, добродѣтель спрогу
 Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣшей;
 Въ единодушїи — блаженство,
 Въ правосудїи — равенство,
 Свободу — во уздѣ страстей!

Блаженъ наро въ — гдѣ Царь главою ,
 Вельможи — здравы члены шѣла ,
 Прилѣжно долгъ все правящъ свой ,
 Чужаго не касаясь дѣла ;
 Глава не ждетъ отъ ногъ ума ,
 И силъ у рукъ не опшимаешъ ,
 Ей взоръ и ухо предлагаешъ ,
 Повелѣваешъ же сама .

Симъ твердымъ узломъ еопешва
 Коль Царешво лишь живешъ щасливымъ ;
 Вельможи ! — славы , шоржешва ,
 Иныхъ вамъ шѣшъ , какъ бышъ правдивымъ ;
 Какъ блюшъ народъ , Цари любшъ ,
 О благѣ общемъ ихъ шпарашъ ;
 Змѣей предъ шрономъ не срибашъся ,
 Шоашъ — и правду говоршъ .

О Россій бодрешвенный народъ ,
 Опешески хранящій шравы !
 Когда разслабъ все смершныхъ родъ ,
 Какой шы не причашешъ славы ?
 Какшхъ въ шобѣ Вельможей шѣшъ ? —
 Тотъ храбрымъ былъ средъ браншхъ звуковъ ;
 Здѣсь далъ беспрашный Долгоруцояъ
 Монарху грозному опвѣщъ .

И въ наши вижу времена
 Того я славнаго Камшла ,
 Копораго шруды , война
 И шпарешъ духъ не ушомшла .
 Отъ грома звучшхъ онъ побѣдъ
 Сошелъ въ шалащъ свой равнодушно ,
 И отъ сохи опашъ послушно
 Онъ въ полѣ Марсовомъ живешъ .

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
 Не роскошью вельможа славный,
 Кумиръ сердецъ, плѣнители душъ,
 Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный!
 Я праведну здѣсь пѣснь воспѣла,
 Ты ею славься, утѣшайся,
 Борись вновь съ бурями; мужайся,
 Какъ юный возносись орелъ.

Пари, — и съ высоты швося
 По мракамъ смутнаго ээира
 Громовой пролети спруей,
 И опочивъ на лонѣ мира,
 Возвесели еще Царя.
 Проспри швой поздный блескъ въ народѣ,
 Какъ отдаешь свой долгъ природѣ
 Румяна вечера заря.

XXXVIII.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратишь,
Вездѣ весельемъ восхищенна,
Вездѣ пруды Петровы зришь.
Неси на небо гласы въищрь:
Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе правы ввелъ.
Неси на небо гласы въищрь:
Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Какъ Богъ, — великимъ провидѣньемъ
Онъ все собою озираетъ,
Какъ рабъ, — неслыханнымъ раченьемъ
Онъ все собою исполняетъ.
Неси на небо гласы въищрь:
Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ Царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Неси на небо гласы въищрь:
Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Ко Смишпру рожденны руки
 На трудъ несродный простиралъ ;
 Звучашъ доднесь по свѣшу звуки ,
 Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы вѣщрѣ :
 Безсмерщенъ ты , Великій Петръ !

Его младенчески забавы
 Родили громы наконецъ ;
 А посреди военной славы
 Онъ былъ опечесства Опецъ.

Неси на небо гласы вѣщрѣ :
 Безсмерщенъ ты , Великій Петръ !

Лучи величества скрывая ,
 Просхимъ онъ воиномъ служилъ ;
 Вождей искусству научая ,
 Онъ самъ полки на брань водилъ.

Неси на небо гласы вѣщрѣ :
 Безсмерщенъ ты , Великій Петръ !

Всеенну храбрость устрашала ,
 Какъ онъ прощивныхъ поражалъ ;
 Всеенну милость утѣшала ,
 Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.

Неси на небо гласы вѣщрѣ :
 Безсмерщенъ ты , Великій Петръ !

Владыка будучи полсвѣна ,
 Герой въ поляхъ и на моряхъ ,
 Не презиралъ давань опчеса
 Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Неси на небо гласы вѣщрѣ :
 Безсмерщенъ ты , Великій Петръ !

Вѣнцы, пріумфы, колесницы
 Не для себя онъ учреждалъ;
 Опличность, блески багряницы
 Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Былъ въ вѣрѣ швердъ и ей послушенъ,
 Пѣвецъ онъ самъ былъ алмарей;
 Средь золь, средь благъ — великодушенъ,
 Нелестный другъ своихъ друзей.

Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Монархамъ возвращалъ короны,
 Законы подданнымъ писалъ;
 Чино должны дѣлать миліоны,
 Собою всѣмъ образъ подавалъ.

Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Чрезъ горы пропючилъ онъ воды,
 На блахахъ грады насадилъ;
 Довольство звелъ въ свои народы,
 Съ востокомъ западъ соединилъ.

Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Онъ, испины любя усшавы,
 Хранилъ нелицемѣрный судъ:
 Поднесъ его полезны правы
 Ко благоденствію ведущъ.

Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

Поднесь вселенну изумляешь
 Величіе его чудесъ,
 Премудрыхъ умъ не постигаешь: —
 Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
 Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

О Россы, славою лучезарны!
 О родъ Героевъ и соборъ!
 Петру вы будише благодарны,
 Да въ вѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ! —
 Неси на небо гласы въшрь:
 Безсмерщенъ ты, Великій Петръ!

XXXIX.

В о д о п а д ы.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ чешыремя сналами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ сползъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ, — и средъ густаго бора
Теряется въ глуши пошомъ;
Лучь чрезъ пошомъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ дровъ, какъ сномъ
Покрышы волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по берегамъ
Лежитъ буграми въ дѣбряхъ темныхъ;
Спукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и спонъ мѣховъ подземныхъ:
О водопадъ! въ швоемъ мерѣ
Все уношаетъ въ безднѣ, въ мгнѣ!

Вѣтрами-ль сосны пораженны? —
Ломаются въ небѣ въ куски;
Громами-ль камни оцшорженны? —
Стираются побой въ пески;
Сновашь-ли воду льды держатъ? —
Какъ пыль стекляна низпадаютъ.

Волкъ рыщетъ вдругъ тебя , и страхъ
 Въ ничто вмѣняя , спановишся ;
 Огонь горитъ въ его глазахъ ,
 И шерсть на немъ щетиной зришся ; —
 Рожденный на кровавый бой ,
 Онъ воешь , согласясь съ побой .

Лань идетъ робко , чужь спускаетъ ,
 Внявъ водъ твоихъ падающихъ ревъ ,
 Рога на спину прилоняетъ
 И быстро мчишся межъ деревъ ;
 Ее спрашишь вдругъ шумъ , буръ свистъ
 И крупкй подъ ногами листъ .

Решивый конь , осанку горду
 Храня , къ тебѣ порой идетъ ;
 Крушую гриву , жарку морду
 Поднявъ , хранишь , ушми прядешь ;
 И подспрекаемъ бывъ , бодритъ ,
 Ошважно въ хлѣбъ твою спремнися .

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ ,
 При страшной сей красѣ Природы ,
 На ушломъ лиѣ , копорый свистъ
 Съ ушеса горъ на яры воды ,
 Я вижу , нѣкй мужъ сѣдой
 Склонился на руку главою .

Копье и мечъ и щипъ великой ,
 Стѣна опочесива всего ,
 И шлемъ , обвинный павелкой ,
 Лежатъ во мху у ногъ его :
 Въ бронѣ блестящая запорядной ,
 Какъ вечеръ во зарѣ румяной , —

Сидишь, — и взоръ вперя къ водамъ,
 Въ глубокой думѣ разсуждаешь:
 Не жизнь ли человѣковъ намъ
 Сей водопадъ изображаетъ? —
 Онъ также блескомъ струй своихъ
 Поишь надменныхъ, крошкныхъ, злыхъ.

Не такъ ли съ леба время льется,
 Кишишь стремленіе страстей,
 Честь блещетъ, слава раздается,
 Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
 Кошорыхъ красота и радость
 Мрачатъ печали, скорби, старость?

Не зрима ли всякой день гробовъ,
 Сѣднѣ дряхлѣющей вселенной?
 Не слышимъ ли въ бою часовъ,
 Гласъ смерти, двери скрыты подземной?
 Не упаешь ли въ сей зѣвъ
 Съ престолоа Царь и другъ Царевъ?

Падушь — и вождь непобѣдимый,
 Въ Сенапѣ Цезарь средь похвалъ,
 Въ топѣ мнѣ, желалъ какъ діадимы,
 Закрывъ лице плащомъ, упалъ;
 Изчезли замыслы, надежды,
 Сомкнулись алчны къ трону вѣжды.

Падушь — и несравненный мужъ
 Торжесный несмѣльныхъ съ колесницы,
 Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
 Презрѣвшій прелесть баррицы,
 Палъ и вѣнчанный Волизаръ Царей
 Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.

Падуть! — И не мечпы прельщали,
 Когда меня, въ цвѣтущій вѣкъ,
 Давно ли города вспрѣчали,
 Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ шекъ?
 Давноль? — Но, ахъ! теперь во брани
 Мои не мещуть молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ
 Копье изъ рукъ моихъ схватила;
 Хоша и бодръ еще мой духъ,
 Судьба побѣдъ меня лишила. —
 Онъ рекъ, — и шихимъ позабылся сномъ;
 Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла Октябрска ночь на землю,
 На лоно мрачной тишины;
 Нигдѣ я ничего не внемлю,
 Кромѣ ревуція волны,
 О камни съ вышины дробимой,
 И снѣжною горою зримой.

Пущыня, взоръ насупя свой,
 Ущесы и скалы дремали;
 Волнистой облака грядой
 Тихонько мимо пробѣгали,
 Изъ коихъ трепещна, блѣдна,
 Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла, и едва блистала,
 Предъ старцемъ преклонивъ рога,
 Какъ бы съ почтеньемъ познавала
 Въ немъ своего пого врага,
 Котораго она спрашилась,
 Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ, — и чудопворный сонъ
 Мечны ему являлъ геройскы:
 Казалось ему, что онъ
 Непобѣдимы воюющъ войскы;
 Что вокругъ его перунъ молчашъ,
 Его лишь мановенья зршшъ;

Что огнедышущи за перешомъ
 Ограды въ слѣдъ его идущъ;
 Что въ полѣ гладномъ, вокругъ опверсномъ,
 По слову одному роснущъ
 Поляки его изъ скрытыхъ снаповъ;
 Какъ холмы въ морѣ изъ шумановъ;

Что только по правѣ росисной
 Ночны знанъ его шаги;
 Что упромъ пылъ, подъ твердью чистой,
 Ужь поздно зряшъ его враги;
 Что оспреной своихъ збшщъ
 Блюдешъ онъ ихъ, какъ жемребъ шщъ;

Что положе чертежъ и мѣры,
 Какъ волхвъ невидимый, въ шапкѣ,
 Тѣмъ кажешъ онъ въ долу химеры,
 Тѣмъ въ ширахъ агшцовъ на горѣ,
 И вдрущъ рѣшшсальнымъ умомъ
 На тысячи бросаетъ громъ;

Что орлю дерзосшь, гордосшь душу,
 У черныхъ и лишарныхъ волкѣ,
 Смиршалъ Колхиду зашорущу,
 И бѣлаго Царя урошъ
 Рая вечерня предъ границей
 Опмшшалъ побѣдами шоршцей;

Что, какъ румяной лучъ зари,
 Спрану его покрыла слава;
 Чужіе Вожди и Цари,
 Своей Владычица, держава,
 И всѣ вездѣ его почли,
 Триумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла
 Цвѣтущіе его средѣ разныхъ глинцовъ;
 Что вверхъ сребристаго чела
 Въ вѣнцѣ изъ молниенныхъ румянцовъ
 Блистаеши въ будущихъ родахъ,
 Ошесѣчиваяся въ сердцахъ;

Что зависишь оиъ его сіянья
 Своей блѣдный популяешь взоръ,
 Среди безмолвнаго степенья
 Молзешь и ищешь покло моръ,
 Куда бы оиъ него сокрылся,
 И что нишо съ нимъ не сражился.

Оиъ спшивъ, — и въ снхъ мечнахъ веселыхъ
 Внимаешь завыванье исовъ,
 Ревъ вѣтровъ, свръшъ деревъ дебелихъ,
 Спенанье филиновъ и совъ,
 И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ,
 И шихій шорохъ виругъ безплотныхъ.

Оиъ слышнвъ: сокрушилась ель,
 Снатица врановъ вострепетала,
 Кремнистый холмъ даъ снрашну щель,
 Гора съ богатствами упала;
 Грохочешъ эхо по горамъ,
 Какъ громъ, гремящій по громамъ.

Онъ зрѣвшъ одѣшу въ ризы черны
 Крылашу нѣкую жею,
 Власы имѣвшу разпущенны,
 Какъ смертну вѣспѣ, или войну,
 Съ носой въ рукахъ, съ трубой стоящу,
 И слышишъ онъ — *проснись!* — гласящу.

На шлемѣ у нея орелъ
 Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ,
 Въ немъ гербъ опечеснѣва онъ зрѣлъ;
 И бывъ мечшой сей возбужденнымъ,
 Вздохнулъ, и испусти слезъ дождь,
 Вѣщаль: „знашь умеръ нѣкій вождь!

„Блаженъ, когда спремься за славой,
 „Онъ пользу общую хранилъ,
 „Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
 „И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
 „Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
 „Да будешь другъ сей челоуковъ!

„Благословенна похвала
 „Нагробная его да будешь,
 „Когда всякъ жизнь его, дѣла,
 „По пользамъ только поминъ будешь;
 „Когда не блескъ его прельщаль
 „И славы ложной не искалъ!

„О! слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
 „Ты почто есть сей водопадъ.
 „Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
 „И шумомъ льющихся прохлада
 „Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
 „Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

„Дивишься вокругъ себя людей
 „Всегда толпами собираешь:
 „Но ешьли онъ водой своей
 „Удобно всёхъ не напаяешь,
 „Коль рветъ берега, — и въ быстрошахъ
 „Его нѣшь выгодъ смершнымъ: — ахъ!

„Не лучше-ль менѣе извѣсшнымъ,
 „А болѣе полезнымъ бышь?
 „Подобясь ручейкамъ прелестшнымъ,
 „Поля, луга, сады кропишь,
 „И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
 „Потомство привлекашь съ вниманьемъ?

„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
 „Придешь пущникъ и возсядеъ,
 „И наклонясь своимъ челомъ
 „На подписанье гроба, скажешъ:
 „Не только славный лишь войной,
 „Здѣсь скрешъ великшй мужъ душой,

„О! будь безсмертенъ, Вишязъ брашншй,
 „Когда ты весь соблюлъ свой долъ!“ —
 Вѣщаль сѣдиной мужъ вѣщаншй,
 И въ небеса возрѣвъ, умолкъ.
 Умолкъ, — и гласъ его промчался,
 Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
 Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды чорны?
 Чья шѣнь сѣшишь по облакамъ
 Въ воздушныя жилища горы?
 На темномъ взорѣ и челѣ
 Сидишь глубока дума въ мгла!

Какой чудесный духъ крылами
 Ошъ сѣвера парилъ на югъ ?
 Вътрѣ медленъ печь его снесыми,
 Обзорѣваемъ царства вдрубъ ;
 Шумилъ , и какъ звѣзда блеснаемъ ,
 И искры въ слѣдъ свой разсынаемъ.

Чей пирубъ , какъ на распушьи мгла ,
 Лежитъ на темномъ лонѣ ноши ?
 Простое рубище чресла ,
 Двѣ лѣпшѣ покрывающѣ очи ,
 Прижаты къ холодной груди персины ,
 Уста безмолвенвуютъ ошверсны !

Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
 Чертоги — вокругъ пустынные виды ?
 Не ты ли, щасныя, славы смилъ,
 Великолѣпный Князь Тавриды ?
 Не ты ли съ высочы честией
 Незапно палъ среди снечей ?

Не ты-ль напереникомъ близъ порога
 У сѣверной Минервы былъ ;
 Во храмъ Музъ , другъ Аполлона ;
 На полъ Марса вождемъ славъ ;
 Рѣшишель думъ въ войнѣ и мирѣ ,
 Могущъ — хоща и не въ порфирѣ ?

Не ты-ль , который завѣстлъ смѣлъ
 Мошъ Росса , духъ Материны ,
 И опершись на шкъ , хощалъ
 Вознесшь швой громъ на шѣ спремичны ,
 На коихъ древний Римъ спочалъ ,
 И всей всеянной колебалъ ?

Не пы-ль, кошторый Орды сильныи
 Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
 Проспранны области пустыныи
 Во грады, въ нивы обрашилъ,
 Покрывъ пошвъ черный кораблями,
 Пошрясв среду земли громами?

Не пы-ль, кошторый зналъ избранъ
 Досшойный подвигъ Росской силъ,
 Спикии самыя пограны
 Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
 И твердой дерзостью такой
 Бышь дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
 Парящій замыслами умъ!
 Не шелъ ты средь пушей повѣшенныхъ,
 Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ
 Составилъ по себѣ въ пономни
 Се ты, о чудный вождь Полемкии!

Се ты, кошторому врагга
 Торжесшвенныя создали;
 Искусство, разумъ, красота
 Недавно лавръ и миртъ сплелали;
 Забавы, роскошь вдругъ цвѣли,
 И щастье съ славой слѣдомъ шло.

Се ты, небеснаго плодъ дара
 Кому едва я посвятилъ,
 Въ созвучность громаго Плидара
 Мою наспропшь лиру мнилъ,
 Воспѣлъ побѣду Измаила,
 Воспѣлъ: — но смернь шебя сносила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
 Мойхъ въ сшешанье превратился;
 Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
 И я тамъ въ слезы погрузился,
 Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
 Чертогъ являла райскихъ мѣснѣ.

Увы! — и громаы оиѣмѣли;
 Ревущіе тебѣ вокругъ;
 Полки швой осиротѣли;
 Наполнили рыданьемъ слухъ;
 И все, что близь тебѣ блистало,
 Уныло и печально спало.

Попухъ лавровый швой звноръ,
 Гранена булава упала;
 Мечъ въ пол-ножны войны чунь мотъ,
 Екатерина възрыдала!
 Полсвѣта попряслось за Цей
 Незапною смерщю швоей!

Оливы свѣжи и зелены
 Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
 Родства и дружбы вопая, сноны,
 И Музъ Ахейскихъ жалкіи звукъ
 Вокругъ Перикла раздаются:
 Маронъ по Меценатѣ рвонся;

Который почесней въ лучахъ,
 Какъ нѣкій Царь, какъ бы на тронѣ,
 На сребро-розовыхъ коняхъ,
 На златозарномъ фазшонѣ,
 Во сонмѣ всадниковъ блистала,
 И въ смершннй черннй одръ упала!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
 Гдѣ ны, о сильный человекъ?
 Маѳусаила долголѣпье
 Лишь было-бѣ сонъ, лишь пѣнь нашъ вѣкъ.
 Вся наша жизнь ничто иное,
 Какъ лишь мечпаніе пустое.

Иль нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ,
 На нѣжномъ волосѣ висящій,
 Въ которой бурь, громовъ ударъ
 И молніи небесъ ярящи
 Ошвсюду безпреспанно бьютъ,
 И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
 Удобны царства поразить;
 Одно стихіевъ дуновение
 Гигантовъ въ прахъ преобразить;
 Ихъ ищутъ мѣсса — и не знаютъ:
 Въ пыли Героевъ попираютъ!

Героевъ? — Нѣтъ! — но ихъ дѣла
 Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
 Нешлѣнна память, похвала
 И изъ развалинъ вылетаютъ;
 Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ;
 Напишется Пошемнинъ трудъ.

Театръ его — былъ край Эвксина,
 Сердца обязанныя — храмъ;
 Рука съ вѣнцомъ — Енатерина;
 Гремяща слава — оиміамъ;
 Жизнь — жертвенникъ поржеспивъ и крови,
 Гробница ужаса, любви.

Когда багровая луна
 Сквозь мглу блещетъ тѣмной ноци,
 Дуная мрачная война
 Сверлаенъ провѣю, и сквозъ роуцѣ
 Вкругъ Лизанга вѣтеръ шумишь,
 И слышишь еноу: — что Турокъ мнишь?

Дрожишь, и во очахъ сокрытыхъ
 Еще ему шыки блещишь,
 Едъ сорокъ тысячъ вкругъ убитыхъ
 Вкругъ гроба Вейсмана лежишь.
 Мечтаюся ему пѣхъ шѣни,
 И Россѣ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожишь, — и обращаешь взглядъ
 Онъ робко на окресныя виды;
 Сполны на небесахъ горящъ
 По сушѣ, по морямъ Тавриды!
 И мнишь, въ Очаковѣ что вновь
 Течешъ его и мерзнешъ кровь.

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
 Какъ ходишь рыбы въ небесахъ,
 И вьюшея полосаны флаги:
 Нашъ флотъ на воздушныхъ парусахъ
 Вдали блѣшетъ на Лиманахъ.
 Какое чувство въ Россіахъ!

Восторгъ, восторгъ они, — а страхъ
 И ужасъ Турки ощущаюшъ;
 Имъ мохъ и шерны во очахъ,
 Намъ лавръ и розы разцвѣтаюшъ
 На мавзолеяхъ у вождей,
 Власшищелей земель, морей.

Подъ дровомъ , при зарѣ вечерней ,
 Задумчиво любовь сидишь ,
 Олив ципры въперокъ весенней
 Ея повсюду голосъ мчишь ;
 Перлова грудь ея вздыхаетъ :
 Геройскій образъ оживляетъ .

По упру солнечнымъ лучомъ
 Какъ монументъ зланный зажжется ,
 Лежатъ обвѣны серны сномъ ,
 И паръ вокругъ холмовъ вѣетъ .
 Пришедши спарецъ надпись зришь :
 „Здѣсь трупъ Пошемкина сокрытъ !“

Алцибиадовъ прахъ ! — и смѣетъ
 Червь ползаетъ вокругъ его главы ?
 Взятъ шлемъ Ахилловъ не робѣетъ ,
 Нашедши въ полѣ , Оирсѣ ? — Увы !
 И плоть , и трудъ колю исплѣваетъ :
 Чтожъ нашу славу составляетъ ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
 Заслугамъ , кой не увянутъ ;
 Лишь истину поютъ пѣвцы ,
 Которыхъ вѣчно не пресманутъ
 Гремѣтъ перуны сладкихъ лиръ ;
 Лишь праведника святъ кумиръ .

Услышите - жѣ , водопады міра !
 О славой шумныя главы !
 Вашъ свѣтелъ мечъ , цвѣтна порфира ,
 Коль правду возлюбили вы ,
 Когда имѣли только мѣшу ,
 Чтобъ щастіе доспавишь свѣшу .

Шуми , шуми , о водопадъ !
 Насаяся спранамъ воздушнымъ ,
 Увеселяй и слухъ и взглядъ
 Твоимъ спремленьемъ свѣплымъ , звучнымъ ,
 И въ поздной памяти людей
 Живи лишь красошой твоей !

Живи ! — и плуци пробѣгали
 Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ ,
 Въ умахъ тебя не запмѣвали
 Разженный громъ и черный дымъ ;
 Чтобъ былъ въ близи , въ дали любезенъ
 Ты всѣмъ ; сколь дивенъ , сколь полезенъ .

И ты , о водопадовъ мать !
 Рѣна на сѣверѣ гремяща ,
 О Суна ! коль съ высотъ блиспаешь
 Ты можешь , — и оиъ зарь горяща ,
 Кипишь и сѣшься дождемъ
 Сафирнымъ , пурпурнымъ огнемъ :

То тихое твое печенье ,
 Гдѣ ты сама себѣ равна ,
 Мила , быспра и не въ спремленьѣ ,
 И въ глубинѣ твоей ясна ,
 Важна безъ пѣны , безъ порыву ,
 Полна , велика безъ разливу ;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
 Поишь злашые въ нивахъ бреги ;
 Великолѣпный свой ты ходъ
 Вливаешь въ свѣплый сонмъ Онеги :
 Какое зрѣлище очамъ !
 Ты плушь подобна небесамъ .

XL.

ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ.

Въ прекрасный Майскій день,
Въ часъ ясныя погоды,
Какъ всюду длинна пѣнь,
Ложась въ спекляны воды,
Въ ихъ зеркалѣ бреговъ
Изображала виды;
И какъ между столповъ
И зданіевъ Оемиды,
Собруженныхъ ей
Героевъ Росскихъ въ славу,
При гласѣ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединяясь,
Съ Пльнирою молодой
Мы, въ лодчкѣ нашаюсь,
Гуляли въ озеркѣ:
Она въ кормѣ сидѣла,
А по срединѣ я.
За нами въ слѣдѣ лепѣла
Жемчужная спруя,
Криспалъ шумѣлъ отъ веселья:
О! сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ веселья!
Любезная моя —
Я шутъ сказалъ — Пльнира!
Тобой пльненъ мой духъ,
Ты даръ всего мнѣ міра.

Взгляни, взгляни вокругъ,
 И виждь, красы природы
 Какъ бы спеклись къ намъ вдругъ:
 Сребромъ сверкающъ воды,
 Рубиномъ облака,
 Багрянымъ знапомъ крови;
 Какъ огненна рѣка,
 Свѣтъ ясный, пурпуровый,
 Объялъ все воды вокругъ;
 Смотри въ нихъ рыбъ плесканье,
 Плывающихъ птицъ на лугъ
 И крылъ ихъ препешанье.

Весна во всехъ мѣстахъ
 Намъ взоръ свой ослабляетъ,
 Въ зеленыхъ муравахъ
 Новры намъ подспилаетъ;
 Послушай рога ревъ,
 Тамъ эха хохотанье;
 Тутъ шопоты ручьевъ,
 Здѣсь розы, воздыханье!
 Се вѣперъ помавалъ
 Крылами шико слуху.

Какая пища духу!
 Въ восторгѣ я сказалъ:
 Коль красенъ взоръ природы
 И памятниковъ видъ,
 Они гдѣ зрятся въ воды,
 И соловей сидишь
 Гдѣ близъ и воспѣваетъ
 Зря розу, иль зарю!
 Онъ будто изъясляетъ
 И Богу и Царю

Свое благодаренье :

Царю , — за память слугъ ;

Творцу , — что влил опременье
Къ любви всѣмъ шварямъ въ духъ.

И ны , сидя при розѣ ,

Такъ , дней весеннихъ сынъ ,

Пой , Карамзинъ ! — и въ прозѣ

Глазъ слышанъ соловьиный.

XII.

НА ПОКОРЕНИЕ ДЕРБЕНТА.

Герой, копорый мной воспѣшь,
Что щаспья надѣленъ рукою
И храброспью и красосою
Въ любви и въ брани для побѣдъ!
Уже пы днесъ не по форшунѣ,
По подвигамъ своимъ почтенъ.

Едва оставилъ пы гражданъ,
Привязанныхъ къ тебѣ любовью,
Ужь мечъ пвой обагрился кровью
Противныхъ Россамъ Персіанъ:
Но гордый врагъ просперъ лишь выю,
Ты подарилъ ему живопъ!

ЕКАТЕРИНИНЫ ЛУЧИ

Умножилъ пы побѣдой новой;
Славиѣ пѣмъ вѣнецъ лавровой,
Что взялъ Петровы пы ключи.
Въ сполѣннемъ спарцѣ Дарій зришся,
А юный Александръ въ тебѣ!

О радость! се валяпъ, ужь къ намъ
Слоны, богатспвомъ нагруженны,
Коврами Инда покровенны!
Народъ по спогнамъ, по домамъ!
Сребро и золото ліещя,
Какъ съ неба благошворный дождь!

Но знай: какъ свѣшлый метеоръ,
Такъ блескъ триумфовъ пролетаетъ;
Почти потдажъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивишь оный взоръ:
А добродѣтели свящяя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

Но кто перуны небесъ несетъ
И вдохновенъ душой Беллоны,
Кому чертежъ дають Платоны,
И крошески кто въ слѣдъ идетъ:
Тотъ можетъ многими пунями
Войти безсмертія во храмъ.

XLII.

Мой истуканъ.

Гоповъ, кумиръ, желанный мною,
Рашевъ его изобразилъ!
Онъ широкою своею рукою
Меня и въ камнѣ оживилъ.
Гоповъ кумиръ! — и будешь чтишься
Искусство Праксипеля въ немъ: —
Но мнѣ какою честию льстишься
Въ безсмертномъ испуканѣ семъ?
Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мѣрѣ,
Ничто и Царь въ своемъ кумирѣ.

*

Ничто! и не живешь пошлѣ смертный,
О комъ ни малой нѣтъ молвы,
Ни зломъ, ни благомъ не примѣнный,
Во гробѣ подробенъ живый.
Но ты, о звѣрскихъ душъ забава!
Убийство! — я не льщусь побой;
Башыевъ и Маратовъ слава
Во ужасѣ духъ приводитъ мой.
Не лучше ли мнѣ бытъ забвенну,
Чѣмъ узами сковашъ вселенну?

*

Злодѣйства малаго, мнѣ мало,
Большаго дѣлать не хочу;
Мнѣ скиптра Небо не вручало,
И я на Небо не рошчу.

Господь я управляюсь властью ;
 А естли ею и смѣнюсь
 Чрезъ зло : моею я низкой частью
 Съ престоломъ свѣта не смѣнюсь.
 Та мысль всѣхъ казней мнѣ страшнѣя :
 Представишь въ вѣчности злодѣя !

*

Злодѣй, жопорый самолюбью
 И тайной гордости своей
 Всѣмъ жертвуетъ ; его орудью
 Преграды нѣтъ , алыбѣ цѣпей ;
 Внутри совѣстью своей размученъ ,
 Въ свѣ радости губитъ другихъ ;
 Пусть дерзостью , удачей звученъ ,
 Но не великъ въ глазахъ моихъ.
 Хотя бы богомъ былъ онъ злобымъ ,
 Быть не хочу ему подобнымъ .

*

Легко зломъ мѣръ гремятъ заставишь ,
 До Героспрага только шагъ ;
 Но трудно доблестью прославишь
 И воцаришь себя въ сердцахъ :
 Вѣкъ должно , добрымъ быти , намъ щитишься ,
 И плодъ намъ время дастъ одно ;
 На зло лишь только бы рѣшишься ,
 И въ мигъ содѣлано оно .
 Рѣдка на свѣтѣ добродѣтель ,
 И рѣдокъ благовъ прямыхъ содѣтель .

*

Онъ рѣдокъ ! — Но какая разность
 Межъ славой доброй и худой ?
 Чшобъ имя приобрѣсти намъ , знающись ,
 И той гремятъ , или другой ,

Не все-ль равно? — Когда лишь будешь
 Потомство наши знать дѣла,
 И злыхъ и добрыхъ не забудешь,
 Ахъ, ибшъ! — Природа въ насъ влила
 Съ душой и опивращенье къ злобѣ,
 Любовь къ добру, — и сущимъ въ гробѣ.

*

Мнѣ добрая пріяшна слава,
 Хочу я человекѣмъ быць,
 Котораго спрастей оправа
 Безсильна сердце развращишь;
 Кого ни мзда не ослабляешъ,
 Ни санъ, ни мечь, ни блескъ порфирь;
 Кого лишь правда научишь,
 Любя себя, любишь весь міръ
 Любовью мудрой, просвѣщеннои,
 По добродѣтели священной;

*

По ней, котора составляетъ
 Вождей любезныхъ и Царей;
 По ней, котора извлекаетъ
 Сладчайши слезы изъ очей.
 Эпаминондъ ли защитишель,
 Или благопворишель Тимъ;
 Сократъ ли, истины учитель,
 Или правдивый Аристидъ:
 Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
 И испуканы ихъ священны.

*

Священъ мнѣ паче зракъ Героевъ,
 Моихъ любезныхъ согражданъ,
 Предъ трономъ, на судѣ, средѣ боевъ
 Душой великихъ Россіянъ.

Священъ! — Но ешьли здѣсь я чески
 Современныхъ не возвѣщу,
 Бояся подозрѣнья въ лещи:
 То васъ ли, васъ ли умолчу,
 О праотцы, дѣлами славны,
 Которыхъ вижу испуканы?

*

А ешьли древности покровомъ
 Кшо предо мной избъ васъ и скрышъ,
 Въ вѣнцѣхъ оливномъ и лавровомъ
 Великій Петръ, какъ живъ, споишъ;
 Монархи мудры, милосерды,
 За нимъ онецъ его и дѣдъ;
 Опечесива подпоры шверды,
 Пожарской, Мининъ, Филаретъ;
 И ты, другъ правды, Долгоруковъ!
 Доспойны вѣчной славы звуковъ.

*

Доспойны вы! — Но мнѣ ли права
 Желанъ — бышь съ вами на ряду?
 Чшо обо мнѣ расскажетъ слава,
 Коль я безвѣстну жизнь веду?
 Не спасъ ошъ гибели я царства,
 Царей на проиъ не возводилъ,
 Не шеръ шерпѣнемъ коварства,
 Богатствъ моихъ не приносилъ
 На жертву, въ подкрѣпленье прона,
 И защишишь не могъ закона.

*

Увы! — Почпожъ сему болвану
 На свѣшѣ мѣсто занимашь,
 Дурную, лысу обезьяну
 На смѣхъ ли дѣшамъ представляшь,

Чтобъ видѣли меня потомки
 Подъ паутиною въ пыли,
 Рабы спупали на обломки
 Мои, лежащи на земли?
 Нѣтъ! лучше бышь оубъ всёхъ забвеннымъ,
 Чѣмъ брошеннымъ и въ вѣкъ презрѣннымъ.

*

Разбей же, мой вторый создатель,
 Разбей мой испуганъ, Рашенъ!
 Румянцова лица ваятель
 Себѣ мной чести не найдешъ.
 Разбей! — или поспой помюго?
 Поищемъ, нѣтъ ли дѣла нашихъ,
 По коимъ бы, хотя не сурога
 Судя о качествахъ моихъ,
 Ты могъ оувѣнчивовашъ вселенной
 За трудъ, надъ мною понесенной.

*

Поищемъ! — Нѣтъ. — Мои бездѣлки
 Безумно сполько уважанъ,
 Дѣла обыкновенны мѣлки,
 Чтобъ насъ, заставивъ обожанъ.
 Хотябъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы,
 Законъ и правду сохранилъ,
 Оцерьъ суровски, вдовицъ слезы,
 Невинныхъ оправданель былъ;
 Органъ Монаршихъ благъ и мира —
 Не спойлъ бы и шупъ кумира.

*

Не спойлъ бы: — все знаки чести,
 Дозволены самимъ себѣ,
 Плоды щеславія и лести,
 Монархъ! послыди и тебѣ.

Желаетъ хвалѣ, благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья.
По смерти слава хороша;
Заслуги въ гробѣ созрѣвають,
Герои въ вѣчности сіяютъ.

*

Но есѣли дѣлѣ и не имѣю,
За что-бѣ иумирѣ мнѣ посвящилъ:
Въ достоинствѣ вѣнчилъ я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтилъ;
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благослѣ во плоти,
Что пѣлъ я Россю и Царицу,
Какой другой намѣ не найди
Ни днесъ, ни впредѣ, въ пространствѣ міра:
Хвались моя, хвались тѣмѣ, лира!

*

Хвались! — и образѣ мой скудельной
Въ храмѣ славы возноси съ собой;
Ты можешь бытъ споль дерзновенной,
Коль шихой нѣкогда слезой
Ты, взорѣ кропя Екатерины,
Могла пріятною ей бытъ;
Въносись, и достигай вершинѣ,
Чтобы на ней меня вѣсшилъ,
Зависниковѣ моихѣ нѣ досадѣ;
Въ ея прекрасной колоннадѣ.

*

На твердомѣ мраморномѣ помостѣ,
На мшистыхѣ сводахѣ межѣ столповѣ,
Въ мѣди, въ величественномѣ ростѣ,
Подѣ сѣнью райскихѣ вкругѣ деревѣ,

Поспавъ со славными мужами !
 Я спану съ важностью споятъ ;
 Какъ отъ зарей всякъ день лучами ,
 Отъ свѣшлыхъ Царскихъ лицъ , блистають ,
 Недвижимъ вихрями , ни громомъ ,
 Подъ ихъ божественнымъ покровомъ .

*

Проспрется облакъ благовонный ,
 Коврами вокругъ меня цвѣты . —
 Поспой , Шипъ , восторга полный !
 Высоко залѣтѣлъ ужь ты ;
 Въ пыли валались и Омиры .
 Попомшво грозный судія ;
 Оно разсмаприваетъ лиры ,
 Услышишь гласъ и швоея ,
 И пальмы взвѣситъ и перуны ,
 Кому швой гремѣли спруны .

*

Увы ! легко случиться можетъ ,
 Поспавать и себя льстецомъ ;
 Кого днесъ тайно злоба гложетъ ,
 Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ .
 Трясутъ и шроны люди злыя :
 То можетъ бытъ , и швой кумиръ
 Черезъ рѣшетки золотыя
 Слепитъ и разсмѣшитъ весь мѣръ ,
 Случа съ крыльца спупень съ спупени ,
 И скашится въ древесны шѣни .

*

Почтожъ позора ждашь такова ?
 Разбей , Рашетъ , мои черны !
 Разбей ! — Нѣтъ , нѣтъ ! — еще пол-слова
 Позволь сказать себѣ миѣ ты .

Пусть пошлѣ, кто съ большимъ дарованьемъ
 Могъ добродѣшель прославлять,
 Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я, стараньемъ
 Желашъ добра и исполнятъ,
 Пусть пошлѣ не медля и рѣшился:
 И мой кумиръ имъ сокрушится.

*

Я радъ опечеснѣвъ блаженству:
 Дай больше Небо паковыхъ,
 Россійской силы къ совершенству,
 Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!
 Опредѣленія судьбины
 Тогда исполнятся во всемъ;
 Досупимъ міра мы средину,
 Съ Гангеса злато соберемъ;
 Гордыню усмиримъ Кашаю,
 Какъ кедръ, нашъ корень утверждая.

*

Тогда — каменосѣцѣ хитрый! —
 Кумиры своего рѣзца
 Живой струей испустяшъ искры
 И въ внучатахъ возжгушъ сердца.
 Смотри на образъ Мараѳона,
 Зальется Омиспоклъ слезой,
 Опдастъ Арману Петръ пол-прона,
 Чѣмъ править научилъ другой;
 Въ ихъ урнахъ фениксы взрождаются,
 И въ слѣдъ ихъ славы воскрылятся.

*

А ты, любезная супруга!
 Межь тѣмъ возьми сей испуканъ;
 Спрячь для себя, родни и друга,
 Его въ серпанной твоей диванъ;

И съ бюстомъ шамъ своимъ , мнѣ милымъ ,
 Предъ зеркаломъ ихъ въ рядъ поставъ ,
 Во знакъ , что съ сердцемъ справедливымъ
 Не скрытъ нашъ всѣмъ и видѣнъ нравъ .
 Что слава ? — Щастье намъ прямое
 Жить съ нашей совѣстью въ покоѣ .

XLIII.

Ф л о т ъ .

Онъ бѣлыми взмахнувъ крылами
 По зыблющей равнинѣ волнъ ;
 Пошелъ , — и слѣдомъ пѣна рвами
 И съ спрашнымъ шумомъ искры , огонь
 Подъ нимъ въ пучинѣ загорѣлись ,
 Съ нимъ рядомъ пѣнь его бѣжитъ ;
 Ширинки съ шлемовъ разпросперликоъ ,
 Горѣ предъ нимъ орелъ паритъ .

Водимъ Екатерины духомъ ,
 Побѣдъ и славы громкой сынъ ,
 Спускай еще , и землю слухомъ
 Наполни , о Росской исполни !
 Ты смѣло Сциллы и Харибды ,
 И свѣтъ весь прежде проходилъ :
 То днесъ препятствъ каніе виды ?
 И кто тебѣ ихъ положилъ ?

Спускай , — и спайь средъ Оксана ,
 И брось пивохъ горпалей громъ :
 Европа , злобой обулена ,
 И гидръ лилейныхъ блѣдный сонъ
 Отъ грозъ пивохъ да попрясеша ,
 Проснеша Людвигъ звукомъ лиръ !
 Та дочерью Божьей наречеша ,
 Кшо дастъ смущеннымъ царствамъ миръ .

XLIV.

НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ.

Пошелъ, — и гдѣ пристаны злобы?
Чему коснулся, все сразилъ.

Поля и грады — спали гробы;
Шагнулъ — и царство покорилъ!

О Россѣ! о подвигѣ Исполина!

О всемогущая Жена,

Безсмертная Екатерина!

Куда? — и что еще? — Уже полна

Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.

Какъ ночью звѣздъ спезя, по небу пропояженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ попомнѣнѣхъ возбле-
спишъ

И мудрыхъ удивитъ. —

Ужъ ваши имена,

Тріумфъ, побѣды, трудъ, не скроютъ времена.

Какъ молнии быспрыя, вокругъ міра будутъ пещь.

Половѣна очерпилъ блистающей вашъ мечъ;

И славы громъ,

Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ
споровъ,

Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,

Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,

Прокатится, пройдетъ,

Промчится, прозвучитъ,

И въ вѣчность возвѣститъ,

И

Кто былъ Суворовъ !

По бранямъ Александръ, по доблести Спешинъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обихъ великъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыва.
Вихрь полунощный, лешинъ Богатырь !
Тьма отъ чела, съ посвѣсна пыль,
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впередъ,
Дубы грядою лежатъ позади.
Спустишь на горы, — горы шрецашь;
Ляжешь на воды, — воды кипятъ;
Граду коснешся, — градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ выдасъ.
Дрогнетъ Природа, блѣдитъ предъ нимъ;
Слабыя просни шадятся лишь имъ.
Ты-ль Геркулесъ нашъ, повый, полнотный,
Буръ подобный, быспрый и мочный,
Твой ли, Суворовъ ! се образъ побѣдъ ?
Трупы враговъ и лавры шной слѣдъ !
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ !
Новый прорей твой днесь созерцаемъ :
Тронъ подъ шобой, — корона у ногъ, —
Царь въ полону ! — Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ Царицѣ швоей менокорнымъ.

И се въ небесномъ верхоградѣ
На зланныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ роцъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ радужныхъ шапкахъ,

Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ ,
 Въ бесѣдѣ ихъ вождей , Царей.
 Нашъ звучный Пиндаръ , Ломоносовъ ,
 Сидишь , — и лирою своей
 Безплошный слухъ ихъ утѣшаетъ ;
 Поешь безсмертныя дѣла.
 Уже , какъ молнія , пронзаешь
 Ихъ свѣшлу грудь его хвала ;
 Злашь медь блестя въ устахъ пуццовыхъ ,
 Зари играешь на щекахъ ;
 На мярникахъ , зыблющихъ , перловыхъ ,
 Они возлегши облакахъ ,
 Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаешь
 Поющий психоспрунный хоръ.
 Въ безмолвьи сладко упоаешь ,
 И склабя восхищенный взоръ ,
 Взираешь съ высоты небесной
 На храбрый , вѣрный свой народъ ,
 Что доблестью , другимъ безвѣстной ,
 Еще себѣ вѣнцы беретъ ,
 Еще на высоту восходишь ,
 Всевышняго водимъ рукой.
 Великій Петръ къ нимъ взоръ низводишь ,
 И въ ревности своей святой ,
 Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ ,
 Герой Героямъ говоришь :

„О вы , сѣдящи въ сѣни райской !
 „Одѣньтесь въ свѣшлы днесь зари !
 „Возстанъ , великій мужъ Пожарской !
 „И на Россію посмотри :
 „Ты усмирилъ ея крамолу ,
 „Избралъ преемника престола ,

„Росадникъ славы насадилъ ;
 „И се руной Екатерины
 „Твои шеперь пожаны крины ,
 „Которы сжалъ я укосилъ.
 „Она нашъ домъ разгоспранила
 „И славой всѣхъ насъ превзошла ,
 „Спроштиву Польшу покорила ,
 „Которая швой врагъ была.“

Прорекъ Монархъ , и скрылся въ сѣнь.
 Герои Росски всколебались ,
 Сѣдымъ челомъ приподнимались ,
 Чшобы узрѣть Варшавы плѣнь.

Лежипъ измѣнница , и взоры
 Попупя , обращаепъ вокругъ ;
 Терзаютъ грудь ея укоры ,
 Что раздражила кропкии духъ ,
 Склонилась на совѣнъ змѣиныи ,
 Ошвергла щипъ Екатерины ,
 Не могли дружбы къ ней сберечь.
 И се днесъ надъ Сармапомъ плѣннымъ ,
 Навѣсясь шлемомъ опереннымъ ,
 Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Сидипъ орелъ на гидрѣ злобной.
 Подише , опнимише , лвы !
 Спремися съ фуріей, сонмъ грозной !
 Герой , отъ Лены до Невы ,
 Возлеги на лавровомъ полѣ ,
 Ни съ кѣмъ не ссединяся болѣ ,
 Лишь мудрой правимый главой ,
 Щипомъ небеснымъ осѣняся ,
 На вѣру , вѣрносъ опираяся ,
 Одной васъ оштолкнетъ ногой.

О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
 Былъ Россу другомъ — и робѣть!
 Пожаръ пушинъ стараться зѣлный,
 И бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
 Мнишь защищать Монарши правы,
 И за корысть лишь воевать;
 Желать себѣ безсмертной славы,
 И не сражаясь опсшущать;
 Слышь недругомъ коварству злomu,
 И чинишь его внутрь сердца ядъ!

Но ты, народъ, подобно грому
 Котораго мечи въ дали звучать!
 Доволь твердъ, единодушенъ,
 Умѣешь смерть и скорби презиратьъ,
 Царю единому послушенъ,
 И съ нимъ по вѣрѣ поборатьъ
 По правдѣ будешь лишь войною:
 Великій духъ! швой Богъ съ тобою!
 На что тебѣ союзъ? — О Россъ!
 Шагни, — и вся швая вселенна!

О Ты, Жена благословенна,
 У коей сынъ такой колоссъ!
 Къ толикимъ скипшрамъ и коронамъ,
 Странамаъ, владѣемымъ Тобой,
 Со звукомъ, громомъ и со звономъ
 Еще одну его рукой
 Приими корону принесенну,
 И грудь во браняхъ упоменну
 Слѣши покойствомъ врачевать.
 Твое ему едино слово
 Опраду, духъ, геройство ново
 И щасъе можешь дароватьъ.

А ты, кому и Музы внемлютъ,
 Младый наперсникъ, чашникъ Кронъ,
 Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлющъ
 И вседробящій молній огонь!
 Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
 Звѣздами, перлами кипящъ,
 Да нектаръ твой небесный, сильный
 На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,
 На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
 Воспѣшь меня возбудишь миръ.

И се уже въ странахъ кристальныхъ
 Несусь, оставя дольний миръ;
 Огненный солнца конь крылатый
 Летитъ по воздуху и ржетъ.
 Съ ноздрей дымъ пышетъ синеватый,
 Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ,
 Спруями искры сыплютъ взоры;
 Какъ овны, убѣгающъ горы,
 И въ божескомъ восторгѣ семъ
 Я вижу въ пишинѣ полсвѣта!

Живи, цвѣти несмѣтны лѣта,
 О Царешвующая на немъ!
 Кто лучший спольникъ спраивъ владѣтель,
 Какъ не въ коронѣ добродѣтель?

Х О Р Ъ,

Среди грому, среди звону
 Торжествуй, прехрабрый Россъ!
 Ты еще шеперь корону
 Въ даръ Монархинѣ прижесъ.

Славься симъ Екатерина,
 О великая Жена!

Гдѣ народѣ какой на свѣшѣ,
 Кто видалъ и кто слыхалъ,
 Что въ единомѣ царство лѣшѣ
 И съ Царемъ завоевалъ?

Славься симѣ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

Чѣмъ вселенна, удивляйся
 Нашихъ мужеству людей;
 Злоба въ сердцѣ содрогайся,
 Зря въ насъ твердый щипъ Царей.

Славься симѣ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

Зависшь, дерзосшь и новарство
 Преклонись, нашъ видя строй!
 Безпримѣрно Руско царство!
 И младенецъ въ немъ Герой.

Славься симѣ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

Царедворецъ, жившій нѣжно,
 Просишся на спрашный бой,
 Сносишь трудъ и скорбь прилѣжно,
 И на смерть идешь сшѣной.

Славься симѣ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

Пули, ядры, раны смертныя
 За Царя приемлемъ въ даръ;
 Награжденья намъ безсмертныя
 Слово Царско, слава, лавръ.

Славься симѣ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

Я всему предпочитаю
 За опечесиво лишь кровь,
 Я Пльниру забываю,
 И пою къ нему любовь.

Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

Утѣшайся восхищеньемъ
 Чадъ, о Машерь, шаковымъ!
 Ихъ нелеснымъ поклоненьемъ
 Добродѣтелямъ швоимъ!

Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая Жена!

XLV.

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ
ПАВЛОВНЫ.

Ночь лишь седьмую
Мрачнаго прона
Сшепенъ прешла,
Съ Роска Сіона
Звѣзду злашую
Смершь сорвала.
Лучь, покашяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

Ушрення, ясна,
Тѣнь золопая!
Крапокъ швой блескъ,
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь швой былъ вѣкъ.
Чшо швое ушро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

Юная роза
Лишь развернула
Альй шипокъ,
Вдругъ опъ мороза
Въ лонѣ уснула,

Свянулъ цвѣткѣ :
 Такъ и съ Царевной ;
 Нѣтъ ужъ въ ней жизни ,
 Смерть на челѣ !

Къ опчелу лону ,
 Къ матери нѣжной ,
 Къ братьямъ , сестрамъ ,
 Къ скипетру , трону ,
 Къ бабѣ любезной ,
 Къ вѣрнымъ рабамъ ,
 Милый младенецъ !
 Ты ужъ съ улыбкой
 Рукъ не простираешь .

Ликъ голубиный ,
 Тихое пѣнье ,
 Мрачность одеждъ ,
 Вздохи и стоны ,
 Слезно шепченье ,
 Въ дымѣ блескъ свѣчь ,
 Норда Царицы
 Блѣдность , безмолвье —
 Спрашивай позоръ !

Гдѣ вы спѣснились ?
 Что окружили ?
 Чей видимъ шуршъ ?
 Иль вы забылись ,
 Въ гробъ положили
 Спящаго шуршъ
 Ангела въ пѣль ? —
 Ольга прекрасна
 Ангелъ былъ нашъ .

Вижу въ сіяньѣ
 Грады эѳира ,
 Солнцы кругомъ !
 Вижу собранье
 Горняго міра ;
 Ангеловъ сонмъ ,
 Руни просперши ,
 Ольгу приѣмлютъ
 Въ свѣшлый свой полкъ .

Вижу блаженну
 Чистую душу
 Всю изъ огня ,
 Въ свѣшъ облеченну !
 Въ райскую кущу
 Идетъ дитя ;
 Зришь на Россію ,
 Зришь на Пенрополь ,
 Зришь на родныхъ .

Зришь на Піишу ,
 Жизнь и успенье
 Кто ея пѣлъ ,
 Чей въ умиленъѣ
 Дождь на ланишу
 Искрой лепѣлъ ;
 Слышишь звукъ лиры ,
 Томные гласы
 Пѣсни моеи .

Міра Содѣшель ,
 Свяшосиъ и прочносшь
 Царства суть чьи !
 Коль добродѣшель

И непорочность
 Слуги твои,
 Коихъ но смертнымъ
 Ты посылаешь
 Спражами бысть:

Даждь, да надъ нами
 Ольги блаженной
 Плаваешь духъ;
 Чшобъ, какъ очами,
 Надъ полвселенной
 Неба сей другъ
 Зрѣлъ насъ звѣздами,
 Дланью багряной
 Сыпалъ къ намъ свѣтъ.

Племя Петрово,
 Екатерины
 Здравьемъ чело,
 Сѣнь бы лаврова,
 Мирные кринны —
 Все намъ цвѣло;
 Дни бы златые,
 Серебряны росы
 Св облакъ лились.

Не было-бъ царства
 Въ свѣтѣ другова
 Щастливѣй насъ;
 Яда коварства,
 Равенства злова,
 Буйства заразъ,
 Вольности мнимой,

Ангель хранитель,
Насъ ты избавь!

И средь ээира,
Въ дебри шьмозвѣздной,
Въ райской пиши,
Гдѣ днесъ Пльнира,
Другъ мой любезной,
Сердца, души
Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

XLVI.

Л а с т о ч к а.

О домовиная Ласпочка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, каспочка,
Лѣпная госпья, пѣвичка!
Ты часпо по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышномъ сидя поешь,
Крылышками движешь, препенещь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часпо по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль спелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ просприся плывешь.

Ты часто во зеркалѣ водномъ
 Подъ рдяной играешь зарей,
 На зыбномъ лазурѣ бездонномъ
 Тѣнью мелькаешь швоей.
 Ты часто, какъ молніи, рѣешь
 Мгновенно шуды и сюды;
 Сама за собой не успеешь
 Невидимы видѣшь слѣды:
 Но видишь тамъ всю ны вселенну
 Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
 Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
 Въ чешуйчатомъ флорѣ тамъ сребрѣ;
 Тамъ рожи въ одеждѣ зеленой,
 Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
 Тамъ холмъ, синій лѣсъ опдаленной,
 Тамъ мошки полкуются сплономъ;
 Тамъ гнутся съ утеса въ поны воды,
 Тамъ ласпаются струи къ брегамъ. —
 Всю прелестъ ны видишь природы,
 Зришь лѣта роскошнаго храмъ:
 Но видишь и бури ны черны
 И осени скучной приходъ;
 И прятешься въ безны подземны,
 Хладѣя зимою, какъ ледъ!
 Во мракѣ лежишь бездыханна: —
 Но только лишь придетъ весна,
 И роза вздохнетъ лишь румяна,
 Встанешь, ошкроешь зѣницы
 И новый лучъ жизни ны пьешь;
 Сизы разирая косицы,
 Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ны міра:
 Не ты ли пернатъ сія? —

Воспой же безсмертіе ; лира !
 Возсхану , возсхану и я !
 Возсхану , — и въ безднѣ ээира
 Увижу-ль тебя я , Пдѣнира ?

XLVII.

ПРИГЛАШЕНІЕ ВЪ ОБЪѢДЪ.

Шекснинска шерляда золотая ,
 Наймакѣ и борщѣ уже спознѣ ;
 Въ крафинахѣ вина , пушкѣ , блестяга
 То льдомѣ , шо искрами , маняшѣ ;
 Сѣ курильницѣ благовоныя льюшя ,
 Плоды среди корзины смѣюшя ,
 Не смѣюшѣ слуги и дохнушѣ ,
 Тебя спола вдругѣ ожидая ;
 Хозяйка спашная , младая ,
 Гошова руку протянушѣ.

*

Приди , мой благодѣтель давній ,
 Творецѣ чрезѣ двадцать лѣтъ добра !
 Приди ! — и домѣ , хошѣ не нарядный ,
 Безѣ рѣзьбы , злата и сребра ,
 Мой посѣни ; — его богатство
 Приятный шолько вкусѣ , опрашество ,
 И швердый мой нельспивый правѣ ;
 Приди онѣ дѣлѣ попрохладилшя ,
 Поѣшѣ , поиншѣ , повеселишя ,
 Безѣ вредныхѣ здравію приправѣ.

*

Не чинъ, не случай и не знашность
 На Руской мой просшой обѣдъ
 Я звалъ, одну благопріятность :
 А шотъ, кто дѣлаешъ мнѣ вредъ,
 Пирушки сей не будешъ зришель.
 Ты, Ангелъ мой, благошворишель !
 Приди — и насладишъ благъ :
 А вражій духъ да опженешся,
 Моихъ пороговъ не коснешся
 Ни чей недоброхопный шагъ !

*

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
 Друзьямъ и красотѣ сей день ;
 Достоинствамъ я цѣну знаю,
 И знаю то, что вѣкъ нашъ шѣнь ;
 Что лишь младенчесшво проводимъ,
 Уже во старости приходимъ
 И смерть къ намъ смопришъ чрезъ заборъ —
 Увы ! то какъ не умудришся,
 Хотя разъ цвѣтами не увишся
 И не оставишъ мрачній взоръ ?

*

Слыжалъ, слыжалъ я тайну эшу,
 Что иногда грустишъ и Царь ;
 Ни ночь, ни день покоя нѣшу,
 Хотя имъ вся покойна пшарь.
 Хотя онъ громкой славой знашенъ,
 Но, ахъ ! — и шъ онъ всегда-ль прилшенъ
 Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ ?
 Тутъ зришъ обманъ, шамъ зришъ ушадохъ.
 Какъ бѣдный часовой шотъ жалокъ,
 Кошорый вѣчно на часахъ !

*

И такъ , доколь еще ненастье
 Не помрачаетъ красныхъ дней ,
 И приглубливаетъ счастье
 И гладитъ насъ рукой своей ;
 Доколь не пришла морозы ,
 Въ саду благоухаютъ розы ,
 Мы поспѣшимъ ихъ обонять .
 Тамъ ! будемъ жизнью наслаждаться ,
 И тѣмъ , чѣмъ можемъ , утѣщаться ,
 По платью ноги пропитаемъ .

А естели ты , или кто другіе
 Изъ званныхъ милыхъ миѣ гостей ,
 Чертоги предпочтя златые
 И испивы сахарны Царей ,
 Ко миѣ не сядишь опкушати ;
 Извольте мой вы толкъ прослушати !
 Блаженство не въ лучахъ порфирѣ ,
 Не въ вкусѣ , яствѣ , не въ нѣгѣ слуха ,
 Но въ здравьи и спокойствѣ духа ; —
 Умѣренность есть лучший пирѣ .

XLVIII.

Похвала сельской жизни.

Блаженъ , — кто удалясь отъ дѣлъ ,
Подобно смертнымъ первороднымъ ;
Орешъ опеческій удѣлъ
Не опкупнымъ прудомъ , свободнымъ ,
На собственныхъ своихъ волахъ ;

Кого ужасный гласъ отъ сна
На брань , пруды не возбуждаетъ ,
Морская не спрашиваетъ волна ,
Въ судъ ябеда не призываетъ ,
И господамъ не бьетъ челомъ ;

Но садитъ онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи ;
Иль дикихъ дровъ , кривымъ ножомъ ,
Обрѣзавъ пни , и плоды дающи
Черенья прививаетъ къ нимъ ;

Иль зреть вдали ходящій сношъ ,
Рычащій въ вьющихся долинахъ ;
Иль перечищенную льенъ
И пряченъ напоку въ кувшинахъ ,
Или сприженъ своихъ овецъ .

Но осень какъ главу въ поляхъ ,
Гордась , съ плодами возвышается :
Какъ радъ ! — что рвенъ ихъ на вѣтвяхъ ,
Привитыхъ имъ , — и посвящаетъ
Даръ Богу , пурпура краснѣй .

На брегѣ ли въ правѣ густой ,
 Подъ дубъ ли древній онъ ложился ,
 Въ лѣсу гамъ пшиць , — съ скалы крушой
 Журча къ нему ручей спремился ,
 И все наводишь сладкій сонъ .

Когдажъ гремящій въ пучахъ Богъ
 Покроетъ землю всю снѣгами ,
 Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ ;
 Тамъ зайца гонитъ , правитъ псами ,
 Здѣсь ловитъ волка въ шенеша .

Иль шонкіе въ гумнахъ силки
 На куропашокъ разсавляютъ ,
 На рябчиковъ въ кустахъ пружки :
 О коль пріятну получаешь
 Награду за свои пруды !

Но будешь ли любовь при томъ
 Со прелесными ея забыша ,
 Когда прекрасная лицомъ
 Хозяйка мила , домовица ,
 Печется о его дѣтяхъ ?

Какъ ея , — Рускихъ честныхъ женъ
 По древнему обыковенью , —
 Весь бытъ хозяйской снаряженъ :
 Домъ печь , чистъ , свѣтлъ , и къ возвращенью
 Съ охоты мужа шоль накрытъ .

Бутылка добраго вина ,
 Въ прокъ пива Рускаго варена ,
 Съ грѣнками коновна полна ,
 Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна ,
 И шоль обѣденный кошовъ .

Горшокъ горячихъ , добрыхъ щей ,
 Копченой окорокъ подъ дымомъ :
 Сбсаженный семьей моею ,
 Средь коей самъ я господиномъ ,
 И тушь-шо вкусенъ мнѣ обѣдъ !

А какъ жаркой еще баранъ
 Младой , къ Петрову дню блюденый ,
 Капусты сочныя качанъ ,
 Пирогъ , гурздыми начиненый ,
 И нѣсколько молочныхъ блюдъ :

Тогда - шо устрицы , го - гу ,
 Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы ,
 Лягушки , фригасе , рагу ,
 Чѣмъ окормляютъ насъ Французы ,
 И ужь ничто не вкусно мнѣ .

Межь тѣмъ пріятно изъ окна
 Зрѣшь карду съ шучными волами ;
 Кобылъ , коровъ , овецъ полна ,
 Дворъ рѣзвыми нищими рабами .
 Какъ веселье шаповый обѣдъ !

Такъ опкупиши въчерась судилъ ,
 Сбираясь бышь поселяниномъ :
 Но правеемъ долги лишь сбрилъ ,
 Ссшался пакн мѣщаниномъ ,
 А нынѣ деньги ошдалъ въ роснѣ .

XLIX.

С о л о в е й.

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой Майской ночи,
Удали я слышу соловья.
То въшрамъ легкимъ, благовоннымъ,
То свистъ его, то звонъ лепишъ;
То шумомъ заглушаемъ воднымъ,
Вдыханьемъ сладостнымъ помимъ.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернатый,
Любви, свободы и ушѣхъ!
Твой гласъ огривный, перекаты
Слѣдъ грома къ нѣжности, отъ нѣтъ
Къ плескамъ, прескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь,
Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводяшъ пварь.

Молчишъ пустыня изумленна,
И ловишъ громъ твоей жадный слухъ,
На крыльяхъ эха раздробленна
Плѣняешъ пѣснь твоя въ шѣхъ духъ.
Тобой цвѣтущій долъ смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаешъ гуль;
Рѣка бѣгущая чужь льенся,
Споющій холмъ чело нагиуль.

И свѣсясь со скалы кремнистой,
 Густокудрява мрачна ель,
 Напѣвъ пѣвой яркой, голосистой
 И рассыпную звонку шрель,
 Какъ очарованна, внимаешь. —
 Не смѣешь двинуться луна,
 И свѣтъ свой слабо выпускаешь:
 Воспорага мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
 Въ созвучномъ пѣніи пвоемъ,
 Спрямительность, пріятность, капризность
 Между колѣнъ и перемѣнъ!
 Ты шлопаешь, крутишь, поводишь,
 Журчишь и шнонешь въ голосахъ;
 Въ забвенье души ны производишь
 И ошываешься въ сердцахъ.

О! еслили бы одну природу
 Съ тобою взялъ я въ образецъ,
 Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
 Какой бы славный былъ пѣвецъ!
 Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
 И чувствва были, вмѣсто словъ;
 Картину, мысль и жизнь явила
 Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда-бъ, подобно Тимоншею,
 Въ шапкѣ Церсидскомъ и возлюбѣ,
 И сладной лирою моею
 Царево сердце двигаешь моръ:
 То вспламеня любовной сыростью,
 Въ Таисъ бы его склонялъ;
 То, возбуждая грозой, напашью,
 Мошь ему на бракъ вручалъ.

Тогда бы я между прудами
 На мягку мураву возсѣлъ,
 И арфы съ тихими струнами
 Пріятность сельской жизни пѣлъ;
 Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
 Боясь въ зеркало водѣ взглянуть;
 Сквозь дымку бы едва дышала
 Ея высока, и бѣжна грудь.

Иль храбрыхъ Россіянъ дѣлами
 Пѣнясь бы, духомъ возлещалъ,
 Героевъ полкъ надъ облаками
 Въ сіяньи звѣздъ я созерцалъ:
 О! коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
 Время поэзіей моей
 Опважно, быспро, плавно, крапко,
 Какъ ты, — о дивный соловей!

Г,

П а в л и н ъ,

Какое гордое пворенье,
Хвостъ пышно разширя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позады чешуйной груди нажемъ,
Какъ нѣкій крупный, дивный шумъ ?
Лазурно - сизы - бирюзовы
На каждомъ концѣ пера,
Тѣнныя круги, волны новы
Спрутисла злата и сребра:
Наклонивъ, — изумруды блещутъ!
Поверивъ — яхонты горятъ!

Не то ли славный Царь пернатый ?
Не то ли райска пища *Жаръ*,
Которой споль уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье шваръ ?
Гдѣ спунитъ, — радуги играютъ!
Гдѣ спанетъ, — тамъ лучи покрутъ!

Конечно сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ,
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ ушахъ;
А пелликана добродѣтель
Въ ея и сердце и душѣ!

Но что за чудное явленье ?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей фениксъ опускаетъ вдругъ перья
Увидя гнусность ногъ своихъ. —
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И барицъ безъ ума павлинъ,

II.

НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ
Л. А. НАРЫШКИНУ.

Живи, и жизнь давай другимъ,
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не прогай ничего чужаго;
Вопи правило, спезя прямая,
Для счастья каждаго и всѣхъ!

Нарышкинъ! — коль и пы привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твоей домъ открылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ:
Прехвальна жизнь твоя такая!
Блаженъ дворецъ людскихъ ушѣхъ!

Пуškai богачъ тамъ, по разчосу
Назнача день, зовешь гостей,
Злапой родни, кліентовъ ропу
Прибавишь къ пышности своей;
Пуškai они, предъ нимъ спавъ спроемъ,
Кадящъ, вздыхающъ — и молчащъ.

Но мнѣ пріятно тамъ опкушашъ,
Гдѣ дружеской незваной споль;
Гдѣ можно говоришь и слушаешъ
Тара-бара про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гощь хозяина покоемъ,
Хозяинъ гощемъ, дорожащъ.

Гдѣ снуна и попка забыта,
 Семья учлива, не шумна;
 Важна хозяйка, домовица,
 Досужа, ласкова, умна;
 Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
 И взоромъ ищущь угождать.

Что нужды мнѣ, кто по паркету
 Подъ часъ и кубари спускалъ;
 Смотрѣлъ въ полнучемъ рынкѣ свѣту,
 Народны мысли замѣчалъ,
 И могъ при случаѣ посольствомъ,
 Перомъ и шпагою блистать!

Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ,
 Съ цвѣтна лишь на цвѣткѣ лепя,
 Доволенъ былъ собою, міромъ,
 Шушилъ, рѣзвился, какъ дитя;
 Но ели ошъ съ шоль легкимъ нравомъ
 Всегда былъ добрый человекъ!

Всегда жилъ весело, пріятно,
 И не гонялся за мечтой;
 Жалѣлъ о шѣхъ, кто жилъ развратно,
 Плясалъ и самъ подъ шокъ чужой.
 Хвалю тебя! ты въ смыслѣ здравомъ
 Прещасливо провелъ свой вѣкъ.

Какой театръ, какъ всю вселенну,
 Идущихъ и ядому шваръ,
 За швой я вижу стоаь вищениу,
 И ты сидишь, какъ Сирской Царь,
 Въ соборѣ цѣлыя природы;
 Въ семьѣ швоей — какъ Авраамъ!

Остава Короли престолы
И Ханы у тебя гостяшъ :
Киргисцы, Нѣмчики, Моголы
Салму и соусы ѣдятъ.
Какіе разные народы,
Языкѣ, одежда, лица, спанѣ !

Какой предметъ, какъ на качеляхъ
Предъ домъ твой соберется чернь,
На свѣшлыхъ праздничныхъ недѣляхъ !
Вернись въ воздухъ весь день,
Покрыта площадь песпропою,
Чепцовъ и шапокъ миллионъ !

Какой восшорѣ ! — Какъ все играетъ !
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ,
Все въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ !
И ты, народной сей толпою,
Такъ весель, гордѣ, какъ Соломонъ !

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ спавитъ
Блаженство купно и свое,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіе
О камень золь не разбиваетъ,
И къ пристани безъ бурь плыветъ !

Левъ именемъ, — звѣриный Царь ;
Ты родомъ — богатырь, сынъ Барской ;
Ты сердцемъ — сиольникъ, хлѣбодаръ ;
Ты должностью — конюшій Царской ;
Твой домъ упѣхой разцѣпляетъ,
И всякъ подъ шѣмъ его идетъ.

Идушь прохладой насладишься,
Музыкой душу наипашь;
То шбмь, то сбмь повеселишься,
Вь боспонь и вь шапки поиграшь;
И словомь: радость всю, забаву
Столицы ты кь себь вмбсиль.

Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить вь своемь раю,
Оспавя радужны чертоги,
Заходяшь вь храмину пвою:
О! естльибь ты и Гремиславу
Кь себь Царицу заманишь!

И ей вь забаву, хопь шижонько
Осмбился вь ушко сказать:
Кшо вбвб провель споль славно, громко,
Топь можешь вь праздникь погуляшь,
И зрбшь людей блаженныхь чувешво
Вь ея пресвбшло рождешво.

Вь цвбшахь другой нбшь розы вь мбрь;
Такой Царицы мбрь не зришь!
Любовь и власть вь ея порфирь
Благоухаеть и спрашишь.
Такь знаешь царешвовань искусство
Лишь вь Гремиславь — Божешво.

ЛII.

На кончину Г. Орлова.

Что слышу я? Орелъ изъ снаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлою,
Когда она съ Олимпа шла; —
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россiянъ лешалъ,
Внезапно роковой спрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесъ паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ успрямленье
И пламенны межъ пучь бразды?
Гдѣ быспрыя всезрящи очи
И грудь, опважноспи полна?
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи;
Осталась слава лишь одна!

LIИ.

На Новый 1797 годъ.

Занесъ послѣдній шагъ , и въ вѣчность
Спуня , сокрылся прошлый годъ !
Покрала мрачна неизвѣстность
Его стремленье , быстрый ходъ.
Гдѣ ризы свѣшлы , знаменарны ?
Гдѣ взоры голубыхъ очесъ ?
Гдѣ вѣкъ Екатерины славный ?
Ужь нѣшъ ихъ ! — Въ высотѣ небесъ
Явился новый годъ намъ въ мѣрѣ ,
И Павелъ въ блестящей порфирѣ.

Онъ поднялъ скиптръ , — и пробѣжала
Спруя съ небесъ во мракъ темницъ ;
Цѣпь звучно съ узниковъ ушала ,
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ ;
Въ объявляхъ семьи восхищенныхъ
Облобызали возвращенныхъ
Сыновъ , и братьевъ , и мужей ;
Плоды трудовъ , свой хлѣбъ насущный ,
Узрѣлъ всякъ въ жилищицѣ своей.
Подобно ушра царь воздушный
Выходитъ — солнце — въ подвигъ свой ;
Блеснетъ лишь среди зѣира ,
Бываетъ благодѣтель мѣра
Ошрадой , свѣтомъ , теплотой.

Онъ принялъ мечъ — и лучъ горящій
 Въ рукѣ его увидѣлъ врагъ ;
 Пронесся духъ животворящій
 Въ градахъ, въ домахъ, въ полкахъ, въ судахъ.
 Всѣхъ ранній пѣтель возбуждаешъ,
 Онъ сна всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ
 И долгъ свой тщательно шворитъ ;
 Всякъ движется, спремится, внимлетъ,
 На стогнѣ крѣпко справкъ сполитъ,
 Передъ зеркаломъ судъ не дремлетъ ;
 Скрываетъ злостъ главу свою
 Подъ царскимъ бдительною призоромъ : —
 Орелъ съ высотъ шапъ быспрымъ взоромъ
 Шипящу въ мранѣ зритъ змию.

Возсѣлъ на тронѣ — и освѣтилась
 Душа его огнемъ щедротъ :
 Сѣдина почестьми покрылась ;
 Сбираютъ бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ ;
 Увѣчныхъ воевъ награждаютъ,
 Прощенье недруги внимаютъ,
 Заслуги получаютъ мзду.
 Такъ Богъ въ величїи, во славѣ,
 Во благовременну чреду
 Льетъ благодать своей державѣ
 Въ зряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ ;
 Всѣ руки къ небу воздѣваютъ,
 И онъ Него всѣ ожидаютъ
 Себѣ, возможныхъ швари, благъ.

Россїя, лавромъ опягчену
 Отъ браней вознеся главу,
 Внимаетъ черезъ всю вселенну
 Гремящую о немъ молву :

Кто сей, щедрѣй Екатерины,
И ревностнѣй еще Петра?
Садись въ сердца блаженства крины,
Попоки злата и сребра
Воздержностью пролишь желаеть,
Собою роскошь испребляеть?

Кто сей, по образу Ашлана,
На рамена подъявшій свѣтъ,
Шагами твердыми гиганта
Неробко чести въ храмъ идеть?
Грозитъ прошивнымъ не войною,
Но мирной, масляной лозою,
Нося при ней тоновый громъ?
Онъ дерзкихъ взглядомъ усмирятъ.
Христова церковь Мавла въ шѣмъ,
Избранный пошъ сосудъ воспрѣчатъ,
Который миръ, любовь и свѣтъ,
Всѣ добродѣтели во нравы
И каждую не земная славы
Въ благочестивы души льстятъ.

Кто мудръ ума по просвѣщенью,
А сердцемъ больше щедръ и благъ,
Ашилъ въ слѣдъ, къ распространенью
Границъ, не спущитъ ни на шагъ;
Въ той истинѣ увѣренъ твердо,
Что царство не войной лѣвится;
Онъ кровь народовъ милосердо
Своихъ и вражѣхъ блюдетъ.
Водимый истинной святою,
Законовъ подъ одной чертою,
Полсвѣту скорый судъ даритъ;
Обогатитъ торговлей грады,
Плодомъ, спадами верхограда,
Людьми пустыни заселитъ.

По долгу спрогб и правосуденб,
 Но нбженб, милоспивб душей;
 На назнб жестоку медленб, пруденб,
 Ждетб исправленія людей;
 Виновныхб милуетб, прощаетб,
 Нещасныхб слезы опираетб,
 Покоемб жертвуетб драгимб;
 Учаспвоватб въ трудахб супругб
 И сыновьямб велиспб своимб,
 Чиспосердечья ищетб въ другб,
 Блаженспвомб общимб дорожитб;
 Народной спспбшая льготб,
 По доблести и по щедростб
 Аврелій зришся въ немб и Титб.

Лепи, о новый годб! пые смбло
 Сб сей вбспью Росскихб въ слухб сыновб,
 Свершай предположенно дбло
 Судьбами искони вбновб;
 Спбши во древнюю сполицу,
 Обрадуй тысячи сердецб;
 Надбнь на Павла багряницу,
 И на главу его вбнецб
 Взложи опб намени чеспнаго,
 Вб залогб намб вбка золопатаго.

Спбши, укрась Его супругу
 Подобно почестью Царя,
 Веселье лей земному кругу,
 Какб восходящая заря;
 Намб будущихб вбновб блаженныхб,
 Обильныхб, мирныхб, несравненныхб,

Начальникъ красныйъ будь и вождь !
 Да съ своего опшныя полета
 Во благовременьи намъ дождь
 Весной прольется и средь лѣша,
 И нѣдра напоитъ земли,
 Произраститъ злашья нивы ;
 А вѣтры , парусъ вздуеъ игривый ,
 Пославящъ въ пришань корабли.

Да мы , подъ Павловымъ владѣниемъ ,
 Еще свѣтлѣ процвѣтемъ ,
 И вѣкъ его безсмершнымъ пѣнемъ
 На лирахъ сердца воспоемъ !
 Побѣды громки позабудемъ ,
 И всѣхъ земныхъ народовъ будемъ
 Щасливѣй вънупръ , а въ сльи ;
 О бывшемъ не вздохнемъ блаженствѣ ,
 Коль будетъ духъ нашъ блажь полюбѣи ,
 Коль преуспѣемъ въ совершенствѣ ,
 Въ дѣлахъ и мира и войны ;
 Да здравье намъ цвѣтешъ Царсво
 И домъ Его какъ райско древо ,
 Супруга , дщери и сыны !

А шы , о Вождь полковъ пенлѣшныхъ ,
 Дешлѣ чшо средь небесныхъ славъ
 Но дню швоихъ шоржесствъ священныхъ ,
 Какъ Павелъ на престола веходилъ !
 Храня Его швоей рукою ,
 Временъ впредъ цѣлшою золошою
 Крылашы годы сопряги ;
 Веди ихъ всѣхъ цѣлшою шщезями
 И щасье Россовъ береги :
 Да съ вѣрными себѣ сынами

Отецъ нашъ въ вѣкъ не узришь зла ;
 Но брань ли возникнешъ , иль коварство ,
 Вкругъ облесни мечемъ шы царство —
 И ихъ слѣды покроешь мгла !

LIV.

На рождение Великаго Князя Михаила
 Павловича.

Куда , силъ грозныхъ Воювода !
 Надѣвъ огнепернатый шлемъ ,
 На бедро лучъ , съ небеса свода
 Ты радужнымъ печешь пушемъ ?
 Спустился , зрю , на пол - вселенгу ,
 На Павловъ и Маринъ домъ ,
 И въ Опроку новорожденну
 Ослабленнымъ приникъ лицомъ .]

„Азъ есмь — вѣщаль — кто расенъ Богу !
 „Дитя ! симъ именемъ зовись ;
 „Спашь браней , мира на дорогу ,
 „Въ доспѣхи правды облекись ;
 „Прими духъ мужества , духъ силы ,
 „Лучъ свѣта , званье , образъ мой ,
 „И горняго пареня крилы :
 „Архангелъ я и пѣсунъ швой.“

„Избраньемъ древле я корону,
 „На Предка швоего надѣль ,
 „Недавно въ слѣдъ Отцу во шрону
 „Незримымъ спутникомъ лелѣль ;

„Небесъ имъ поборала сила :
 „Прими“ . . . — И лишь свершилъ онъ рѣчь ,
 Порфира Опрока покрыла ,
 И препоясалъ молній мечъ.

Едва почули Громовержца
 Перуны Росски въ пеленахъ ,
 На нѣжный гласъ сего младенца
 Въ прех-еопныхъ опдались громахъ.
 Россія блескомъ озарилась ,
 Усердія къ Царямъ полна :
 Такъ свѣшлымъ пономъ слезъ покрылась ,
 Какъ сребреннымъ дождемъ луна.

„Подаждь , вселенной Вседержитель !“
 — Взываетъ къ звѣздной вышинѣ : —
 „Да юный молніи носитель
 „Михаилъ древній будешь миѣ !
 „Пресѣвъ нестройство шотъ , крамолу ,
 „Началомъ славы былъ моей :
 „А сей , подпорой ставъ престолу ,
 „Да царшвуешь въ сердцахъ людей !“

Уже Хранителя небеса
 Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зрѣшь :
 При люлькѣ среди сна прелестна
 Надъ нимъ простря крыль своишь ,
 Зеирную приносишь манну ,
 Играешь солнечнымъ лучомъ ,
 И въ грудь , на подвиги избрану ,
 Вливаешь Божій страхъ съ млекомъ.

То взводишь онъ его на гору,
 То ходишь съ нимъ среди долинъ,
 Его младому кажется взору
 На высотѣ полети орлинъ;
 Смощи: надъ доломъ какъ летая,
 Онъ зреть вдругъ змѣй, и вержешь громъ:
 А шамъ, любовью нѣжной шая,
 Ппенцовъ жметъ коконъ подъ крыломъ.

Иль учишь: „Ты порфиророденъ!
 „Прямый твой долгъ есть долгъ небесъ,
 „И міра царь есть рабъ Господень;
 „Взыщи премудрости словесъ;
 „Священна доблестъ — право къ власти,
 „Лишь правда надъ вселенной царь;
 „Благоволеньемъ къ смертныхъ часи
 „Всевышній зиждетъ свой алтарь.“

Опца и Машери въ подобьи
 Бесѣдуешь онъ часно съ нимъ:
 „Ищи, швердишь ему, въ незлобьи
 „Ты образца дѣламъ своимъ:
 „Престола хищнику, шيرانу
 „Прилично успрацать рабовъ;
 „Но Богомъ на престолъ возванну
 „Любити ихъ должно, какъ сыновъ.“

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,
 Опца и Машери рукой,
 Расши, дши, расши прелестнымъ;
 А возмужавъ, явись Герой!
 Сирапа швоя сильна, преславна,
 Обширно поле, гдѣ парить.
 Нѣтъ въ мірѣ царства шавъ пространна,
 Гдѣбъ можно шполь добра шворить!

На мальтійской Ордени.

Звучишь труба, окрестны горы
 Передают друг другу громъ:
 Какъ рѣки, Рыцарей соборы
 Любятъ въ знаменитый сонъ.
 Шумишь по шлемамъ лѣсъ пернатый,
 Сребромъ и золотомъ свѣжишь лань,
 Цвѣшь радугъ въ машняхъ горниъ;
 Хоръ свѣше зришь, какъ съ Геликона
 Сигналишь, Царица, Царь, средь трона
 Въ порфирѣ, въ славѣ предстоишь.

*

Клейноды вокругъ, въ нихъ власть и сила;
 Вдали Европы блещетъ строй,
 Спрѣлвъ шучи Азія пуснула,
 Идутъ Американцы въ бой,
 Темнишь крылами понишь грифоны,
 Льютъ огонь изъ мѣдныхъ жерла драконы,
 Полканы вихремъ пылъ крушишь;
 Безмѣрныя поля, долины,
 Обѣли вокругъ снада орлины,
 И все на Царской смотряишь взглядъ.

*

Міровъ Владыкѣ лучезарныхъ
 Такъ всемлютъ все снхія, ливаръ:
 Въ могущеснвѣ Ему ибнѣ равныхъ,
 Власнишель душъ, любимыи Царь

Речешъ — и флотъ сквозъ волнъ несется !
 Велишъ — и громомъ швердь прясется !
 Тьма всадниковъ чрезъ снень лешитъ !
 И гнѣвъ его есть гнѣвъ вселенной :
 Но лишь съ улыбкою священной
 Прострешъ онъ длань , — и все молчитъ .

*

Кто сей предъ важнымъ симъ соборомъ
 Въ благоговѣиной тишинѣ
 Предскаль съ улымымъ , кропкимъ взоромъ ?
 Сомъ пѣвнхъ воевъ зрится мнѣ :
 На ихъ креслы , а не эгиды !
 Ужь не Геральды-ль то , Гонфриды ?
 Не пѣвн-ль Вишязей святыхъ ?
 Ихъ знамя — ихъ ошатовъ славный
 Пришелъ въ Тебѣ , о Царь державный !
 И шавъ вѣщаль напаси ихъ :

*

„Безвѣрѣя гидра появилася :
 „Родилъ ее , взлелѣвалъ Галль ;
 „Въ груди его , въ душѣ вселлася ,
 „И весь чудовищомъ онъ спалъ !
 „Расцешъ — и тысячью главами
 „Съ несчетныхъ жалъ спрунцъ рѣками
 „Обманчивый по свѣну ядъ.
 „Народы , царства заразились ,
 „Развращомъ , буйствомъ помрачились ,
 „И Бога бышь уже не мнѣшъ .

*

„Шивъ добродѣтели священной ,
 „Шивъ швердыхъ ей броней , щиновъ ,
 „Не спало рыцарствъ во вселенной ,
 „Присяжныхъ злобъ шивъ враговъ ;

„Законы царствъ , обряды вѣры ,
 „Святыня , почтены въ химеры ,
 „Попраць Христосъ и скиптръ Царей ;
 „Европа вся полна разбоевъ ,
 „Цареубійць святяиць въ Героевъ ;
 „Ты , Павелъ , будь спаситель ей !

*

„Мы гробъ святой освободили ,
 „Госпепрїимствъ отверзли дверь :
 „Но насъ наслѣдїя лишили ,
 „И мы изгнанники теперь !
 „Прими Ты насъ въ швое хранище !
 Реки ; — печаль и жезлъ правленья
 Царю , преклоньшишь , поднесли .
 Какъ лучь сквозь мрака пробѣгашь ,
 Такъ рѣчь ихъ Царску грудь пронзашь ;
 Сердечны слезы пошекли .

*

Живъ Богъ ! Царь рекъ ; — и мечъ посвѣща ,
 Какъ быстры молнии , обнажилъ ;
 Крестообразно , въ знакъ обѣща ,
 Къ челу вознесъ и преклонилъ ;
 Мечи песчешны обнажились ,
 Къ престолю правды преклонились ;
 Разверзлось небо , и средь тучь
 Петра Оубъ , Павла , Иоанна
 Уарбалъ звѣздами увѣчанна ,
 Давошихъ знамя , щитъ и ключъ !

*

Орелъ , судьбой рожденный къ славѣ ,
 Въ гибдѣхъ съ улыбой молнии зрїи ,
 Въ поляхъ какъ левъ , какъ арнецъ въ нравѣ ,
 Скокочь внутрь , вишь все боритъ ,

Морей и бурей слышитъ свисты,
 Онъ сноситъ зной и воздухъ ледяной,
 Онъ выше всѣхъ себя вознесъ;
 Какъ чьиждо поддерживалъ небо плечи?
 Кто спанелъ противъ адской сѣчи?
 Одинъ безсмертный, твердый Россъ!

*

Одинъ! — Твоя лишь доблесть строга,
 Твой сильный Царь, твой духъ, твой Богъ
 Опдашь безвѣрнымъ могущъ Бога,
 Христу алтарь, Царямъ чертогъ.
 Во громы облеченный Ангелъ,
 Во броню правды вѣрный Павелъ
 И съ нимъ Господня благодать
 Удобны злобы спертъ коварства,
 Смятены успокойшь царства,
 И славный подвигъ твой вѣнчать.

*

Дерзай! — Ужь свыше вдохновенный
 Благословляетъ Сергій путь,
 Спихии слушавуютъ смиренны,
 Планеты щасливо шекуютъ;
 Сквозь говоръ пищъ, сквозь звѣрска рева,
 На бракъ готовясь, плачешъ дѣва;
 Сяетъ Крестъ средь облаковъ,
 Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ,
 На небѣ Бардъ въ звѣздахъ чищаетъ;
 „Симъ побѣдишь твоихъ враговъ!“

*

Не змѣй ли спрашнй, прощаженидй,
 Какъ съ горъ на долъ, съ долинь на холмъ
 Сомкнушы изгибая члены,
 Чешуйчатымъ блеснитъ жребцомъ?

И́тъ! — полкъ твой шаѣ, сряженный къ бою,
 Сверкающей вдали грядою
 Поидеиъ чрезъ горы и лѣса;
 Столпъ огненный предъ нимъ предвидетиъ,
 Пучина глубины раздвинетиъ,
 И обновяшся чудеса.

*

Въ броню незриму облечена
 Юдиѣ Олаферна жиеиъ главу;
 Самсона мышца напряжена
 Деретиъ зубасиу челюстиъ льву;
 Бѣгъ солнца Давиѣ возпрецаетиъ,
 Трубиъ гласѣмъ грады сокрушасиъ;
 Барриѣ снаѣ ночью Гедеонѣ;
 Давидѣ изъ пращи мететиъ камень;
 Трясея Голиаѣ шумасиѣ
 Падетиъ предъ нимъ, какъ страшный холмъ.

*

Иль Пересѣѣ съ гигантомъ къ бою,
 Какъ вихоръ, на конѣ лениѣ,
 Крестѣ въ лѣвой жиеиѣ, коше десною,
 И раздроблаетиъ вражий щитъ.
 Вѣщи нешаѣныя пласиунсѣ,
 На чела вѣрныхъ воевъ вьонсѣ,
 И райска ихъ крошнѣ роса;
 Ошесунники, сирьни зубами,
 Кровь блѣдыми изъ раѣ руками,
 Ошчасѣ, метуѣ въ небеса.

*

И се Маршъ подъ покровомъ,
 Архангельскихъ подъ блескомъ крылъ,
 Нашъ флотъ въ сиремасѣи быспромъ,
 На гордый пласиунаетиъ Милъ.

Со именемъ Цирцей волшебнымъ
 И съ скипидромъ, Христу враждебнымъ,
 Прошиву насъ не ушоялъ.
 Луна съ крестомъ соединилась!
 Вселенна чуду удивилась:
 Знашь всѣхъ неческій свѣше Галлъ!

*

Денницу зрѣли: мудръ и славею
 Въ сѣнѣхъ возносился онъ;
 Рекъ: „Вышнему я буду равенъ,
 „На западъ воздвигну шронъ: —
 „Но гибельны пуши лукавы;
 „Кно свѣща Царь? кно естъ Царь славы?
 „Кно велій Богъ? — Единъ присвящъ!“
 Воспѣла Херувимовъ сила,
 И грозны громы Михаила
 Спрямглавъ коварство свергли въ адъ.

*

Народы міра! вразумитесь,
 Зря гордыкъ сокрушаемъ роуъ,
 И власнолюбія спрашались;
 Власнь свѣше послаешъ Богъ.
 Нѣшь щасія въ семъ мѣрѣ чудномъ,
 Прибышкомъ, любочеснѣемъ бурномъ,
 Гдѣ вервь онъ якоря снята.
 Въ одной лишь вѣрѣ естъ блаженство,
 Въ законахъ — волюность и равенство,
 А бранство — во любви Христа.

*

И рѣки обрану къ вершинамъ,
 На прѣльяхъ вѣтра вознесусь;
 Велю молчанъ громамъ, лучицамъ,
 Лучами съ солнцемъ подѣлюсь:

Но гдѣ предѣлъ ума паренью,
 Приспанище къ ошдохновенью?
 Кто вшелъ небесъ на вышину?
 Никто, — лишь только Богомъ званный.
 И я — чрезъ происки коварны —
 Ни шага къ прону не шагну.

*

Довѣренность! ты столпъ правленья,
 Ограда непорочныхъ душъ!
 Съ тобой средь змѣй, спихивъ прѣдья,
 Покойно спишь великій мужъ.
 Снесись, о духъ, духъ благошворный!
 Въ сердца людей, на царски проны,
 И возпрети лишь смертныхъ кровь,
 Скажи: „народъ безглавно шѣло,
 „Щепись о немъ Царей есть дѣло;
 „Живить взаимна ихъ любовь.“

*

Но кто же сей любви нелестной
 — Чтوبъ всякъ другъ друга бремя несъ —
 Научишь насъ? Опецъ небесной,
 Нашъ Богочеловѣкъ Христосъ.
 Въ трудахъ Онъ сущихъ успокоилъ,
 Заблуждшихся въ пущи усироилъ,
 Въ болѣзняхъ призривъ, изцѣливъ,
 Скорбящихъ посѣтивъ въ темницѣ,
 Последній лѣпиль ошдасивъ вдовицъ;
 Сіе сынъ вѣры совершилъ.

*

Ктожъ горил Іерусалима
 Наслѣдникъ сей и другъ Христовъ?
 Въ комъ доблестъ благодати зрима,
 И соподвижникъ кто Петровъ?

Не потѣ ли, сердца нѣжна свойства
 И чувства жалости, геройства
 Въ святой душѣ что совѣсшилъ;
 Отверзъ опеческія длани,
 Приемлеиъ странниковъ безъ дани,
 И душу рыцарствѣ воскресилъ?

✱

Да препояшетъ радость холмы,
 Да процвѣшетъ лице морей,
 Да водворится счастье въ дома
 Тобой, избранный изъ Царей!
 Да опдадутъ скалы кремнисты
 Обратно нѣсни голосисты,
 И лучь, преломшись оиъ стекла,
 Какъ въ воздухѣ ярчѣй несется:
 Такъ оиъ избышка сердца льется
 И благодарность и хвала.

LVI.

У Р И А.

Сраженнаго жѣсой Сатурна ,
Кого средѣ воюющихъ здѣсь роцѣ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну , непробудну поцѣ ?
Кому на ней чудесѣ картина
Во мраморѣ изражена ?
Крылатый жезлъ , конуривъ , личина ,
Рѣзецъ и съ лирой кисель видна !

Надъ кѣмъ сей мавзоль священный
Вкругѣ опѣяевъ кипарисъ ,
И лира гласы шлестѣ плачевны ?
Кто : Меценатъ , иль Медикъ
Тупѣ орошается слезами ?
Чьи блѣдныя лица черны
Луной блещутъ межъ вѣтвями ?
Кто зрится мнѣ ? — Шуваловъ , ны !

Ахъ , ны ! — могу-ль себя оставишь
Безъ благодарной пѣсни я ?
Тебя ли мнѣ , себя-ль не славишь ?
Я твой тишомецъ и — судья.
О , мѣшъ ! — ужъ Муза возмечаетъ
Моя ко облакамъ злымъ ,
Въ слѣдѣ выпренихъ мѣщовъ дерзаетъ
Воспѣшь тебѣ гадеробный гимнъ.

Смерть мужа праведна прекрасна!
 Какъ умолкающій органъ,
 Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
 Блискаетъ, шонетъ въ океанъ:
 Подобно въ неизмѣрны бездны,
 Отъ міра плѣннаго сбѣша,
 Лепишь сквозь мириады звѣзды
 Блаженная швола душа.

Или какъ спираникъ, путь опасный
 Прошедшій межъ спремныхъ и горъ,
 Змѣи слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
 Позады себя во шмѣ, и взоръ
 Отъ зубъ ихъ отвращая, взбѣгаетъ
 Съ весельемъ на высокой холмъ:
 Отъ міра духъ швой возлетаетъ
 Такъ вѣчности въ прекрасный домъ.

Коль шѣнь и прообразование
 Небеснаго сей дольний міръ,
 Съ вышины лазурныхъ воскашанье
 И сладкое согласье шръ
 Я слышу: — вижу, душъ блаженныхъ
 Шолки вспрѣчанъ шоби идущъ!
 Въ эфирныхъ ризахъ, помащеныхъ,
 Торжественную шѣсь поющъ:

Гряди къ намъ, новый неба житель!
 И ошрися прахъ земной,
 Войди въ нешлѣшную обитель,
 И съ вышины ея святой
 Возри на долъ швой смертный, слезный,
 На жизнь швою, и законецъ
 За подвиги швои полезны
 Шрими возмездіи вѣноцъ!

Ты бѣдныхъ былъ благошворитель, —
 И вѣчныхъ насладися благи.
 Ты просвѣщенья былъ любитель, —
 И Божества сіяи въ лучахъ.
 Ты поощрялъ пѣшь славу Россовъ,
 Ты чпилъ Петра, Елисаветъ:
 Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
 Здѣсь славу вѣчную поетъ!

Поэзиі безсмертно пѣнье
 На небесахъ и на земли;
 Тотъ будетъ гробъ у вѣхъ въ почтенъѣ,
 Надъ коимъ лавры разцвѣли.
 Науки сѣялъ благошворной
 Рукой, и возвращалъ, любя:
 Свѣтъ отъ лампы благовоиной
 Возблещетъ вѣчно чрезъ теби.

Планета ты, — что съ солнца міра
 Лучи бросала на другихъ;
 Ты въ славѣ не являлъ кумира;
 Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.
 Картина ты, — копорой пѣни
 Не рама въ золотѣ, — хвала;
 Великолѣіе — для черни;
 Для благородныхъ душъ — дѣла.

Но мраченъ, темень сердца свитокъ,
 Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черны:
 Оселокъ честности — прибитокъ;
 На немъ блисталъ, какъ злато, ты.
 Какъ полное масникъ кадило,
 Горя, другимъ ты запахъ далъ;
 Какъ полное лучей свѣшило,
 Ты дарованья озарялъ.

О! сколько юношей шобою
 Познанія пріяли свѣшъ!
 Какою пламенной спруею
 Сей свѣшъ въ попомшво пропечешъ!
 Надъ царедворцовой могилой,
 Надъ вождемъ молненосныхъ грозъ,
 Когда раздася вздохъ унылой,
 Сверкнешъ здѣсь искра нѣжныхъ слѣзъ.

Спой, урна, вѣчно невредима,
 Шувалова являя видъ!
 Будь лирами Піишовъ чшима:
 Въ тебѣ Предшатель ихъ сокрышъ.
 Внуши, шверди его доброшы
 Сей надписью вельможамъ въ слухъ:
 „Онъ жилъ для всенародной льготы
 „И покровительства наукъ.“

На новый 1798 годъ.

Младый сынъ солнца на подлунный
Сей шаръ сошелъ небесъ пропой.
Кто вѣсть, какіе жребьи чужды,
Изъ урны вынувъ роковой,
Онъ бросишь по лицу земному?
Гдѣ повелишь ударить грому?

Гдѣ радугѣ изъ тучъ блистать?
Кто вѣсть, чью тайно злоба люта
Предпринимаетъ средь коварствъ?
И близъ грядущая минута
Премной не чревана-ль царствъ?
Быль можетъ, горы провалиша,
На пошвѣ ихъ моря лягша,

Для созерцанья новыхъ звѣздъ.
Кто вѣсть, что Галскій князь Риму
Словами только вольность давъ,
Надѣшь боялся діадиму;
Но что, гордыней обуявъ,
Еще на шагъ рѣшился смѣлый,
И какъ Самсонъ, столбы дебелы

Сломивъ, падешъ подъ ними самъ!
Мы видимъ троны сокрушенны
И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ.
На ихъ развалинахъ рожденны
Не развѣдутъ ли царства вновь?
Мы ведро зримъ по непогодѣ:
Блеставшій на своемъ восходѣ

Не шмился-ль часно въ полдень Фебъ?

Мы зрѣли подлоснь но престолу
 Ползущую въ подобьи змѣй,
 Главу склоняющую долу,
 Но жалующу въ сердца людей;
 Баконовъ и Мазевъ видали,
 Которые хулу сплетали

На благодѣтелей своихъ.

Но что! — Не такъ ли вѣкъ вращишя
 Въ добрѣ и злѣ превожный свѣщъ?
 Здѣсь свѣтелъ океанъ сей зришя;
 Тамъ мраченъ, яръ, исполненъ бѣдъ.
 Спруя, въ пучинѣ погружена,
 Взбѣжавъ сверхъ волнъ, и освѣщена,

Влеснитъ зарницей вдругъ, какъ лучъ!

Но топъ блаженнѣе, кто въ пиломъ
 Заливѣ совѣсти почивъ,
 Не загруженъ добромъ, ни лихомъ,
 Спращей вѣприла опустивъ,
 Ума на якорѣ глубокомъ
 Спалъ въ чолнѣ, и спокойнымъ окомъ

На суету мірскую зришъ.

Предавшия Всевышней волѣ,
 Свой вѣрно исполня долгъ,
 Славнѣйшей не завидишъ долѣ;
 Онъ знаетъ: что даетъ по Богъ,
 Что Богъ лишь свѣтомъ управляетъ,
 Тѣхъ вводитъ, сихъ уничижаетъ;
 Тѣхъ милуетъ, а сихъ казнитъ.

LVIII.

Надгробная Императрица Екатерины II.

Россия! се Екатерина,
Владычица пивоя и Мань!
Ея вселенной половина
Души не возмогла выдержать.
Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, что духъ вливала славы,
Героевъ соизвоить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И Ангелъ во плоти была!
Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, что гибель сердець всѣхъ знала,
Плѣнила маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и церквѣеб!
Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, что свистѣръ самовласныхъ
Щедрою знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ сословіямъ проливать!
Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

Се Та, чю и въ врагахъ почтенъе
къ Себѣ умѣла возбудишь,
Въ друзьяхъ любовь и обоженъе,
А вообще весь міръ дивитъ!

Се въ гробѣ, образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

СІХ.

О р е л ь.

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова дома!
Куда несешься съ вышины?
Припявъ перуны въ когти мочны,
Куда паришь, Орелъ полночный!
И на кого ихъ бросишь ты?

Еще-ль, по мацію Беллоны,
Стремишься въ прахъ низвергнушь прощы,
Братъ царевна, Королей наѣвши? —
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ Росскими летишь полками
Престола падши возносишь.

Гряди спасать Царей, Суворовъ!
Избавишь царевна опъ раздоровъ
И власи въ порфиру облещи;
Соименишому Герою
Подобно, ны рожденъ судьбою
Коварства узелъ разсѣчи.

Гряди, Алкидъ! на гидру дерзку,
 Смири ея ны люшость звѣрску,
 Спаси опъ бѣдъ вселенну вновь:
 Ужасно жалъ ея сверканье,
 Тлешворно, пагубно дыханье,
 И смершно ядовита кровь.

Но ты одѣвъ въ броню неплабну,
 Въ надежду, вѣру несумѣнну,
 Любовью высренней, горишь.
 Полкъ Ангелъ предъ побой сомкнешся:
 И зло тебѣ не прикоснешся,
 Рога ты буйству сокрушишь.

Съ побою Богъ идешь — и Россѣх,
 Во знаменье побѣдъ, колоссы
 Воздвигнушь по твоимъ слѣдамъ;
 Слухъ пройдетъ въ позднее потомство:
 „Тобой сперв Павелъ вѣроломство
 „И скиптры возвратилъ Царямъ.“

НА ПОВЕДЫ ВЪ ИТАЛІИ.

Ударь во сребренный, священный,
 Далекъ-звонкій, Вална! щипь:
 Да громъ твой, эхомъ повторенный,
 Въ жилищѣ Бардовъ возшумишь.
 Вспаюишь. — Сто арфъ звучашь струнами,
 Предъ ними сто дубовъ горяшь,
 Ошь чаши круговой зарями
 Сѣдя чела въ тьмѣ блестяшь.

Но кто тамъ бѣлыхъ полъ туманомъ
 Покрышь по персямъ, по плечамъ,
 Въ спальномъ доспѣхѣ спѣшишь рдяномъ,
 Подобно синя моря льдамъ? —
 Кто, на копье склонясь главою,
 Событье слушаешь временъ? —
 Не потъ ли, древле чю войною
 Мотрясь Парижскихъ швердосъ спѣшь?

Такъ; онъ плѣняется пѣвцами,
 Поющими его дѣла;
 Смотри, какъ блестяшь бишь лучами
 Сквозь тьму временъ его хвала.
 Такъ, онъ! — Се Рюрикъ поржествуетъ
 Въ Валвалѣ звукъ своихъ побѣдъ,
 И перстомъ долу показуешь
 На Росса, что по немъ идешь.

„Се мой (гласишѣ онѣ) воевода ,
 „Воспишанный въ огняхѣ , во льдахѣ ,
 „Вождь бурь полночнаго народа ,
 „Девяшый валѣ въ морскихѣ волнахѣ ,
 „Звѣзда прешедша міра тропы ,
 „Копорой слѣдѣ огня черты ,
 „Мечъ Павловъ , щипѣ Царей Европы ,
 „Князь славы !“ — Се , Суворовѣ , ты !

Се ты , вѣковѣ явленье чуда !
 Сбылось пророчество , сбылось !
 Лучъ , возсіяшій изъ-подѣ спуда ,
 Герой мой , вновь свой лавръ вознесъ !
 Уже всшупилѣ онѣ въ славны слѣды ,
 Чпо древніи вишязь проложила ;
 Ужь водишѣ за собой побѣды
 И лики сладногласныхѣ лиръ .

LXI.

На переходъ Алпійскихъ горъ.

Сквозь пучи вокругъ лежащи , черны ,
Твой горній кроющій полетъ ,
Носящи страхъ намъ , скорби зѣльны ,
Ты грянулъ наконецъ ! — И свѣшъ ,
Опъ молніи швоей горящій ,
Сердца Алпійскихъ горъ потрясшій ,
Сшруей вселенну пролетѣлъ ;
Чрезъ неприступны переправы
На высотѣ ты новой славы
Явился , сѣверный Орелъ !

*

О радость ! — Муза ! дай мнѣ лиру ,
Да вновь Суворова пою !
Какъ слышанъ громъ за громомъ міру ,
Да слышишъ всякъ пакъ пѣснь мою !
Побѣдъ его плѣненный слухомъ ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Чрезъ доли , холмы и лѣса ;
Зрю , близъ меня зіяютъ ады ,
Надъ мной шумящи водопады ,
Какъ бы склонились небеса.

*

Идетъ въ веселіи геройскомъ
И тихимъ магіемъ руки ,
Повелѣвая сильнымъ войскомъ ,
Сзываетъ вокругъ себя полки.

Друзья! онъ говоритъ: извѣстно,
 Что Россамъ мужество совмѣстно;
 Но нѣтъ теперь надежды вамъ, —
 Кто вѣрѣ, чести другъ неложно,
 Умреть иль побѣдишь здѣсь должно:
 Умремъ! — кликъ въперешъ по горамъ.

*

Идетъ, — о зрѣлище прекрасно,
 Гдѣ прямо вѣрносью горя,
 Готово войско въ брань беспрашно!
 Встаешь межъ ихъ любезна прѣ:
 Всѣ движущая на смерть послушно,
 Но не хопящъ великодушна
 Ищи за Вождемъ назадъ;
 Свергающъ копьями, мечами.
 Какъ холмъ обвемлется волнами,
 Идетъ онъ съ шумомъ — впереди.

*

Ведетъ въ пупи непроходимомъ
 По темнымъ дѣбрямъ, по прогамъ,
 Подъ заревомъ, онъ молнии зримомъ,
 И по бѣгущимъ облакамъ;
 День — ночь ему среди тумановъ,
 Ночь — день отъ громовыхъ пожаровъ;
 Несется въ бездну по вервьямъ,
 По камнямъ лѣзетъ вверхъ изъ бездны,
 Мосты ему дубы зажжены,
 Плывецъ по скачущимъ волнамъ.

*

Ведетъ подъ сѣгомъ, вихремъ, градомъ,
 Подъ ужасомъ природы всей;
 Встрѣчается среди и рядомъ
 На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей;

Отвсюду окруженъ брѣгами,
 Водой, горами, небесами
 И воинствомъ противныхъ силъ.
 Вблизи падушъ со прескомъ холмы,
 Вдали шамъ гулы рожушъ, громы,
 Скрежещешъ блѣдный голодъ въ пыль.

*

Ведешъ — и нѣкая громада,
 Гиганшъ предъ нимъ возсѣла въ пущи,
 Главой небесъ, ногами ада
 Касаяся, прешешъ иши.
 Со ребръ его шумяшъ внизъ рѣки,
 Предъ нимъ мелькаюшъ дни и вѣки,
 Какъ вдругъ волнующійся паръ;
 Ничто его не покрясешъ,
 Онъ громъ и бури презираешъ,
 Нахмурясь сморщивъ Сен-Готтаръ.

*

А шамъ волшебница сѣдая
 Лежишъ на высотѣ холмовъ,
 Дыханьемъ солнце отражая,
 Блещешъ вдали огнями льдовъ,
 Копорыми одѣта зришя;
 Она на всю природу злишя,
 И въ страшныхъ ищистыхъ скалахъ,
 Нависнувшихъ снѣговъ слоями,
 Гогова задавишъ горами,
 Иль въ хладныхъ задушитъ когтяхъ.

*

А шамъ, невидимой рукою
 Просперное съ холма на холмъ
 Чудовище, какъ мостъ длиною,
 Рыгая дымъ и пламень рномъ,

Бездонну челюсть разверзаетъ,
 Въ единый мигъ полки грохаетъ;
 А шамъ — пещера черна спилъ
 И смершнымъ мракомъ взоры кроетъ,
 Какъ бурею, горпанью воеетъ:
 Предъ ней Опчаянъе сидитъ.

*

Пришедши къ чудамъ симъ природы,
 Что-бъ славный учинилъ Язонъ?
 Соспавила-бъ Медея воды,
 А онъ на нихъ навелъ бы сонъ.
 Но въ Россѣ нѣтъ коварствъ примбра;
 Крылъ его сущъ должность, вбра
 И исполинской славы прудъ.
 Корабль на парусахъ какъ въ бурю
 По черному средъ волкъ лазурию,
 Такъ олъ лепитъ въ опасный пущъ.

*

Ужъ пучи супосщатъ засбли
 По высотамъ, въ ущельяхъ горъ;
 Ужъ глыбы, грома полетбли
 И освблили молнии взоръ;
 Власы у храбрыхъ всщали дыбомъ,
 И къ сей опварб, страшной дивомъ,
 Склоцился въ помощь сводъ небесъ.
 Съ него зря бдщвля полики,
 Трепещетъ въ скорби Петръ Великій:
 Гдѣ Россѣ мой? — слбдъ и слухъ изчезъ.

*

Но что! не духъ ли Оссіана,
 Пбвца тумановъ и морей,
 Мнѣ кажешъ подъ луной Морана,
 Какъ шелъ онъ на Царя Царей?

Нѣтъ, зрю Массена подѣ землею
 Съ Римникскимъ въ пѣмѣ сошлись къ бою:
 Чело съ челомъ, — глаза горятъ!
 Не громы-ль съ громами дерущся? —
 Мечами о мечи сѣкутся,
 Вокругъ сыплютъ огонь: — хохочетъ адъ!

*

Ведетъ шуда, гдѣ вѣтрѣ не дышетъ
 И въ высотахъ и въ глубинахъ,
 Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ,
 Капаящихся на крушизнахъ.
 Ведетъ — и скрытъ ужь въ мракѣ гроба,
 Ужь съ хладнымъ смѣхомъ шенчетъ злота:
 Шогябъ средь дерзкихъ онъ пушей!
 Но Россу гдѣ и что преграда?
 Съ побоею Богъ! — И горъ громада
 Раздвиглась силою швоей.

*

Какъ левъ могущій, оплученный
 Ловцовъ коварствомъ отъ дѣпей,
 Забралъ препяшствомъ раздраженный,
 Бросая пламя изъ очей,
 Вздымая спрашну гриву гнѣвомъ,
 Крутя хвостомъ, рыкая зѣвомъ,
 И прескача преграды, вдругъ
 Ломаетъ копья, луки, стрѣлы:
 Чрезъ непроходны шакъ предѣлы,
 Тебя, Герой! — провелъ швой духъ.

*

Или Везувія въ ушробѣ
 Какъ споря океанъ съ огнемъ,
 Спираютъ въ непрерывной злобѣ
 Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ,

Клочучи́ть глухо въ мракъ бездны;
 Но хладъ прорвети́ть какъ сводъ желѣзный,
 На воздухъ льется пламень, дымъ:
 Таковъ и Россѣ! средѣ горныхъ споровъ
 На Галла спалъ ногой Суворовъ,
 И горы преснули подъ нимъ.

*

Дадите-ль вѣру вы, пошомки,
 Толь страшныхъ одолѣнью силъ?
 Дѣла Героевъ древнихъ громки.
 До воли Средьземныхъ доходилъ
 Алкидъ, и знакъ свой шамъ пославилъ
 На то, чшобъ смершый шрудъ оставилъ
 И далъ не дерзалъ бы взоръ:
 Но, сильный Геркулесъ Россійскій!
 Тебѣ сполны его знашь низки;
 Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.

*

Идеи́тъ — одѣтъ сѣдымъ шуманомъ —
 По безднамъ страшный Исполни́тъ;
 За нимъ лепитъ въ досѣхъ рдяномъ
 Во сабдѣ младый шенецъ Орлинъ.
 Кто вицязъ сей багрянородный,
 Соименный и подобный
 Владыкѣ Визаншійскихъ странъ?
 Еще Россѣ выше вознесется,
 Когда и впредь не отречется
 Несеть Константинъ воинскій санъ.

*

Ужь сыплются со скалъ безмѣрныхъ
 Полки сивозъ облаковъ, какъ дождь!
 Ужь мечущся въ враговъ надменныхъ:
 Въ душахъ ихъ слава, Богъ и вождь;

Къ опечесиву, къ Царю любовью,
 Или врожденной бранной кровью,
 Иль къ вѣрѣ, вѣрой всякъ крылатѣ.
 Не могутъ счесть мои ихъ взоры,
 Ни всѣхъ наречь: — какъ молнии скоры,
 Вокругъ я блескомъ ихъ обьялѣ.

*

Не Гозано-ль шамъ Богомъ данный
 Еще съ чудовищемъ въ рѣкѣ
 На смертный бой, самоизбранный,
 Плывшъ со знаменемъ въ рукѣ?
 Конь и мечъ изъ пвердой стали,
 О чешую предомшисъ, пали:
 Спалъ безоруженъ и одинъ.
 Но, не уважа люшамъ жаломъ,
 Разилъ онъ звѣря въ грудь нижаломъ —
 Нѣтъ, нѣтъ! се ны, Россіянинъ!

*

О сколько храбрости Россійской
 Примѣровъ видѣлъ уже свѣтъ!
 Европа и предѣлъ Азіійской
 Тому свидѣтельница даетъ.
 Кто хочешь, стань на холмъ высоко,
 И кинь со мной въ долину око
 На пицѣ, на сей парящихъ станъ.
 зри: въ воздухѣ склубясь волнистомъ,
 Какъ грудью бьютъ соколъ ихъ съ свистомъ:
 Спрямглавъ падетъ сраженный врагъ.

*

Такъ козни зла всѣ упадаютъ,
 О Царель, подъ швоей рукой!
 Народы длани просшираютъ,
 Онъ бѣдъ спасенные Тобой.

Но были-бъ щасшливѣй спократно ,
 Коль знали бы цѣнитъ обратно
 Твою къ нимъ милость , свящость крыль :
 Во храмѣ-жъ славы письменами
 Златыми , чнымыи вѣками ,
 Всѣмъ правда скажетъ : „Царь ты силъ!“

✱

Изъ мраковъ возстающъ Спитгійскихъ
 Евгенийъ , Цесарь , Ганнибалъ ,
 Проходъ чрезъ Алпы войскъ Россійскихъ
 Ихъ души славой обуялъ.

„Кто, кто — вѣщаютъ съ удивленьемъ —
 „Съ такою смѣлостью , спремленьемъ ,
 „Прешель противъ природы силъ
 „И вражьихъ шьмы попралъ зашворовъ ?
 „Кто больше насъ?“ — Твой блескъ, Суворовъ!
 Главы ихъ долу преклонилъ.

✱

Возьми кто лѣпопись вселенной ,
 Геройскія дѣла читай ;
 Цѣня ихъ испиной священной ,
 Съ Суворовымъ соображай ;
 Ты зришь шѣхъ слабость , сихъ пороки
 Поколебали духъ высокій :
 Но онъ изъ младости снѣшилъ
 Ко доблести протереть лишь длани ;
 Куда ни посланъ былъ на брани ,
 Пришелъ , увидѣлъ , побѣдилъ.

✱

О ты , справа , гдѣ были нравы ,
 Въ рукахъ оружье , въ сердцѣ Богъ !
 На попрнице которой славы
 Могущій Леопольдъ не могъ

Силъ капли поглотились силъ моремъ ,
 Гдѣ жизнь онъ кончилъ бѣдствомъ , горемъ !
 Скажи , скажи вселенной ты ,
 Гельвеція ! — бывъ нашъ свидѣтель ,
 Чья Россовъ шверже добродѣтель ?
 Гдѣ больше духа высоты ?

*

Промчи-жѣ , о Русса ! ты Севанѣ ,
 Скорѣи духъ Рускій , Павла мочь ,
 Цареубицѣ въ вершенѣ , въ спанѣ ,
 Ближашу возвѣщая ночь.
 Снажи : въ рукахъ съ перуномъ Павелъ ,
 Или хранишель міра , Ангелъ ,
 Гремилъ , являя власць свою ;
 Преспаньше нарушашъ законы ,
 И не трясише больше проны ;
 Внемлите истину сію :

*

„Днесь звѣрство ваше спало наго ,
 „Вы рвешесь за привынокъ свой :
 „Воюешъ Россѣ за обще благо ,
 „За свой , за вашъ , за всѣхъ покой.
 „Вы жершва лжи и свосвольства :
 „Онъ жершва долга и геройства.
 „Въ васъ равенства мечша , — въ немъ чинъ.
 „Суля вы вольность , взяли данн ;
 „Въ защиту царствъ простеръ онъ длани ;
 „Вы чада шьмы , — онъ свѣта сынъ.“

*

Вамъ видимъ бѣгъ свѣтилъ небесныхъ :
 Не правитъ ли ихъ Умъ единъ ?
 Въ словесныхъ шваряхъ , безсловесныхъ
 У всѣхъ есмь вождь , иль господинъ ;

С

Спихіевъ разность, разнострасше,
 Верховный Умъ, ихъ всѣхъ согласье;
 Монарша цѣль есть цѣль сердецъ.
 Царь мѣній связь, всѣхъ дѣислвъ причина,
 И крошка власть опца едина
 Живаго Бога образецъ.

*

Гдѣ-жѣ скрыта къ правдѣ сей дорога?
 Гдѣ въ вольнодумномъ сердцѣ мнятъ:
 Нѣтъ Царской снѣпени, нѣтъ Бога —
 Быть щепно счастливы хотятъ.
 Ищай себѣ въ народѣ власти,
 Попри свои всѣхъ прежде спроси;
 А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
 Но гдѣ-жѣ, гдѣ ваши Цинцины?
 Вы мнише только бытъ богаты.
 Корысти нуждѣ прямой Герой.

*

О доблестъ воиновъ избранныхъ,
 Сбравшихъ лавры съ шьмы побѣдъ,
 Безсмертной славой осіянныхъ,
 Какой не видывалъ сей свѣтъ!
 Вамъ предоставлено судьбами
 Рѣшить споръ ада съ небесами:
 Сообщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
 Законамъ естествова-ль встать новымъ,
 Споятъ ли алтарямъ Христовымъ,
 И бытъ, или не бытъ Царямъ?

*

По доблести — Царямъ соровный,
 По вѣрности — прешоловъ щитъ,
 По вѣрѣ — камень царствъ угольный,
 Вождь, — знаньемъ браннымъ знаменитъ:

Въ которомъ мудрость съ доброю ,
 Терпѣнне , храбрость съ быспрохою
 Вмѣстились всѣхъ изящныхъ душъ !
 Сражаясь вѣры со врагами ,
 И небо поддерживавъ плечами ,
 Дерзай, великій Богомъ мужъ !

*

Дерзайте ! — Вижу съ вами ходитъ
 Тотъ обь руку во всѣхъ путяхъ ,
 Что перстомъ круги звѣзды водитъ
 И молнію на небесахъ .

Онъ рекъ , — и шумы удалились ;
 Велѣвъ , — и холмы уклонились ;
 Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ .
 Пріятна смерть Христа въ любви ,
 И капли вашей святыи крови .
 Еще ударъ — и гдѣ нашъ врагъ ?

*

Услышите ! — Вамъ солещутъ други ,
 Поешь Христова церковь гимнъ ;
 За ваши для Царей заслуги ,
 Цари вамъ данники опшынъ .
 Доколь печешъ прозрачна Рона ,
 Цолпомство поздно безъ урона
 Узришь въ ней вашихъ битвъ зарь ;
 Опшынъ горы въ вѣкъ Алпійски
 Преподутъ Россю обелиски ,
 Дымища холмы алпари .

LXII.

С И Г И Р Ъ.

Что ты заводишь пѣсню военну
Флейтѣ подобно, милый Смигирь?
Съ кѣмъ мы пойдѣмъ войной на гѣнну?
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ храбрый, быспрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ!

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздитъ на клячѣ, ѣстъ сухари;
Въ спужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, спѣвъ и заповорвъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждаютъ?

Быръ вездѣ первымъ въ мужествѣ спрогомъ,
Шушнами зависъ, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ,
Скишры давая, зваться рабомъ,
Доблестей бывъ спрадалецъ единыхъ,
Жить для Царей, себя изнурять?

Нѣтъ теперь Мужа, въ свѣтѣ споль славна.
Полю пѣшь пѣсню военну, Смигирь!
Бранна музыка днесъ не забавна,
Слышанъ ошвсюду помный вой лиръ;
Львинова сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами! — что воевать? . . .

LXIII.

НА ВОЗШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Вѣкъ новый! Царь молодой, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны снесѣи!
Мои предвѣщья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолкъ ревъ Норда сиповашый,
Закрылся грозный, спрашый взглядъ:
Зефиры вспорхнули крыланы,
На воздухъ вѣюнъ ароматъ,
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣшетъ.

*

Желанный всѣми неба жинцель,
Ты, миръ! пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ упѣшилъ,
Ошрада царствъ, покой сердецъ,
Пришелъ къ намъ ангелъ благодарный.
Коль шеснвѣ швое красно!
Коль намъ лучи швои прїишны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благоноснѣнно,
Се день спасенья и ушѣхъ!

*

Ушмла Муза, въ дни Борса
Державная велухъ шбенн швнъ,
Влаженннну общему радѣи,
Уроки дая владыкѣ грешннъ!

Передъ Царемъ днесъ благосклоннымъ ,
 Взявъ лиру , пражь съ нею спряси ,
 И сердцемъ радостнымъ , свободнымъ
 Вѣщай , греми , звучи , гласи
 Того ты на престола вступленье ,
 Кого воспѣлъ я въ пеленахъ ,

*

Уже какъ пупникъ утомленный ,
 Прешедшій дальній , тѣсный путь ,
 На лугъ , древами осѣненный ,
 Возлегъ отъ зноя отдохнуть ,
 И внемля вѣтерковъ дыханье ,
 Шумъ быспрыжъ водъ , цвѣты вокругъ ,
 И нимфъ и птицъ совосклицанье ;
 Такъ мой весельемъ полный духъ ,
 Подъ свистъ стромъ Твоимъ покоясь ,
 Прохладой дышетъ и поетъ ,

*

На темный , вижу , шаръ подлунный
 Съ равнинъ небесныхъ горныхъ мѣстъ
 Овенъ молодой , золоторуный ,
 Незапно вшелъ , и спалъ средь звѣздъ .
 Не крошечни-ль символъ въ немъ зрится ?
 Не возрожденъ-ль прежнихъ благъ ?
 Екатерина воскресиши
 Знашь Александра въ временахъ ;
 Такъ , такъ ! Она во Внукъ будешь
 Надъ нами царствовать возбѣшь .

*

Осанка , скромность и прилпность ,
 Ея въ Немъ видѣнь духъ и умъ ;
 Усердье , ревность къ нимъ и святость
 Въ полсвѣтѣ воздвигающъ шумъ .

Смотри! — другъ другу вслѣдъ вѣщаетъ:
 Не образъ ли Ея на Немъ?
 Ужъ по законамъ обѣщаетъ
 Онъ бытъ, по сердцу Ей, Царемъ.
 О радость! духъ воспоргъ обвѣщаетъ!
 Се вижу въ облакахъ Она!

*

Споишъ въ порфирѣ — и вѣщаетъ,
 Сквозь дверь небесну долу зря:
 „Се небо нынѣ посылаетъ
 „Вамъ Внука моего въ Царя.
 „Внимаетъ вы прежде не хотѣли,
 „И презрили мою любовь;
 „Вы сами отъ себя шерпѣли,
 „Я нынѣ васъ спасаю вновь.“
 Рекла — и тѣнь Ея во блескѣ,
 Какъ радуга, сокрылась въ свѣтѣ.

*

Но что? Во плескахъ, восклицаньяхъ
 Ликующей толпы людей,
 Духъ погружается въ степеньяхъ,
 На тлѣнность зря мірскихъ вещей!
 Такъ, что прешоль, вѣнецъ, держава,
 Власть, сила и сіянье благъ,
 Когда спокойнаго нѣтъ права
 И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
 Увы! на что полки и стѣны,
 Коли насъ невинность не спрежетъ?

*

Народны вздохи, слезны стоки,
 Молишвы огорченныхъ душъ,
 Какъ паръ возносящая высокій
 И зараждаютъ громъ среди тучъ;

Онъ вержется, падешъ незапно
 На горды зданіевъ главы.
 Внемлите правдѣ сей шократно,
 О власи сильныя, и вы!
 Внемлите, — и шѣснись блюдишесь
 Вамъ данный управляшь народъ.

*

Нѣшъ, Ангелъ кропости и мира,
 Любимый Сынъ благихъ Небесъ!
 Ты не шаковъ: Твоя порфира
 Ошъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
 Какъ роза, окропясь росою,
 Прекраснѣйшій раскинешъ цвѣшъ;
 Благоухающій Тобою,
 Намъ въ чувства сладость принесешъ;
 Едемъ въ Твоей узримъ Супругѣ
 И рай во дщеряхъ и сынахъ.

*

Не на словахъ Ты милосердье
 Покажешь, на дѣлахъ Твоихъ;
 Развращъ прогонишь, суевѣрье
 Ты нравовъ чистотой свяныхъ;
 Посадишь мудрость Ты съ собою,
 Велишь ей научашъ Себя;
 Пройдешъ съ народною полною,
 Проникнешъ правда до Тебя;
 Ты въ мирѣ брань гоповишь, спанешъ,
 Войну обнимешъ пишиной.

*

Твой домъ пребудешъ безопасенъ;
 И внѣ и внупрь ошъ всякихъ золъ;
 Не златомъ — доблестью прекрасенъ,
 И швердъ на вѣрности пресколъ.

Въ чертогахъ ужасъ да не кажешъ
 Мечъ нагъ и лукъ съ стрѣлой въ рукахъ ;
 Любовь народная возляжешъ
 На спражѣ при Твоихъ врагахъ ;
 Спокойный сонъ Твой оградишя
 Незыблемой спѣной сердецъ.

*

Не смѣюшъ хитроснь , леснь касатся
 И распилатъ Тебѣ сѣней ;
 Ихъ жены , дѣщи ополчатся
 Для безопасности Твоей ;
 Доброша плашится доброшой ,
 А злоба злобѣ воздаешъ.
 Твоею милоснью , щедрошой
 Любимецъ Твой — весь будешъ свѣнъ.
 Какъ солнце , пронъ Твой ушвердишя ;
 Какъ небо , будущъ дни Твои.

*

Какъ тихія рѣки покъ чистый ,
 Они предъ нами пошекушъ ;
 Сверкаючи спруи сребришны
 Миръ въ удивленье приведущъ :
 Блаженствомъ — наояшя селы ,
 Богатствомъ — городовъ брега ,
 Въ далекіе пойдущъ предѣлы
 Поля цвѣнущи и луга ;
 Любезно эхо пронесешя
 Въ неизмѣримости морей.

*

О Боже ! Ты внушилъ рыданье
 И бѣдства наши прекратилъ :
 Днешь шѣхъ же слезъ Ты изліяше
 Прими , какъ запахъ ошъ кадилъ.

Отъ стоновъ — Ты велѣлъ бышь грому;
 Отъ радостей — лучи спусти,
 И Августѣйшему Ты дому
 Печаль въ утѣхи обрати.
 Какъ дождь сквозь солнце, да снизходишь
 Благословенье нб намъ Твое!

LXIV.

Гимнъ кротости.

Силы радужныхъ небесъ,
 Души чистѣйшее спокойство,
 Блескъ тихихъ водъ, Едемъ очесъ,
 О Кротость, Ангельское свойство!
 Опивъ отъ Бога самаго!
 Тебѣ, тобою восхищенный,
 Наспроиваю вдохновенный
 Я струны сердца моего,

Когда среди усердна жара
 Другихъ Писмовъ лирный звукъ
 Царя земнаго полушара
 Гремишь, — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
 Имъ сыплешь бисеръ многоцѣнный:
 Его награды я не прошу;
 Но послѣ всѣхъ, лѣпши чувствій бранный
 Тебѣ я, Кротость, приношу.

Тебѣ! — и ты того достойна.
 Ты ожерелье красоты,
 Ты сану мудрости пристойна,
 Все лучшимъ сошворяешь ты;
 И добродѣтели святыя
 Усовершенствуютъ побой;
 У зависти и спрѣлы злыя
 Отбемлетъ милый образъ твой.

Подруга-ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ? —
 Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердецъ.
 Наперсница-ль въ любви женъ сиротныхъ? —
 Въ семействахъ — счастья ты вѣнецъ,
 Идущъ ли за твоей рукою
 Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —
 Плѣняютъ и враговъ побойю
 Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

А еспьли Царская порфира
 И скипетръ украсяся побой,
 Монархъ шопъ благодѣтель міра.
 Не солнцу-ль равенъ онъ красой?
 На высотѣ блистая прона,
 Онъ освѣщаетъ и живитъ;
 Въ предѣлахъ своего закона
 Течетъ — и всѣмъ благошворитъ.

Не совмѣщаяся объ звѣздами,
 Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
 Но равными для всѣхъ лучами
 Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
 Проходя въ зорь его сквозь бездны —
 И чела узниковъ златитъ;
 Чертоги наполняя звѣзды,
 Сіяемъ въ жижины лепитъ.

Куда свой путь ни обращаешь,
 Въ село, обитель, или градъ:
 Народъ его волной вспрѣчаетъ,
 И дѣши на него шакъ зряшь,
 Какъ бы на Бога лучезарна.
 Преклоншись спарцы на ключахъ,
 Движеньемъ сердца благодарна
 Свермаютъ радостью въ очахъ.

Такъ, Кротость! шакъ ты привлекаешь
 Народныя къ себѣ сердца;
 Всѣхъ паче качествъ составляешь
 Въ Царѣ отечества отца.
 Ты милосерда, и снисходишь
 Въ людскія спрасши, суеты;
 Надломленные не преломишь
 Былики, по неправдѣ, ты.

Сквозь врагъ проходишь сокровенныхъ
 Всеобщая къ тебѣ любовь;
 Въ спранахъ ты слышишь опдаленныхъ
 Пролишую слезу и кровь;
 И какъ елень въ жарѣ къ шоку воду
 Спреминся жажду уполяшь:
 Такъ человѣческа ты къ спону
 Спѣшишь, чшобъ ихъ скорѣй уняшь.

Ты не тщеславна, не спесива,
 Пріятельница тихихъ Музъ,
 Привѣтлива и молчалива;
 Во всемъ умѣренности — швой вкусъ;
 Языкъ и взглядъ швой не обидѣлъ
 Нигдѣ, никакъ и никого.
 О! ешьлибъ я тебя не видѣлъ,
 Не написалъ бы я сего.

LXV.

Къ Царевичу Хлору.

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ Витязь,
Сынъ Матери премилосердной,
Сестеръ и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ, супругъ милой, вѣрной!
О Ты, чей ростъ, и взоръ, и станъ
Есть Витязя породы Царской,
Который больше другъ, чѣмъ Ханъ
Орды, страны своей Тапарской!
Послушай, неба Серафимъ,
Низпосланный щасливнѣе смертныхъ,
Что пишемъ солнцевъ сынъ, Браминъ,
Желая благу Тебѣ несмѣтныхъ!

Доспигъ незашо громкѣе слухъ
До насъ, живущихъ въ Канемирѣ,
Что будто Зороаштровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мѣрѣ,
И воплотясь въ Тебѣ, о Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ престола,
Дабы разцвѣлъ доброты соборъ
На немъ, неслыханныхъ дошолъ.

Такъ точно, говоривъ: что ты
Какой-то чудный есмь Владѣтель;
Души и шѣла красоны
Созвукія на добродѣтель,

Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
 Спращаньи не спрахомъ, — но любовью;
 Блаженствомъ подданныхъ великъ,
 Не покореньемъ царствъ и кровью.

Такъ шепчущъ: будто саму власть,
 Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
 Господства безпредѣльную спрассъ,
 Ты чтишь за власть самоуправну;
 Что будто мудрая на блажь
 Нерѣдко въ умъ Тебѣ приходитъ;
 Что Царь законовъ только спражъ,
 Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
 И ставитъ въ помѣ въ примѣръ себя;
 Что Ты живешь лишь для народовъ,
 А не народы для Тебя,
 И что не свыше Ты законовъ:
 А пѣхъ Пашей, Эмировъ, Мурзъ
 Не любишь и не шеришь ничто,
 Что, сами ползая средь узъ,
 Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
 И бишь себѣ волятъ челомъ; —
 Что Ты не кажешься имъ Богомъ,
 Не ѣдя на Царяхъ верхомъ,
 Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;
 Что не спирая съ шуфлей прахъ
 У Муфтиевъ, Дервишей, Имановъ,
 Въ сбдыхъ считаешь бородахъ
 Ихъ гласъ за гласъ ны Алкорановъ; —
 Что чувствуя въ себѣ одномъ
 Ты власть Небесъ, а слабость смертныхъ,
 Имъ разбирашь себя судомъ
 Велишь чрезъ гражданъ чашныхъ, честныхъ;

Раздоры миромъ прекращать ,
 Закону съ совѣстью поладить ,
 И больше шерсть чшобъ не перять ,
 Овцамъ въ репейники не лазить .

Еще толкуютъ шожь : что гласъ
 Къ Тебѣ народа тайно входитъ ,
 Что тысячью Ты смотришь глазъ
 И въ шапкѣ невидимкѣ бродишь
 Вездѣ твоей духъ , — и на коврахъ
 Летаешь будто самолетахъ ,
 Въ чалмахъ , жупанахъ , чебошахъ ;
 А нужно гдѣ , то и въ жилетахъ ,
 Чшобъ какъ нибудь невинность спасти ;
 И словомъ : многими пухами
 Ты крошку проскирая власть ,
 Какъ солнце , грѣешь міръ лучами .

И даже будто бы съ собой
 Даешь Ты случай всѣмъ воспрѣчаться ,
 Писать на голубяхъ , съ Тобой
 Тань-сякъ и лично обьясняться ;
 И злосць и глупосць на позоръ
 Печатавъ , выставляешь листами ,
 Молошь языкомъ всякой вздоръ ,
 И въ лавкахъ торговать умами ;
 И будто Ты , увидя разъ
 Лису , или волка въ агнчей ножѣ ,
 Вмигъ опъ своихъ стоняешь глазъ ,
 Хошябъ ихъ зрѣлъ въ какомъ вельможѣ .

А наконецъ , хошя и Ханъ ,
 Но шакъ Ты чудно , спрашно мыслишь ,
 Что будто на себѣ кафшанъ
 Народу подлежалцамъ числишь ;

Широувъ богатыхъ не даешь ,
 Убранство , роскошь презираешь ,
 Въ чертогахъ изменныхъ живешь ,
 Царицу чепверней капаешь ;
 И ходя иногда пѣшкомъ ,
 Ты по садамъ цвѣты срываешь ,
 Но злата не соришь мѣшкомъ ;
 Торопишься въ дѣлахъ не скоро ,
 Такъ шьешь , чтобъ послѣ не пороть ;
 Мнишь : не доходомъ въ домъ скоро ,
 А гдѣ умѣренный расходъ .

И подлинно , весьма чудесный
 Бывалъ ли гдѣ такой Султанъ ?
 Да Оромазъ блюдешь небесный
 Тебя , гаремъ , сѣдой диванъ ,
 И всю твою орду Тапарску !
 Да Ангелъ самъ Инсфендармасъ ,
 Покрывъ главу крылами Ханску ,
 Съ своихъ Тебя не спуститъ глазъ ,
 И узелъ укрѣпши священный
 На поясъ твоемъ всегда !
 Да ароматомъ распоренный
 Твой огонь не гаснешь никогда !
 И я дивлюсь и восхищаюсь
 Лишь добродѣтелямъ твоимъ ,
 Какъ той звѣздѣ , что поклоняюсь ,
 И коей подношу здѣсь гимнъ !
 Въ хвалу Тебѣ , и въ присвоенъе
 Ея красотъ и всѣхъ похребъ ,
 Да имя , Хлоръ , твое , правленъе ,
 Напишется на дскѣ судебъ .

Когда же подлая и даже подкупная,
 Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависшь или
 злоспѣ,
 На насъ прольешь свой ядъ: проешимъ имъ
 грѣхъ, вздыхая;
 Не прейдешь бѣдныя чрезъ Аримановъ мостъ.

LXVI.

НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ.

*Прежде неже умрешь ты, добро тво-
 ри другу. . . . и освяти душу твою, яко
 несть во адѣ взыскати сладости.*

Сирах. гл. 14. ст. 13, 16, 17.

И ты, нашъ Неспоръ долголѣпный!
 Нишь прервалъ нѣжныхъ чувствъ своихъ;
 Сно лѣшь прошли — и непримѣны!
 Погасло солнце дней твоихъ!
 Глава сребрился сѣдинами,
 И грудь хощя горитъ звѣздами,
 Но промекла Невы спруя:
 Пресѣклась, Беской! жизнь твоя.

Пресѣклась жизнь, но справедлива
 Хвала твоя не умерла;
 Тѣхъ гробъ, тѣхъ персть краснорѣчива,
 О нихъ говоря дѣла.
 Возримъ ли зданій на громады,
 На храмы Музъ, на храмъ Паллады,
 На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
 И камни о тебѣ гласишь!

Но коль живые монументы,
 Красивѣйшии памятниковъ сихъ,
 Кошорыхъ сладишь элементарны
 Не могушь дланью слабъ своихъ —
 Я вижу, вижу въ челоуѣкахъ,
 Въ различныхъ сослоуяхъ, аѣнахъ,
 Ты сколько обязалъ сердецъ!
 Коликихъ счастья былъ творецъ!

Тамъ зодчій видишь храмъ молитвы,
 Каменосѣтецъ Царскій зракъ,
 Геройски живописецъ биливы
 Одушевляешь на стѣнахъ;
 Тамъ жены, дѣвы благонравны,
 Одежды въ даръ шьютъ домошканы
 Мужьямъ и женихамъ своимъ;
 И вѣрностью гордятся къ нимъ.

А шамъ изъ праха извлеченный
 Чужую грудь младенецъ пьетъ;
 Убогій, нуждами спѣшеный,
 Ошикрышую казну беретъ;
 Сорбенны шарцы и вдовшцы,
 Пишася отъ швоей десницы;
 Опцомъ своимъ тебя зовушь,
 И слезы о тебѣ всѣ льюшь.

Льюшь огонь сердецъ, и имя достопамъ,
 Другъ челоуѣковъ, жертвы сей!
 Мой лириный гласъ тебѣ наспросятъ,
 Чтотбъ доблести воздамъ швоей;
 Да имя, сподъ намъ драгоценно,
 Пребудеть въ вѣкъ благословенно,
 И въ Россахъ да не умреть ты, —
 Еще произрасшишь цѣлты!

И болѣе плоды прекрасны,
 Чѣмъ ты, ты кой самъ вкушалъ,
 Когда художества изящны
 И воспитанье насаждалъ;
 Чтобъ въ родъ великія картины
 Петровыхъ дѣлъ, Екатерины,
 Отъ мраморовъ пускали шумъ
 И двигли къ размышленью умъ!

На колесницѣ лучезарной
 Когда надменный Фаetonъ,
 Леща спезей небесъ янтарной,
 На землю сылетъ и на помпъ
 Кровавы искры по аэру,
 Гремилъ, пряселъ возженну сферу,
 И звучнымъ буйствомъ паковымъ
 Ввепъ вихремъ за собою дымъ.

Тогда мужъ мудрый, благошворный,
 Крошчайшу славу возлюбя,
 На трудъ полезный, благородный
 Свою всю жизнь употребя,
 Сиротъ, науки лобызаетъ,
 Приличнѣй жерпвы посвящаетъ,
 Чѣмъ горды Божеству мечпы:
 Лучъ милоспи былъ, Бецкой, ты!

Кто въ браняхъ лилъ попоки крови,
 Кто грады въ прахъ преобразалъ;
 Ты милосердья полнъ, любви,
 Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ.
 Кто блескъ любилъ, — ты усстранялся;
 Кто богашѣлъ, — ты ущедрялся;
 Кто распочалъ, — ты жизнь беретъ;
 Кто для себя, — ты жилъ для всѣхъ.

Сіе сравненье безпристрастно
 Пускай прочтешъ твой самый врагъ,
 Увидишъ зрѣлище прекрасно
 Въ твоихъ преклонныхъ даже дняхъ:
 Какъ огонь лампы ароматный,
 Горѣлъ, порасъ, пустилъ пріятный
 Вкругъ запахъ ты. — Последний вздохъ
 И мысль твоя — щедрошъ былъ Богъ.

Но коль несчастны человеки,
 Неблагодаренъ смертныхъ родъ!
 То все доказываюшъ вѣки,
 Что лишь за громомъ громъ идешъ.
 Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
 Убийствъ бываешъ слава цѣна,
 Тогда забышъ онецъ семействъ!
 Исторія есть цѣль злодѣйствъ.

Почій покойно, персь почтенна!
 Мірская слава шолько дымъ;
 Небесна истина священна
 Надъ гробомъ вопіешъ твоимъ:
 „О смертные! добро творите,
 И души ваши освятише,
 Доколѣ не прешли сей свѣшъ;
 Безъ добрыхъ дѣлъ блажесшва нѣшъ.“

LXVII.

М А Н Е В Р Ы.

Громовой упряжи, шучь молниенныхъ
Правитель,
На ржаущихъ бурями лепшающихъ коняхъ,
О Геній браней! богъ героевъ, покровитель,
Живущій мужества въ сердцахъ!
Изъ вьющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ,
дыма, треска,
Съ бѣгущаго струей по пшину ружей блеска,
Склони угрюмый, грозный взоръ
На лирный слабый голосъ мой.

Ты научилъ Петра пощѣхами, въ дни млады,
Росадинъ насадишь перуновъ и побѣдъ;
Румянцова, въ сценяхъ водишь гремящи грады;
Суворова, — во сердце вредъ
Врагу вносишь, какъ громъ, какъ молніи,
шпыками,
Флоръ Чичагова спасишь опъ прехъ силъ
между льдами;
А Круза, — паруса въ оппоръ
Подняишь Пешролою спѣной.

Ты мужество вливалъ Герою молодому;
Возмѣрны высопы и бездны проходишь;
Зрѣишь съ скалъ на колыбель почющаго грома,
По молніямъ полки водишь;

И грудь порфирну скрывъ, непрепетно эги-
домъ

Разишь средь Альповъ змѣй, съ полуночнымъ
Алкидомъ,

Чтобъ браннымъ Святославомъ спавъ,
Свой взяшь соименимый градъ.

Монаржу Сѣвера давъ орлій духъ и смѣлоспъ,
Какъ въ выпренноспъ валепапъ, какъ низ-
пускапъся въ долъ,

Вдыхай, вдыхай ему науки бранной зрѣлоспъ,
Какъ охраняпъ ей царспвъ пресполъ,

Онъ, воевъ храбрыхъ грудь силопя во пвер-
ды спѣны,

Искусспвомъ кажепъ вмигъ волшебныя пре-
мѣны:

То ихъ дѣля, то ихъ смѣщавъ,

Зовепъ съ нихъ огнь, и смерпъ, и адъ.

Вспанъ, Цезарь, Ганнибалъ, Карлъ, Фридрихъ,
изъ могилы!

И изумленный взоръ изъ мрака броспте свой
На движущіяся фаланговъ Росскихъ силы,

На сей блестящій, красный спрой!

И въ шомъ признаптесь вы безъ самолюбья
спраспи:

Чтобы вселенную своею подвергнушь власпи,

То Діевъ только сынъ возмогъ,

И можетъ развѣ Руской Царь. —

Такъ, Александромъ бывъ, будь побѣдителемъ
спѣша,

О исполиновъ Вождь! Но не чрезъ брань и
кровь,

А милрсрдіемъ и мудроспью одѣша

Пуспъ будепъ мочъ спвоя — любовь.

Какъ Зевсъ , держи перуны и имъ сверкай
по небу ;
Но благошворному подобись больше Фебу ,
Свѣпни на свѣлѣ , какъ свѣта Богъ ,
Миря грозой мятежну шварь !

LXVIII.

У т р о .

Огнестый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Мешалъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы ;
Лежала на холмахъ вокругъ ночь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна ;
А только въ шровъ свѣсть , асовъ лисны
неспали ,
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ , со сна
поноковъ ревъ ,
И нрѣдка вдали рычаній левъ
Молчанье прерывали.
Клеантъ , проснувшійся въ пещерѣ , всталъ
И свѣта дожидался :
Но говоръ птицъ една по малу слышанъ
спалъ ,
Вкругъ по брегамъ раздася ,
И вскринулъ соловей ;
Тумана , свѣта сѣнь по небу разпростерлась ,
Сокрылся Сиріусъ за ней ,
И ночь бѣгущая тушь зрѣлась.
Мудрецъ возшелъ на вышній холмъ ,
И шамъ сѣдымъ склонясь челомъ ,

Возсѣлъ на мшистый пенъ подъ дубомъ мно-
 голѣшнымъ ,
 И внизъ изъ-подъ вѣшвей пустилъ свой взоръ
 На море , на лѣса , на сини цѣпи горъ ,
 И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
 Отъ сна на вступающій мѣръ.
 Какое зрѣлище ! какой прекрасный пиръ
 Оширлся всей ему природы !
 Онъ видѣлъ землю вдругъ и небеса , и воды ,
 И блескъ планетъ ,
 Тонущій тихо въ юный , рдяный свѣтъ.
 Онъ зрѣлъ : какъ солнцу путь заря угошов-
 ляла ,
 Лиловые ковры съ улыбкой разшилала ,
 Враша воспока опшерла ,
 Крылашихъ коней запрягла ,
 И звѣздъ царя , сего вѣнчаннаго возницу ,
 Румяною рукой взвела на колесницу ;
 Какъ хоромъ упренныхъ часовъ окружена ,
 Поднигнулась въ свой путь она ,
 И возшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна ;
 Багряны вожжи напряглися
 По конскимъ блестящимъ хребтамъ ;
 Лепятъ , вверхъ пышутъ огнь , свѣтъ ме-
 щутъ по странамъ ,
 И мглы подъ ними улеглися ;
 Тумановъ рѣки разлилися ,
 Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ ,
 Челомъ сверкая золотымъ ,
 Возспали горы изъ долинъ ,
 И возкурился сверхъ ихъ тонкій
 дымъ .

Онъ зрѣлъ; какъ свѣта Богъ съ морями лишь
сравнился,

То алый лучъ по нихъ восколебался,

Посыпались со скалъ

Рубины, яхонты, кристалъ,

И бисеры перловы

Зажглись на вѣнцахъ;

Багряны пѣны, бирюзовы

Слилися съ златомъ въ облакахъ;

И все — сіяніе покрыло!

Онъ видѣлъ: какъ сіе божественно свѣтило

На высоту небесъ внесло свое чело,

И пропащей лице лучами разцвѣло!

Открылося морей огненно прощенье:

Тамъ съ холма внизъ глядишь, навѣясь,

темный недръ,

Тамъ съ шумомъ вержетъ книжъ на воздухъ

рѣкъ стремленье,

Тамъ чолы на парусахъ бѣжишь среди под-

ныхъ шдѣръ;

Тамъ выплывъ изъ пучины

Играютъ, рѣзвятся дельфины,

И рыбъ снада сверкаютъ чешуей,

И блещутъ чужды чрева бѣлуги.

А тамъ среди лѣсовъ гора пересмугаешь,

Подземлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды

снѣдаетъ.

Здѣсь вмѣстѣ два холма срослися

И на верблюды поднимаешь;

Тамъ конь, пуши по вѣтру гриву,

Бѣжитъ и мочитъ волнистому ниву.

Здѣсь крошитъ подъ пушистымъ мехомъ,

Глазами красными блестящъ;

Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ спрѣ-
 лами,
 Стояшъ на крупизнахъ, висяшъ подъ обла-
 нами;
 Тущъ взоры пламенны вверху успрямля къ
 нимъ,
 На лапахъ жидисныхъ сидишъ зубастый
 скимъ;
 Здѣсь неспрый алчный пугръ въ лѣсѣ кра-
 дится дѣбришый
 И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговъшвисный;
 Тамъ въ плещущимъ ключамъ въ зеленый
 мигкій логъ

Стремится въ жаждѣ ниць единорогъ;
 А здѣсь по воздуху винаетъ
 Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой,
 Лѣса, поля, моря и холмы населенъ
 Чудесной нестропой;

Тѣ въ златѣ, шѣ въ серебрѣ, тѣ въ розахъ,
 тѣ въ багряцахъ,
 Тѣ въ свѣшлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ,
 сизыхъ глянцахъ,
 Гуляющъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вокругъ
 озеръ;

Надъ ними въ высотѣ ширяется Орелъ!
 А тамъ съ пологихъ горъ, селъ крови, ба-
 шенъ спицы,
 Лучами опразясь, мелькающъ на водахъ.
 Тущъ слышанъ рога зовъ, тамъ эхо ошъ
 цѣвница,
 Блеянье, ржанье, ревъ и шопощъ на лугахъ:
 А здѣсь сквозь щичій хоръ и шумъ ошъ
 водопада

Несущся громы въ слухъ съ великолѣпна
града ,

И извѣщаютъ здѣхъ прудъ.

Тамъ поселане плугъ влекутъ ,

Здѣсь сѣни рыболовъ кидаешъ ,

На удѣ блещешъ серебро ;

Тамъ оны съ оружья войснъ сверкаешъ. —

И все то благо , все добро !

Клеантъ , на все сіе взирая ,

Былъ внѣ себя Природы оны чудесъ ,

Верховный умъ Творца воображая ,

Излилъ потоки сладкихъ слезъ. —

„Все дѣло рукъ Твоихъ!“ вскричалъ во умиленьѣ ,

И арфу въ восхищеньѣ

Пріявъ , благоговѣнья полнъ

Въ Фригическій наспроя тонъ ,

Умолкъ. — Но лишь съ небесъ съвозъ дуба

сводъ липвяный

Проникнувъ , на него палъ оны багряный ,

Врада сребристая , чело

Зардѣвшися , какъ солнце , разцвѣло ; —

Ударилъ по струнамъ , и оны холма съ вер-

шинъ

Какъ искръ струи въ долъ быспро покани-

лись ,

Далеко звуки разгласились ,

Воспѣлъ оны Богу гимнъ.

LXIX.

АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.

Плашовъ! — Европѣ ужь извѣстно,
Что силъ донскихъ ты страшный вождь.
Въ распахъ, какъ бы колдуишь, всебѣсно
Падешь какъ снѣгъ ты съ тучь, иль дождь.
По черныхъ вороговъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью, видя мѣшу,
Подходишь къ вражьи въ вдругъ носамъ;
И зря на шускъ, на блескъ червошца,
По солнцу, иль прошиву солнца,
Свой учреждаешь ершаулъ
И тайный спавишь караулъ.

*

Въ правѣ идешь, — съ правою равень;
Въ лѣсу, — и равень лѣсѣ съ главой;
На конь вскокнешь, — копъ шихъ, не правень,
Но вихремъ мчится подъ шобой.
По камню-ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь, — и слѣду ибшь!
По влакль-ль бѣлой русемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день, — лишь струйка слѣдъ.
Орломъ ли въ мгла парнишь срущенной,
Спрѣлу сбчешь ей въ слѣдъ пуцциной,
И брося пешакъ округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей.

*

Разилъ шы льва , лунѣ гнулъ роги ,
 Ходилъ пропиву солица въ бой ;
 Медвѣдей , шигровѣ , средѣ берлоги
 Могучей задушаль рукой :
 Почпо-жѣ вепря щетино-черна ,
 Залегшаго въ лѣсахъ средѣ блашѣ ,
 Съ клыковѣ кошораго кровь , пѣна
 Течешѣ — зловоніе и ядѣ —
 Ошѣ рыла взрышы вкругѣ могилы ,
 Отѣ взоровѣ пламенны свѣшилы
 Край заревомѣ покрыли весь —
 Арканомѣ не схвашилъ поднесѣ ?

*

Чпо-жѣ спалѣ ? — Борза-ль коня не спало ?
 Возьми коверѣ свой самолешѣ . —
 Ружейнаго-ль снаряду мало ?
 Мачни ширинкой , лѣсѣ падешѣ . —
 Запаса ли не видишь хлѣбна ?
 Гложи желѣзны просфиры . —
 Жунашѣ ли , епанча-ль пошребна ?
 Самѣ невидимкой все бери .
 Сапогѣ нѣшѣ ? — Спущни самоходны ,
 Надѣнѣ перчашки самородны
 И дуй на огонь , на мразѣ , на гладѣ :
 Россійской силѣ нѣшѣ преградѣ !

*

Бывало вѣдѣ и въ прежни годы
 Взлешала саранча на Русѣ ,
 Многообразныя уроды
 Грозили ей налогомѣ узѣ .
 Былѣ грѣхѣ , отѣ сварѣ своихѣ кряшѣмѣ ,
 Теряли листвомѣ и главы :

Но лишь на Бога мы возврѣли,
 Отъ сна вспрянули будто львы.
 Былъ врагъ Чипчанъ; — и гдѣ Чипчаки?
 Былъ недругъ Ляхъ; — и гдѣ нѣ Ляхи?
 Былъ сей, былъ шопъ; — ихъ нѣтъ! — а Русь?...
 Всякъ знай, мошай себѣ на усѣ.

*

Да какъ же это такъ случилось?
 Забожились, какъ днесь, Цари;
 Премудро все распоряжалось,
 Водили рать богатыри:
 При Святославичѣ Добрыня
 Убилъ дракона въ облакахъ;
 Чернецъ Донскаго — исполина
 Тамарскаго повергъ во прахъ. —
 Голицынъ, Шереметевъ, Львовъ
 Крушили зубы въ дни Петровы;
 Побѣдъ Екатерины лавръ:
 Чесма, Кагулъ, Крымъ, Рымнийъ, Тавръ.

*

Не ужь-то Альпы въ мѣрѣ шапка?
 Тамъ молнии Павла видѣлъ Галъ;
 На клячѣ бѣлая рубашка
 Не разв его въ усы щелкалъ:
 Или шеперь у Александра
 При войскѣ нѣту молодца?
 Съ крестомъ на адска Саламандрѣ
 Уже-ль нѣ сыщется бойца?
 Внемли же моему ты гласу:
 Усердно помоляся Спасу,
 Въ чешыре стороны поклонѣ,
 И изъ ноженъ буланъ ты воинъ!

*

И съ свисломъ звонкимъ, молодецкимъ,
 Разбойника сбрось соловья
 Съ дубовъ копьемъ вновъ мурзавецкимъ,
 И будь у насъ второй Илья;
 И заперши въ желѣзной клешнѣ,
 Какъ желтоглазаго сыча,
 Уранга, сфинкса на веревкѣ
 Примми, за плечыи впопсча.
 Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,
 Лицомъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
 Пошли ты за себя за злымъ;
 Двадцатый жонь — прїѣдешъ съ нимъ.

*

Для лучшей, крабрыхъ душъ подмоги,
 Ты расскажи имъ Руску была:
 Чшо шарики, бывъ въ службѣ спроги,
 Всѣ невозможности чли въ пыль;
 Сжигали грады воробьями,
 Ходили въ лодкахъ по земахъ,
 Тонили вражїи спанъ прудами,
 Имѣли шщу въ виселѣхъ,
 Спускались въ мрачны подземелья,
 Живошъ считали за бездѣлья;
 Къ отчизнѣ ревностью горя,
 За вѣру мерли и Царя.

*

Однако-жъ, чшобъ не бытъ и жеривой,
 Ты мечъ имъ кладенецъ отдай,
 Живою водой ихъ спрысни, мершвою,
 И горы злата обѣщай;
 Чернессеновъ, Грузиновъ мильхъ,
 У ноихъ зарыныи уста,
 Бровь черна, жилъ по шѣлу синихъ
 Сивозъ видѣиъ огнѣ и крабшта;

А на грудяхъ , какъ пухъ зыбучихъ ,
 Лилей кусты и розъ пахучихъ ,
 Манящъ въ себѣ и сшарцевъ длань :
 Ты , словомъ , все сули имъ въ дань .

*

Я дочь свою и самъ крестову ,
 Красотку юную , во бракъ
 Опдамъ тому , кто грудь орлову
 На славный сей опважилъ шагъ ;
 Денисовымъ и Краснощокимъ ,
 Орловымъ , Иловайскимъ въ слѣдъ ,
 По безднамъ , по горамъ высокимъ
 Въ домъ опчій лавръ кто принесетъ :
 Дѣвицы , барыни Донскія ,
 Вздѣвъ плашья Рускія , златыя ,
 Введутъ его въ крестовъ черноръ
 И воспоютъ : великъ нашъ Богъ !

*

Подъ вечеръ , упромъ , на зарянкѣ ,
 Сей радостный услыша гласъ ,
 Живя уединеннымъ въ Званкѣ ,
 Такъ слякъ взбреду я на Паргассѣ ,
 И ибсию войску тамъ Донскому ,
 Тебѣ , на гусалхъ пробренчу :
 Да бѣлому Царю , младому ,
 Въ вѣнцѣ алмазы разцѣвчу . —
 Пусть звукъ ужасныхъ днешнихъ боевъ
 Сподвижниковъ его Героевъ
 Мои повторятъ холмъ и лѣсъ ,
 И гуль шумитъ , какъ громъ небесъ !

LXX.

С л а в а.

*День дню отрыгаетъ глаголь,
И ночь ночи возеѣщаетъ разумъ.*

Еще-ль, Цари! вамъ имя громко
Бышь мнился славою прямой?
Еще-ль, мудрецъ! ее ты полько
Чпешь дыма блестящей спруей?
Признайшесь, — ваша мысль неправа!
Увѣрьшесь Истины въ словахъ:
Безсмертная, прямая Слава
Есть цѣнь цвѣтущихъ вѣчно благъ.

*

Что-жъ хвалишься во злобѣ, сильный,
Внушрь беззаконіемъ и виѣ?
Коль ты чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ шоки крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святошашну неба чешь,
Повергъ прешолы, храмы, грады
И могъ Царей всѣхъ выше сѣспь?

*

Положимъ край швоихъ желаній:
Въ водахъ, въ земляхъ, внушрь дикихъ мѣстѣ
Распространя завоеваній
Коснушься даже самыхъ звѣздъ. —
Се горь и рѣкъ уже не спало;
Какъ вихрь промчался на крылахъ,
И все передъ тобою пало.
Но что же славы въ томъ? — Ты прахъ!

*

У

Увы! — и каждую минушу
 Пишаючи вѣ себѣ змию,
 Коль разжигаетъ жажду люшу
 И жрешь самъ внутренность свою,
 Почпо явишь вѣ себѣ Таншала
 И ловишь мнимой Славы шѣнь?
 На по-ль, чшобѣ о тебѣ сказала
 Словѣ нѣсколькo Аѣинска чернь?

*

Безумецѣ! знай, когда вѣ надмѣнѣѣ
 Ты Богѣ мечшаешь бышь вѣ себѣ,
 Лишь шиграмѣ пы идешь вѣ сравненѣе
 И вѣ сердцѣ шомѣ, кто льспишь тебѣ.
 На погребенны пепломѣ грады,
 На кровь, на слезы зря людей,
 Какихѣ ждешь жершѣвѣ, похвалѣ, пощады
 Ошѣ нашихѣ и грядущихѣ дней?

*

Виждѣ: тайно, мрачно днесѣ вздыханѣе
 Вѣ слѣдѣ ходишь всюду за шобой;
 А завпра кляшвы, восклицанѣе,
 На гробѣ швой громѣ повергнушь свой. —
 Кто-жѣ замыслы исполнишь спрашны,
 Чѣмѣ мѣрѣ поработишь мнилѣ весь?
 Гдѣ блескѣ, гдѣ звукѣ, гдѣ пышны брашны?
 Ты былѣ — и нѣшѣ! швой слухѣ исчезѣ!

*

Се громка Слава сильныхѣ мѣра!
 Се образецѣ геройскихѣ дѣлѣ!
 Во слѣдѣ кроваваго ихѣ пира
 Что видимѣ мы? — не груды-ль тѣлѣ?
 Не кости-ль на поляхѣ смердящи?
 Не запусшѣнѣе-ль, нуждѣ всѣхѣ мать? —
 Ахѣ! можно ли споль злы губящи
 Правдиво Славою назвашѣ?

*

Но и хранящій спороги нравы,
 Угрюмый доблестію мужъ,
 Не опревай совсѣмъ чувствъ Славы
 И пы отъ любочестныхъ душъ.
 Всѣмъ смершнымъ славолубье сродно;
 Различенъ путь лишь и предметъ:
 И въ бочкѣ Циникъ благородно
 Веѣль Царю не шмишь свой свѣтъ.

*

Тому мила чрезъ то извѣстность,
 Тотъ мнишь инымъ бышь имянишь;
 Но полъвъ шворцу чрезъ кропость, честность,
 Звучнѣй всѣхъ плескъ принадлежишь. —
 Ощецъ семействъ, законодатель,
 Забрало отъ папей, новарствъ,
 Сохи, серпа изобрѣшатель,
 Бича славнѣй по правдѣ царствъ.

*

Возьмемъ же въ прошивуположность
 Тирану, добраго Царя,
 Всю ишощившаго возможность
 Блаженство подданныхъ швора:
 Не зримъ ли тенія въ немъ неба,
 Блещяща радуги лучомъ;
 Въ томъ — мрачна демона Эреба?
 Тотъ сыплетъ свѣтъ, — сей вержетъ громъ.

*

Глушна убійцъ народовъ Слава.
 Я тихой дорожку молвой:
 Той — меши нѣдришся оправа,
 Сей — засѣвается покой.
 Подрывъ и вражью съ пресномъ граду
 Не радуешь души моей;

Стихъ добрыхъ думъ одинъ въ награду
Жметъ сладки слезы изъ очей.

*

Какой восторгъ души блаженной!
Какая слава, вѣчна честь,
Какъ храмъ для бѣдныхъ учрежденной
Придешь, гдѣ воспишанье, зрѣшь
И въ скорбяхъ сущихъ врачеванье!
Тышъ Царь — отецъ, Царица — мать.
Умъ можешь скиптровъ шамъ снѣжанье,
Здѣсь будетъ сердце одобряшь.

*

Но естли больше обоженна
Гдѣ Слава долженствуетъ бышь,
То въ образъ щипа священна,
Кто лавромъ могъ себя покрышь.
Во оборонѣ лишь опчизны
Вѣнчаетъ Славою война.
Могилы — въ жершвенники призны
Преображаетъ намъ она.

*

Такъ, доблестъ токмо превосходна
Должна по правдѣ славной бышь;
Благошворителя народна
Долгъ сердцемъ и уснами чпшишь.
Се солнце Творческой державы
Вѣщаетъ силу безднѣ сквозь тьму:
„Богъ благъ, — одинъ Онъ Царь естъ славы,
„И вся поклонится Ему.“

НА СРЪТЕНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Внемлите Царства! поднимитесь,
 О князи (*) врагѣ градскихъ, скорбѣ! —
 Раздайтесь слогны, разступитесь
 Отъ гласа радости моеѣ!
 Возстань, сръшай, о Сѣверѣ бранный!
 Се въ лаврѣ и пальмы увѣнчанный
 Великій АЛЕКСАНДРЪ идешь,
 Не, Царствѣ вселенной Покоритель,
 Но ихъ отъ узѣ Освободитель,
 Царь славы, Царь сердецъ грядеши!

*

Танѣ: мужеству-ль ЕГО дивитесь?
 Изгналь ОНЪ пвердостью враговъ!
 Великодушію-ль чудитесь?
 ОНЪ мещью ихъ не пролилъ кровь!
 Красѣ-ль, щедростѣ-ль покланяетесь?
 Се плѣнны ИМЪ благошворятся
 Безмездно Царства и Цари!
 Иль ублажашъ ЕГО смиренье?
 ОНЪ Богу шолько въ прославленье!
 Творилъ добро, смирялъ Царствѣ при!

*

На лоно опчее, на гѣбзды,
 Подъ сѣни роцѣ и пихихъ селѣ
 За НИМЪ орлы, въ ихъ персяхъ звѣзды,
 Изъ молніевъ вѣнцы вдругъ челѣ,

(*) Портики, или надвратные переклады.

Паряшъ и кроютъ свѣшъ крылами?
 Европа плескомъ и хвалами
 Ихъ твердый духъ и нравы чшишъ,
 И съ сожалѣньемъ благодарнымъ
 За Царевождемъ лучезарнымъ
 И мысль и взоры въ слѣдъ стремишъ.

*

Гряди, Избранный Небесами,
 Великія свершивъ дѣла.
 ТВОИ подвигъ тысячью вѣками
 И честь ТВОЮ не скроетъ мгла,
 Се громъ за громомъ по эфиру
 Капясь благовѣствуешъ міру,
 Чпо шествуешъ къ дѣшямъ Опець. —
 Спускаясь солнце въ поншъ дивишся,
 Чпо градъ Пепровъ свѣшлѣе зрится
 Опъ пламени къ НЕМУ сердець!

*

На вышнія Россія горы,
 Толпясь, съ поспѣшностью шечешъ,
 Чшобъ на Героя бросишь взоры
 Вдали, на блескъ ЕГО побѣдъ;
 Какъ громовержною рукою,
 Но больше мудрою главою
 Ужасны силы ОНЪ исполнилъ,
 И пламенъ жрущаго дракона
 Низвергъ съ похищеннаго тропа,
 Царей и Царства свободилъ.

*

По неизмѣрному пространству
 Рѣкъ за-Рифейскихъ и степей,
 Кавказскихъ, Таврскихъ Ордъ подданству,
 Гдѣ сильныхъ тысячи Князей

Въ подвижныхъ и недвижныхъ градахъ (*)
 Живя край свѣта дней въ прокладахъ
 Молвяшъ въ пирахъ народовъ ихъ:
 „Хвала полнощному Давиду,
 „Что не далъ Галламъ насъ въ обиду.“
 И огонь изъ насъ ихъ пьюшъ злапыхъ.

*

На Терекѣ, Уралѣ, Донѣ,
 Лепучи пучи - козаки,
 Сѣдыхъ, сухихъ морей на лонѣ
 Разсылавъ бурные полки,
 Какъ вихрь, въ играхъ, вершась кружась,
 Учишъ сыновъ и внуковъ щашся,
 Какъ всякъ изъ нихъ сто Галловъ свергъ.
 Молниеносны спѣны рапы,
 Звукъ трубъ и флейтъ сливъ въ громъ при-
 ипный
 Торжествъ ихъ плещутъ средь ушѣхъ.

*

Но коимъ свѣпился вѣщоргомъ
 Сиротъ порфиросна Мать,
 Насъ наградивша Полубогомъ,
 Того не можно описатьъ.
 Зрѣшъ Сына въ славѣ — сердца сладость,
 Ея всѣмъ Ангельская радость
 Видна на взорахъ и успахъ.
 Цари велики какъ зарницы
 Въ пошъ съ неба зря, — въ немъ зря ихъ
 лица,
 Съ НЕЙ не сравниются въ лучахъ.

*

(*) Улусы, или кочевыя селенія, переносящіяся съ мѣста на мѣсто.

И ты, о древняя Камена (*)!
 Сбдой сребрящаяся главой,
 Не чая бышь ужь споль блаженна,
 Чтобъ гласъ еще возвыситъ свой
 Въ хвалу тобой дивъ предреченныхъ,
 Узря ихъ нынѣ совершенныхъ,
 Удвой, удвой пвоихъ спрунъ кликъ,
 Звучи: „кто Богъ нашъ, какъ Богъ велій!“
 Тобой воспѣшый въ колыбели
 Днесъ болѣй всѣхъ земныхъ Владыкъ!

*

О диво — мыслямъ непонятно!
 О благоспъ — щедрыхъ къ намъ Небесъ!
 Величье невѣрояшно,
 Какимъ въ шоль крапки дни вознесъ
 Россію Царь благословенный!
 Нашъ мечъ, въ ножны ИМЪ невложенный,
 Едва сверкнулъ съ своихъ жилищъ, —
 Уже на Эльбѣ и на Рейнѣ
 Гремишь, блещишь, разишь на Сейнѣ,
 И передъ Нимъ простерши Парижъ!

*

Парижъ! — сынъ истый Вавилона,
 Кумиръ народовъ и Царей,
 Гдѣ Бога, вѣры и закона
 Никто не чнилъ, кромѣ спрастей,
 Въ которомъ Корсѣ, пришлецъ надмѣшный,
 Мечнавъ ось обращаешь всеелны,
 Россію ни во что вмѣнялъ:
 Какъ Ураганъ — вздымалъ воли холмы,
 Какъ Люциферъ — ещаль въ швердъ грома;
 Но АЛЕКСАНДРЪ предсталъ: — оиъ палъ!

*

(*) Муза.

Гиганты міра! научишесь
 Примѣромъ симъ. — О царствѣ Главы!
 Превыше мѣръ не возносишесь
 И съ Богомъ не равняйшесь вы,
 На скипетръ опрясь свой исполинскій!
 Предъ Нимъ ничтожны вы и низки,
 Коль правда, вѣра не за васъ;
 Онъ одиъ твердыня троѳа.
 Гдѣ блескъ меча Наполеона? —
 Предъ солнцемъ правды онъ погасъ.

*

Объемлетъ умъ благоговѣнно
 Мой, ужасъ, радость и восторгъ:
 На стогнѣ молился смиренно,
 Зрю — АЛЕКСАНДРЪ! — и свѣта Богъ.
 Какъ, взглядомъ пьму ОНЪ освѣщаетъ,
 Врагамъ щедрою опмщаетъ
 И прахъ Людовика свящитъ!
 Во изумленьи, золь столица,
 Склона колѣна, горды лица,
 Токъ умиленныхъ слезъ спруитъ!

*

Какіе клики, разговоры,
 Племенъ различныхъ поржесство!
 Какіе радостные взоры
 На ихъ блаженства — Божесство!
 Ливанъ — шамъ храмы изливаютьъ;
 Тамъ дѣвы, юности бросаютьъ
 Къ стопамъ Спасителя цвѣты!
 Когда, какой и гдѣ Власишель
 Толикихъ душъ былъ вдругъ пѣнишель?
 ОНЪ Ангелъ благи и красоты!

*

ОНЪ гений, съ небеси низсланный!
 МАРИИ крошкою рожденъ,
 Чшобъ вѣкъ былъ мирошворецъ славный
 И Сыномъ Божьимъ нареченъ.
 ОНЪ громы ушшилъ военны,
 Воздвигнулъ проны низложенны;
 Безъ пользы своихъ плѣнилъ сердца.
 На Геликонѣ я двухолмною
 Лиръ очарованъ всюду звономъ
 Съ конца Европы до конца!

✱

Тамъ обнимаются супруги,
 Сыны и братья и сестры;
 Мечи куются — въ сельны плуги;
 Шаи кроютъ — снаперши, ковры;
 Поля, — бывъ пруповъ мершыхъ полны, —
 Спрулися класами, какъ волны;
 Пестрѣетъ лугъ въ рѣкахъ и брегахъ;
 Стада на пажиняхъ тучиѣютъ;
 Попутны вѣтры въ парусъ вѣютъ,
 И вѣмъ злагой напшся вѣкъ.

✱

Текутъ дни райскіе, незлобны;
 Сопразднуетъ народамъ шварь!
 И все сіе Богоподобный
 Даруетъ, миролюбный ЦАРЬ!
 А ты, о бичъ и царствъ воинель,
 Желавшій свѣта бышь власшипель!
 Взгляни череповъ на косшры;
 Вела тебя гдѣ слава мнима,
 Тамъ дымомъ швердъ доднесъ мрачима
 И рдѣютъ кровію зары.

✱

Надъ пещами шамъ кляшвы воюшъ ,
 На небо споны вошюшъ ,
 Въ могилахъ черви прахъ швой взроютъ ,
 Какъ въ жизни совѣсть враны рвушъ .
 Почто же было такъ шрудисься ,
 Чтобъ бышь шебъ великимъ мнишься?
 Великимъ злоба не шворишъ . —
 Сія честь существу благому
 И слава , — но не духу злому —
 Безсмершье принадлежишъ .

*

Но ошвратимъ скорѣй зѣницы
 Сь позорища кровей и слезъ ,
 Злой демонъ шасшья сь колесницы
 Упалъ , — и слухъ о немъ изчезъ .
 Пойдемъ же и просшремъ мы дшани ;
 Сердца повергнемъ вмѣсто дани ,
 Любовью къ Отцу горя ;
 Хваля ко брани изхожденье ,
 Восхвалимъ днесъ и возвращенье
 Благословеннаго ЦАРЯ .

*

Пойдемъ и сопржемъ сь любовью
 Надежду нашу на Того ,
 Кто Самъ сожертвовалъ намъ кровью ,
 Мы все получимъ отъ Него :
 ОНЪ храбросши — воздастъ усердые ,
 Явишъ терпѣвцимъ — милосердые ,
 Невинныхъ узы — перерветъ ,
 Созидаетъ дома — разореннымъ ,
 Дастъ правосудье — пришѣсненнымъ ,
 Всѣхъ благочестьемъ превзойдетъ ,

*

И мы ЕГО душою полны,
 Идемь ЕГО добротъ во слѣдъ,
 Покажемь, что ЕГО достойны,
 Что насъ счастливей въ свѣтѣ нѣтъ.
 Стопы ЕГО облобызаемь,
 И въ Немъ съ горячностью познаемь
 Царя — ревнишеля Христа.
 Въ восторгахъ сильныхъ пыхнетъ радость,
 Слѣзъ руслей не лишся сладость.
 И полонъ чувствъ, — молчанъ уста!

*

Но чиню себя и пѣмъ счастливымъ,
 Что ничто въ славу ЕГО пѣлъ,
 Что сердцемъ вѣщимъ, справедливымъ
 Тотъ днесъ триумфъ запечатлѣлъ,
 О коемъ предвѣщалъ я прежде:
 Се Царства въ сбывшейся надеждѣ
 Пришли стопы ЕГО лобзать!
 Меня народы не забудутъ:
 Хвалы мои ЕМУ вѣкъ будутъ
 Моря и горы повторять.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я
А Н А К Р Е О Н Т И Ч Е С К І Я .

СТИХОТВОРЕНІЯ АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ.

I.

ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ.

Вамъ , Красавицы младыя ,
И супругѣ въ даръ моей ,
Шѣсни Леля золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей,
Нравишься ужъ я безсиленъ
И коньсемъ и сайдакомъ ,
Дуренъ , старъ и не умиленъ :
Бью стихами вамъ челомъ.
Бью челомъ ; — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ ,
Лѣшомъ ходите по розамъ ,
По лугамъ и муравамъ :
То и праха не лобзаю
Я прелесныхъ вашихъ ногъ ;
Чувства тѣ лишь посвящаю ,
Что любви всеильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламеньъ,
Въ душу силу влилъ огня ;
Сыплющъ искры , снѣгъ и каменьъ
Подъ снопами у меня.

II.

Амуръ и Психея.

Амуру вздумалось Психею,
Рѣзвися, поймашь,
Опушашься цвѣтами съ нею
И узелъ завязашь.

Прекрасна плѣнница краснѣетъ
И рвется опъ него:
А онъ какъ будто бы робѣетъ
Отъ случая сего.

Она зовешъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязашь;
А онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подашь.

Пріяшность, младость къ нимъ спремнися
И имъ служишь хошяшь;
Но узники не суешяся,
Какъ вкопаны стояшь.

Ни крылышкомъ Амуръ не пронешъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Психея не бѣжитъ, не спонешъ;
Свидись какъ листъ съ правой.

Такъ будь чеша вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша!
Та цѣль шверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

III.

Къ Граціямъ.

Что вы, Граціи, такое?
Красота-ль вы, или младость?
Вы души иль шѣла нѣжность?
Вы любви ли милы дщери?
Иль магиишѣ, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ —
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы шѣнистыхъ —
И лѣса даютъ прохладу,
Освѣжаютъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помостѣ,
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ Россіи Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланипахъ
Усмѣхаются лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вдругъ ихъ звѣзды, солнца, въ персяхъ?

Ахъ! не вы-ль, небесны Нимфы,
Воплощенными намъ зришесь,
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восшорги?

Эпо шы, Петрово племя!
Вы, Екатерины Внуки,
Павла и Марии дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сеспры: —
Эпо, вы, Княжны младыя!

Эпо Вы, на коихъ нѣжно
Въ шлемѣ бранномъ зришь Россія,
Подъ профеями, какъ пальма,
На цвѣшны склонись, улыбкой
Мещетъ шѣнь Екатерина.

IV.

Х А Р И Т Ы .

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣшь Харитъ,
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсналь и говоритъ:
Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать? —
Сколько прелесней безсмертныхъ
Хочешь смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли браннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
Плясками онѣ своими
Восхищающъ горній міръ;
Какъ съ пропѣжымъ тихимъ тономъ
Важно павами плывущъ;
Какъ съ веселымъ быспрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьющъ;
Какъ вокругъ они спокойно
Величавый мещупъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣхъ движенья стройно
Взору, сердцу говорящъ?
Какъ хищны ихъ эфирны,
Лычу подобные власы,
Очи свѣтлыя, сафирны,
Помрачающъ всѣхъ красы?

Какъ Богини всѣмъ соборомъ
Признаюшъ : имъ равныхъ нѣтъ !
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбаешся имъ въ слѣдъ ?
Словомъ : видѣлъ ли картины,
Непоспѣжныя уму ? —
„Видѣлъ Внука Екатерины,“
Я ошвѣщивала ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся,
Давъ мнѣ лиру, ошленилъ. —
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ.

Возвращается Весна,
 И Хариты вдруг блистаютъ,
 Взоры смертныхъ привлекаютъ.
 Гдѣ стоишь, грядешь она,
 Воздухъ дышетъ ароматомъ,
 Усмѣхаешь заря,
 Чешуяшся рѣчки златомъ;
 Рожи, въ зеркала смотря,
 На вѣшвахъ своихъ начаюшъ
 Теплы, легки вѣтерки;
 Сильфы рѣзвяшся, порхаюшъ,
 Зелень всюду и цвѣтки
 Сидяюшъ по землѣ коврами;
 Рыбы мечущя изъ водъ;
 Журавли, вѣсь кругами
 Сивозъ небесный синій сводъ,
 Какъ валпорны возглашаюшъ;
 Соловей гремишь въ кустахъ,
 Звѣри прыгаюшъ, брыкаюшъ,
 Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ.
 Горстью пахарь дождь на нивы
 Сбешъ вокругъ себя златой;
 Бѣлы парусы игривы
 Вздудись на морѣ горой.
 Вся природа торжествуетъ,
 Празднуешь Весны приходъ,
 Все играетъ, все ликуешь:
 Нимфы! — спаньте въ хороводъ,

И въ бѣлѣйши снѣга шкани
 Облечены, изо льну,
 Простирайше нѣжны длани,
 Принимайте вы Весну;
 А въ цвѣтахъ ея щедроты,
 А въ зефирахъ огонь сердцамъ.
 Съ нею къ вамъ лепятъ Эроты:
 Безъ любви не лзя жить вамъ.

VI.

ПРАЗДНИКЪ ВОСПИТАНИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Естьлибъ умъ какой чудесный,
 Столь возвысился возмогъ,
 Чпобъ, проникнувъ сводъ небесный,
 Въ горній возлетѣлъ чертогъ;
 И средь пучь тамъ биризовыхъ,
 Будто множество зарницъ,
 Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
 Мириады свѣтлыхъ лицъ,
 Въ ризахъ блестящихъ, эфирныхъ,
 Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
 Съ ихъ агатныхъ, или сафирныхъ,
 Черпалъ бы воспорръ очесъ;
 Красоты ихъ лучь небесной
 Изумлялъ бы слабой взоръ,
 Ихъ гармоніи прелестной
 Тихій умиленный хоръ,
 Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье.

Нѣжно протали бы слухъ ;
 Райскихъ древъ благоуханье
 Сладко упояло духъ ;
 Видѣлъ бы , что очи плѣины
 Не возмогутъ созерцать ,
 И внималъ , что уши бранны
 Неудобны въ слухъ внимать ;
 Слышалъ , Серафимовъ хоры
 Какъ Царя Царей поютъ ,
 Какъ вперенные ихъ взоры
 Свѣтъ съ него и радость пьютъ : —
 Тотъ возмогъ бы , по сравненью
 Сихъ божественныхъ чудесъ ,
 Живо описатьъ , къ видѣнью
 Росскихъ мысленныхъ очесъ ,
 Какъ полсвѣла Повелитель
 И его любезный домъ ,
 Павелъ , посѣщалъ обитель ,
 Юныхъ дѣвъ священный сонмъ ;
 Какъ онъ Его встрѣчали ,
 Будно Бога , или отца ;
 Пѣньемъ души восхлщали ,
 А красою всѣхъ сердца .

Или есильи бы рожденье
 На водахъ нпо зрѣлъ весны ,
 И ел въ лучахъ явленье
 Изъ кристальныхъ волны ;
 Съ холма кинувъ быспро око
 На прекрасный Волги брегъ ,
 Гдѣ разлившия широко
 И склоняя свѣшлый бѣгъ
 На Каспійско море сплываю ,

Злачныхъ горъ она въ шѣни,
 Море гладно, злапордяно,
 Предспавляетъ въ ясны дни;
 Тамъ бы на песчаныхъ стогахъ
 Зрѣлъ пернатыхъ онъ спада,
 Что, собравшись въ миліонахъ,
 Какъ снѣговъ лежишь гряда;
 Крошкія межъ нихъ колпицы
 Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
 Сребророзовыя пицы,
 Лоснящія поверхъ зыбей,
 И шурмуютъ и играютъ
 И препешущая средъ воли,
 Съ перьевъ бисеръ опрягаютъ,
 Разноцвѣтныи влажныи огни;
 Зрѣлъ бы, какъ, сплещь крылами,
 Ходитъ по мѣлямъ стѣной,
 Вдаль разцлывшия пругами,
 Кличущая промежъ собой;
 Громкій голосъ ихъ несетъ
 По водамъ и по полямъ,
 Гулъ отъ холмовъ раздаешя,
 Изъ-за роцей тихій тамъ: —
 Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
 Ту картину начертать,
 Какъ Марію несравненну,
 Нѣжнуо Россіи Мать,
 Юны дѣвы принимали
 Во свящилищѣ своемъ,
 Благовѣрно предшодли
 Предъ Величества лицемъ.
 Въ темной зелены алей,
 Дрѣвъ подроженныхъ въ шѣни,

Снѣга самаго бѣлѣе ,
 Легче воздуха въ пикани ,
 Передъ ней онѣ играли
 На помостѣ золошомѣ ,
 Шѣли , прыгали , плясали
 И рядами и кругомъ ;
 Въ даръ священный приносили
 Рукъ издѣліе своихъ ;
 Не сокровища дарили ,
 Но сердецъ преданность ихъ ;
 Лишь того искали взоромъ
 И желали всей душой ,
 Чтѣлобъ почтила разговоромъ ,
 Иль улыбкой ихъ своей .
 А въ сей снаѣ бѣлоснѣжной ,
 Будто среди пшницъ Весна ,
 Къ дѣтямъ взоръ бросая нѣжной ,
 Зрѣлась божествомъ Она ,

Иль когда бы къ баснословнымъ
 Кто восхитясь временамъ ,
 Къ славнымъ , свѣплымъ , благовопнымъ
 На Олимпѣ возшелъ пирамъ ;
 И увидѣлъ бы на ономъ
 Подъ паденьемъ шумныхъ водъ ,
 Подъ липтарнымъ небосклономъ
 Въ хладную пещеру входъ ,
 И молодыхъ въ ней Нимфъ прекрасныхъ ,
 Славнымъ пиромъ , на сполахъ ,
 На узорчатыхъ , апласныхъ ,
 Вѣлыхъ , поцкихъ скапершихъ ,
 Угощающихъ припшо

Посѣщителей Боговъ ;
 Какъ хищны ихъ опряшно ,
 Въ узлы легкихъ облаковъ
 Подобравъ онѣ приспойно
 Леннами зарей цѣбныхъ ,
 Сановито и спокойно
 Ходяшъ вокругъ гостей своихъ ;
 Какъ съ улыбкой благородной ,
 Съ наклоненіемъ чела ,
 Милой поступью , свободной
 Нѣ гостю каждая пришла ;
 Принесли имъ : пѣ въ корзинахъ ,
 Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ ,
 Въ разноцвѣтныхъ пѣ кувшинахъ ,
 Въ блюдахъ серебряныхъ , золотыхъ ,
 Сочножелтые , багряны ,
 Вкусоспѣлые плоды ,
 Въ хрустальхъ напитки хладны ,
 Сладки , искромешны льды ;
 Какъ тамъ боги и богини
 Ослабляяся глядяшъ ,
 Со герои , об героини
 Лепвы сахарны ядяшъ ;
 Какъ амброзія небесна
 Въ алыхъ шастѣ ихъ устнахъ ,
 Разсыпается чудесна
 Пища райская въ рукахъ ;
 Льется въ медѣ благовономѣ
 Вселаменяющій нектаръ ;
 Въ сокѣ розовомѣ , перловомѣ
 Мразѣ , гасящій зноя жаръ : ---
 Тотъ бы вняшно могъ и живо
 Описать сей праздникъ намъ ,

Торжество по справедливо
 И, приятное очамъ:
 Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
 На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
 Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
 Рукъ художествомъ, журчанъ,
 Къ большей прелести природы,
 На прекрасный Невскій берегъ
 Льющійся съ зенита воды,
 Для прохлады и для утѣхъ;
 Гдѣ усердіе являли,
 И въ привѣтствіе гостямъ
 Дѣвы славный полдникъ дали
 И Царицамъ и Царямъ;
 Гдѣ ихъ нѣжны соимы, хоры,
 Какъ небесный нѣбій садъ,
 Зрителей водили взоры
 Межь утѣхъ и межъ прохлады.

Иль когда уже Зефиры
 Начинаютъ влажно дутьъ,
 Боги въ мягкіе сафиры
 Идутъ съ пиршествъ отдохнутъ;
 Какъ злая Феба стрѣлы,
 Придавъ по волнамъ, скользятъ;
 Вечеръ пошемяетъ селы,
 Оны пламенемъ горятъ.
 Ешьлибѣ смертный дерзновенный
 Кто опважнись ешоль смѣлъ,
 Чтобъ таинственны, священны
 Игры древнія хотѣлъ
 Зрѣть урядной среди ночи,
 И по спутаннымъ пропамъ
 Проходя кедровой тропи
 Вдругъ увидѣлъ Весты храмъ:

Зрѣлъ вокругъ его, Веспалей
 Какъ прохаживаетъ спрой;
 Огнь виситъ внутри криспалей,
 Во преножникѣ спруей
 Послѣ жершвы дымъ курится,
 Предъ священнымъ олшаремъ
 Каждая дѣвица зрится
 Съ преклонившимся челомъ,
 Скромной блещучи красою,
 Важности святой полна,
 Подъ прозрачною фатою
 Будно сквозь шумамъ луна;
 Купно все съ благоговѣньемъ
 Жершвенникъ обходятъ вокругъ,
 И съ пимпановъ удареньемъ
 На колѣни падали вдругъ
 Передъ образомъ Богини,
 Славословіе поютъ;
 За дары, за благоспшныи,
 Въ жершву Ей цѣлшны кладутъ,
 И гласятъ: — „О земнороднымъ
 „Божеснвамъ прекрасна Машь!
 „Естьли взоромъ благосклоннымъ
 „Созволишь призиранъ
 „Дѣвъ тобою вскармленыхъ,
 „И прощенью выемлешь ихъ:
 „То внуши молишвъ усердныхъ
 „Гласъ, воспитанницъ Твоихъ,
 „И даруй, да подъ покровомъ
 „Машерней руки Твоей
 „Благоправья въ блескъ пономъ,
 „Непорочности сшезой,
 „Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою,

„И достойными Тебя
 „Будемъ жизнью святою,
 „Добродѣтель въ вѣкъ любя.“
 Зрѣлъ пономѣ бы ихъ въ гуляньи
 Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣстѣ,
 Въ разноцвѣтномъ гдѣ сянѣи
 Лѣсъ блискала лучами звѣздѣ;
 Какъ съ невинностью, ниная
 Хладъ безспасшя въ крови,
 Забавлялся, не зная
 Сладосильныхъ заразѣ любви;
 Какъ сокрывшись въ лисья, въ гропы,
 И облекшись въ темну ночь,
 Мѣляшѣ тщешно въ нихъ Эропы,
 И лепяшѣ съ досадою прочѣ.
 Видѣлъ бы, и тайный зришѣль
 Древнихъ праздниковъ свяныхъ,
 Игрѣ сихъ вѣрный былъ сравнишѣль
 Руской Весны дѣвъ молодыхъ;
 Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
 Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
 День рожденья ихъ Царицы
 Проводили торжешвомъ.
 Вся Россія воспавала
 Съ умиленьемъ зрѣшѣ на нихъ;
 Слезы радости роила,
 Такъ привѣшшвовала ихъ:
 „Я покоюсь послѣ боевъ,
 „Прощайте въ пишинѣ;
 „Будьте матери Героевъ,
 „И подпорой швердой мнѣ.“

VII.

Р А З В Л И Н Ы.

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды,
И куполь золотомъ сіялъ.
Вотъ здѣсь дубами осѣнена,
Рѣзная дверь въ него была,
Зеленымъ свѣсомъ покровена,
Во внутрь святилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жершвой олтари,
Сбирались на молитву мѣры,
И были ей челомъ Цари.
Вотъ шумъ была уединенной
Но упру наждый день съ зарей,
Шисала, какъ владѣшь вселенной,
И какъ сердца набивши людей.
Тумъ поснавлялася пираева,
Кругъ юныхъ дѣвъ и сонмъ жрецовъ;
Богащиво разливалось Креса,
Сребро и заано среди еполовъ.
Тумъ арфы звучныя гремѣли
И повшорялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо шумъ Сирены пѣли
И гласовъ сладоснью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали.
Тумъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Журильницы благоухали,

Зной лѣшній провѣвалъ Зефиръ :

А тучъ крылатые служили
 Полки прекрасныхъ мѣткихъ слугъ,
 И опъ Богининой носила
 Руки амброзію вокругъ.

Она, тучъ сидя, обращалась
 И всѣхъ къ себѣ влекла сердца ;

Возспавши тихо поклонялась,
 Блистая щедростью лица.

Здѣсь въ полдень уходила въ грозы,
 Покоилась прохладѣ въ пѣни :

А тучъ Амуры и Эрошы

Уединялись съ ней одни ;

Тучъ былъ Едемъ ея прелестный

Наполненъ межъ кипиѣ цвѣтовъ ,

Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный

Въ купальню срышый шумъ ручьѣвъ ;

Здѣсь былъ театръ, а тучъ качели ,

Тучъ Азіатскихъ доминъ нѣтъ ;

Тучъ на Парнассѣ Музы пѣли ,

Тучъ звѣри жили для ушѣхъ .

Здѣсь въ разны игры забавлялась ;

А тучъ прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ

Подъ вечеръ красный собиралась

Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ ;

Ходила по лугамъ, долинамъ ,

По мягкой муравѣ близъ водъ ,

По желтымъ среди розъ пропинамъ :

А тучъ, запѣя хорождъ ,

Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ ,

Играшь, плясать между собой

По слышимымъ пріямнымъ тонамъ

Вдали музыки роговой.

Они , кружась , рѣзвась , летали ,
 Шумѣли , говорили вздорѣ ;
 Въ зеркалѣ водѣ себя казали ,
 Всѣмъ шѣщили Богинишѣ взорѣ .
 А шумѣ , оставя хороводы ,
 Верхомѣ скакали на конькахѣ ;
 Иль въ лодкахѣ разсѣкая воды ,
 Въ жемчужныхѣ плавали струяхѣ .
 Киприда шумѣ средѣ миршѣ сидѣла ,
 Смѣялась , глядя на дѣшей ,
 На восклицаютыхѣ смотрѣла
 Поднявшихѣ крылья лебедей ;
 Иль на станищу сребробокыхѣ
 Ей милыхѣ , сизыхѣ голубковѣ ;
 Или на песпрыхѣ , красноокыхѣ
 Ходящихѣ рыбѣ среди прудовѣ ;
 Иль на собачекѣ , ей любимыхѣ ,
 Хвосты несущихѣ вверхѣ колыцомѣ ,
 Другѣ другомѣ съ лайнемѣ голимыхѣ ,
 Мелькающихѣ между лѣскомѣ .
 А здѣсь , исполняясь важна вида ,
 На памятникѣ своихѣ побѣдѣ
 Она смотрѣла : на Аллида ,
 Какѣ гидру пальцей онѣ бьешѣ ;
 Какѣ прочіе ея Герои ,
 По манію ея очесѣ ,
 Въ ужасные вступали бои ,
 И тьмы подѣлали чудесѣ ;
 Приступомѣ грады шверды брали ,
 Сжигали флоты средѣ морей ,
 Прешолы , царства покоряли ,
 И зѣ плѣнѣ водили къ ней Царей .

Здѣсь въ внутренни она чертоги
 По лѣбеницѣ оплотовъ шла,
 Куда росшишь ходили боги,
 И гдѣ она всегда спрегла
 Тотъ поясъ, въ небѣ ей испианный,
 На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
 Тотъ хитрый Геній изваянный,
 Кошорый щастье ей дарилъ,
 Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
 Трофеи мира и войны,
 Здоровье, радости и смѣхи
 И легкіе пріятны сны.
 Въ семъ шеремѣ, Олимпу равномъ,
 Изъ яшмѣ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ,
 Художествомъ различнымъ славномъ,
 Горѣли ночью лучи звѣздъ,
 Красу богини умножали;
 И шавъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
 Ее, какъ солнце, представляли. —
 Но здѣсь ей ужъ нинѣ нѣтъ!
 Померкъ краснѣ волшебныхъ свѣтъ,
 Все нѣмой покрылось, запустило,
 Все въ прахъ упало, помершвѣло;
 Опѣ ужаса вся слышитъ кровь:
 Лишь плаченъ сирая любовь.

VIII.

ВЪИЧАНІЕ ЛЕЛЯ.

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полнощъ, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріяннымъ сномъ обвяшый
Макова въ шѣни вѣнца,
Видѣлъ: перемы, палаты,
Площадь Краснаго крыльца
Роемъ мальчиковъ лешучимъ
Облелѣяна кругомъ!
Лѣсомъ — шлемы ихъ дремучимъ,
Лашы — знапомъ и серебромъ,
Копья — спалію блиспали,
И чухъ видѣлись сквозь мглы;
Спаями сверхъ ихъ лешали
Молненосные Орлы.
Но лишь солнце появилось
И зашептались вреспы,
Море зыблюще опкрылось
Разныхъ лицъ и песпропы! —
Шумъ, съ высотъ лясъ рѣкою,
Всѣми чувспвы овладѣлъ;
Своды храма предо мною
Я опверспыми узрѣлъ.
Тамъ въ волнахъ шолны стѣсенной
Въ думѣ весь Сигклипъ стоялъ;
Я въ душѣ моей смясенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.

Но на тронѣ шамѣ обширномѣ ,
 Во священной шемношѣ ,
 Вдругѣ въ сіяніи порфирномѣ
 Умошрѣлъ на высошѣ
 Двухѣ я Геніевѣ небесныхѣ :
 Моль безчисленны красы !
 Сколько нѣжностей прелестныхѣ !
 Злашоспруичашы власы ;
 Блескѣ сафира , розы ранни
 Ихѣ усшенѣ , ланишѣ , очесѣ ,
 Улыбался брали дани
 Съ восхищенныхѣ шмы сердецѣ .
 И одинѣ изѣ нихѣ , вѣнчался
 Діадимомою Царей ,
 Ей чешѣ своей касаясь
 Удвоился блескомѣ въ ней .
 Гущѣ изѣ оконѣ самыхѣ верхнихѣ ,
 По сверкающимѣ лучамѣ ,
 Тѣни Самодержцевѣ древнихѣ ,
 Низпустившися во храмѣ ,
 Пренны лица ихѣ грѣли ,
 И сквозь ликовѣ торжества
 Въ изумленьи вопрошали :
 Кто шакіа божества ,
 Чшо облекшися въ младосшѣ смѣршныхѣ ,
 Съ крошоснію сншшрѣ берущѣ ,
 На обширность спрашѣ несмѣшныхѣ
 Цѣшѣ шѣшочшую кладущѣ ,
 И весь Сѣверѣ вмшѣ плѣнили
 Именемѣ однимѣ Царя ?
 Громы духѣ мой пробудили :
 Разглашалося ура ! —

Что такое сонъ сей значишь?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуешь, сердце скачешь —
Отъ чего? я самъ не зналъ.
Кто на царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ завладѣлъ!
Царь сердецъ, онъ вѣщали,
Богъ любви, всемогущий Лель.

IX.

М Е Ч Т А.

Вошедъ въ шалашъ мой порошливо,
Я вижу, мальчикъ въ немъ сидишь,
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучишь.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тѣмѣ горя,
И розы по лицу блиснали,
Какъ ушрения заря.

Одна шупъ искра олдѣлилась
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнушь.

Стояла бездыханна, мѣла,
И съ мѣсна не могла спупишь;
Уиши хопѣла, не умѣла.

Не по-ль зовушь *любить*?
Люблю! — кого? — сама не знаю.
Изчезъ меня прельспивщій сонъ;
Но я съ нѣхъ поръ, съ нѣхъ поръ спрадаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуешь сердце! Дай мнѣ руку,
Почувствуй пламень сей мечны.
Виновна-ль я? прерви мнѣ муку:
Любезень, миль мнѣ ны.

Х.

Къ Анжеликѣ Клауфманъ.

Живописица преславна,
Клауфманъ, подруга Музъ!
Ешьли въ ниспѣ швою вліяна
Свыше живоспѣ, чувсшво, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережишь въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла карпинахъ плѣнь:
Напиши мою Милену
Бѣлокурую лицомъ,
Спиройну спаномъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣскольно челомъ;
Чшобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чшобъ на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чшобы сердце безопрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,
Я нашель бы въ ней обрашно,
И плѣнясь ея красой,
Оживился бы спокрашно
Молодой моей душой.

ХІ.

Спящій Эротъ.

Ходя въ рощицѣ пѣнисшой,
Видѣлъ шамъ Эрота я.
На полянкѣ розѣ душисшой
Спалъ прекрасное дѣшя.
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его;
Будто яблоки наливны,
Рдѣлись щеки у него,
Почивая безоружнымъ,
Снѣжной грудью онъ блещѣлъ,
Но вѣщьямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, шудъ висѣлъ.
Пчелы вокругъ его летали,
Какъ на розѣ шумящій кустъ,
Капли меду собирали
Съ благовоныхъ сладкихъ устъ.
Въ рощу Граціи вбѣжали,
И нашедъ Эрота въ ней,
Пошихоньку привязали
Къ красотѣ его своей,
Разбудя-жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ:
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали. —
Гдѣ пріятность, шудъ любовь.

ХІІ.

П О Т О П Л Е Н І Е.

Иав-за облакъ мѣсяцъ красный
Вспалъ и емоприпся въ рѣкѣ;
Сквозь шуманъ и мракъ ужасный
Пушникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ,
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тѣму;
Мысль веселье воображаетъ,
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился,
Пушникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоропечной!
Сколь надежда намъ ни льсти;
Всѣ пошнемъ въ безднѣ вѣчной;
Дружба и любовь, прости!

ХІІІ.

КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ.

Я у Креза зрѣлъ Эроша:
Онъ заплакавши сидѣлъ
Среди мраморнаго гроша,
Окруженный лѣсомъ спрѣлъ.

Щупъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна пещива;
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чушь спруилась синева.

Что, сказалъ я, панъ слезами
Льется сей крылатый богъ?

Иль толкими спрѣлами
Въ сердце чье попасъ не могъ?

Иль его безсиленъ пламень?

Тщешенъ токъ опасныхъ слезъ?

Ахъ! нашла коса на камень!

Знашь любишь не можешь Крезъ.

XIV.

КЪ ЭВТЕРНЪ.

Пой, Эвшерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй
Ты, поколь весна молодая;
Пой, пляши и восклицай.
Ласпочкой порхаешь радость,
Красно соловей поешь:
Красота, пріяшность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный
Марсъ своей пусть жершвы ждетъ;
Рано-ль, поздно-ль побжденный
Голафъ предъ нимъ падетъ;
Вскинетъ пускдый и багровый
Съ скрежетомъ въ нему свой взглядъ,
И вънецъ ему лавровый,
Хотъ не хочетъ, да ошдасъ.

Пусть придворный суешисся
За форшуною своей,
Естьли бышь ему случисся
И наперсникомъ у ней:
Рано-ль, поздно-ль, онъ наскучитъ
Кубарисся кубаремъ;
Насъ форшуна часто учитъ
Горемъ бышь богатыремъ.

Время все перембняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лбо знойно пробгаешь,
Травъ зеленыхъ вянешъ листъ;

Идешь осень златовласа ,
 Спѣлые несешь плоды :
 Красножелта ея ряса
 Превратится скоро въ льды.

Марсъ уснаешь , и любимецъ
 Щастья возьмешь свой покой ;
 У швоихъ ворошь и крылецъ
 Царедворецъ и Герой
 Брякнутъ въ кольца золотыя :
 Ты съ согласія опца
 Бросишь взоры голубыя
 И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ ибги Марсъ заспоришь
 О любви швоей къ себѣ ,
 Сына ибги онъ поборешь
 И понравится тебѣ ;
 Качества швои любезны
 Всею душою полюбя ,
 Опершись на щитъ желѣзный ,
 Онъ воздремлетъ близъ тебя.

Шой , Эвшерта молодая !
 Прелеснью своей плѣщи ;
 Бога браней усыпляя ,
 Громъ изъ рукъ его возьми.
 Лавромъ голова нагбенна
 Къ персямъ склонится швоимъ ,
 И должна тебѣ вселенна
 Будетъ въномъ золотымъ.

XV.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ

Случись Анакреону
Марію посѣщать ;
Межь ними Купидону,
Какъ бабочкѣ, лепатъ.

Лепалъ божонъ крылатый
Красавицы вокругъ,
И спрѣлы онъ пернапы
Накладывалъ на лукъ.

Спрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ ушакъ предесныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончашую взяла,
И въ струны золошныя
Свой голосъ издала :

Подъ алыми перешами
Порхалъ рѣзвѣ богъ,
Сспрѣйшими спрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.

Анакреонъ у печки,
Вдохнулъ тогда, сидя ;
„Какъ бабочка отъ свѣчки
„Сгорю“ — сѣзаль — „и я.“

XVI.

Пчелка.

Пчелка золотая!

Что ты жужжишь?

Все вокруг летая,

Прочь не летишь?

Или ты любишь

Лизу мою?

Сопы-ль душистые

В желтых власах,

Розы-ль огнистые

В алых устах,

Сахар ли бѣлый

Грудь у нея?

Пчелка золотая!

Что ты жужжишь?

Слышу, вздыхая,

Мнѣ говоришь:

Къ меду прилипнувъ,

Съ нимъ и умру.

XVII.

Г Е Р К У Л Е С Ъ .

Геркулесъ пришель Данаю
Мимоходомъ навѣспишь.
Я, сказалъ, шобой пылаю.
(Онъ хопѣлъ съ ней пошупишь.)
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ Героемъ сильнымъ
Также пошупишь она.
Начала съ нимъ разговоры,
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ;
Какъ-то вспрѣѣшились ихъ взоры,
Нечувствителью, — онъ сѣлъ;
И межъ шѣмъ, какъ занялися
Такъ они шушя собою,
Гдѣ, откуда ни взялися
Мальчиковъ крылашихъ спрой;
Вкругъ лешали, шурмовали,
Надъ главами ихъ паря,
И подкравшись тихо, крали
Все вокругъ богатыря:
Тошъ унесъ, кряхпя, дубину;
Тошъ сайдакъ, тошъ спрашный мечъ;
Сперебили кожу лъвину
Тѣ съ его могучихъ плечъ.
Не могла не улыбнущся
Красоша, какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянущся —
Въ шлемѣ спрасшь гнѣздо свила.

ХVIII.

Б о й.

Предо мной хопѣлъ горою
Хладной Сѣверь въ боѣ снашь,
Ешьли миѣ любовь свѣчою
Придешь душу зажигашь.
Въ мигъ съ перомъ сѣдымъ, кудрявымъ,
На меня надѣлъ шоломъ,
Воружилъ лицомъ барьянымъ
И съ морщинами челомъ,
Далъ копье миѣ ледяное,
Препоясалъ вокругъ мечемъ,
Сердце миѣ вложилъ шакое,
Что смонрѣлъ я сениябремъ.
На доспѣхи положася,
И чпо весь я ледяной,
Я красавицъ не спрашася,
Звалъ Любовь съ собою въ бой.
Тунь, ошкуда ни возмися,
Предо мною Лель предснталъ,
Красной дѣвой нарядился,
Перевѣдайся! сказалъ.
Выспунилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щипъ,
Мечь рукой, копье другою
Я подиявъ, хопѣлъ разинъ.
Почалъ Лель перинъ въ щипъ стрѣлы,
А доспѣхи жечь свѣчой;

Спрѣлы, падая, шипѣли,
Шлемъ блисталъ на мнѣ зарѣй.
Я ужь думалъ, бой свершился,
И что я-по былъ Герой;
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь спрѣлой!
Въ часпи мѣлкія кольчуга
Разлетѣлась, — я спалъ нагъ.
Ахъ! тщетна защита друга,
Ежели ужь въ сердцѣ врагъ.

КУПИДОНЪ.

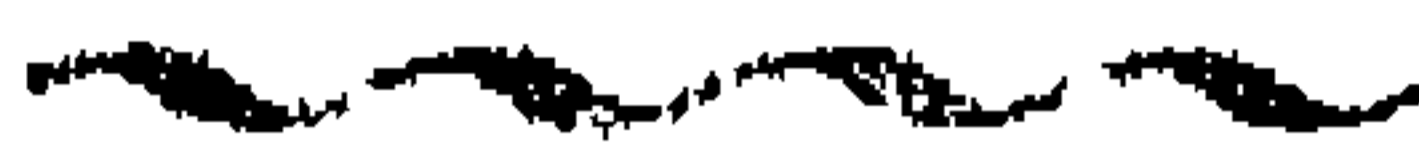
Подъ медвѣдицей небесной,
 Средь ночныя темношы,
 Какъ на мѣрѣ сей сонъ всемѣспной
 Сыпалъ маковы цвѣшны;
 Какъ спокойно все ужь спали
 Опягченныя прудомъ,
 Слышу — въ дѣри заспучали
 Кто-то громко вдругъ кольцомъ.
 Кто; спросилъ я; въ дверь спучишся
 И превозишь сладкой сонъ?
 „Отвори; чего спрашишься?“
 Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ.
 „Я ребенокъ; какъ-то сбился
 Въ ночь безлунную съ пуши,
 Весь дождемъ я замочился,
 Не найду, куда иди.“
 Жаль его мнѣ очень спало,
 Всталъ, и выскрѣ я огня;
 Отворилъ лишь дѣри мало,
 Прыгъ дѣшя передъ меня.
 Въ шулъ лунъ на немъ и спрѣлы;
 Я нѣ огню съ нимъ поспѣшилъ,
 Теръ руками руки мерзлы,
 Кудри влажныя сушилъ.
 Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
 Ну, посмотришь-ка, сказалъ:
 Хорошо ли лунъ мой гнешся?
 Не испорченъ ли чѣмъ спалъ?

Молвилъ , и стрѣлу мгновенно
 Оспрую въ меня пушилъ ,
 Ранилъ сердце мнѣ смертельно ,
 И смѣясь , говорилъ :
 „Не пужи , мой лукъ годится ,
 Тепива еще цѣла.“
 Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться ,
 Какъ любви во мнѣ стрѣла.

XX.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Зевесъ быкамъ далъ роги ,
 Копышы лошадямъ ,
 Проворны зайцамъ ноги ,
 Зубаспы зѣвы лвамъ ;
 Способность плавать рыбамъ ,
 Пареніе орламъ ,
 Беспрашный духъ мущинамъ :
 Но чшожъ онъ далъ женамъ ?
 Чѣмъ все то замѣнитъ ?
 Красой ихъ надбляетъ :
 Огонь и мечъ и щипъ
 Красавица сражаетъ.

XXI.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ.

На розѣ опочила
Въ листвахъ пчела сидя,
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя.
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
И къ матери бѣжишь;
Облившись слезами,
Пропалъ, умру! кричишь:
Ужаленъ небольшою
Крылатой я змѣей,
Которая пчелою
Зовется у людей.
Богиня отвѣчала:
„Судижъ, коль шакъ пчелы
Тебя перзаешъ мало,
Чтожъ твоей ударъ стрѣлы?“

XXII.

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ.

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ.
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ;
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
Благовоній мгла лешала,
И Олимпъ былъ свѣша полнъ;
Раздавались пѣсенъ хоры
И звучалъ весельемъ пиръ:
Но внезапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,
И увидя царства, грады,
Что погибли отъ боѣвъ;
Что Богини мещущъ взгляды
На бѣднѣйшихъ насущихъ;
Распалился сполько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шапнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землѣй.
Вмигъ сокрылся блескъ лазуря:
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихоръ съ ризъ его, и буря
Возшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Пеншъ спремился и ревѣлъ;

Въ растворенны безднѣ упробы
 Гаршарѣ искры извергалъ ;
 Въ лучи Фебѣ , какъ въ черны гробы ,
 Погруженный прещешалъ ;
 И средь страшной сей превогѣ
 Коль еще бы грянулъ громъ :
 Мирѣ , Олимпѣ , боговѣ чертогѣ
 Повернулись бы ввѣрхѣ дномѣ ,
 Но Зевесѣ вдругѣ умилился :
 Спало знашь красавицѣ жаль ;
 А какъ съ ними не смирился ,
 Новую топчасѣ создалъ :
 Ввилъ въ власы пески злѣшья ,
 Пламя — въ щеки и уста ,
 Небо — въ очи голубья ,
 Пѣну — въ грудь , — и красота
 Вмигѣ изъ волнѣ морскихѣ родиласѣ .
 А взглянула лишь она ,
 Топчасѣ буря укрощиласѣ ,
 И настала тишина .
 Сизы , юныя дельфины ,
 Облебѣя шабуномѣ ,
 На свои еѣ взявѣ спицы ,
 Мчали по пучинѣ волнѣ .
 Бѣлы голуби спаницей ,
 Гдѣ опкуда ни взялись ,
 Подѣ жемчужной колесницей
 Съ ней на воздухѣ поднялись ,
 И лепя подѣ облаками ,
 Вознесли на звѣздный холмѣ .
 Зевесѣ обьялъ еѣ лучами
 Съ улыбнувшимся лицомѣ .

Боги, молча, удивлялись,
 На красу разинувъ ротъ,
 И согласно въ шомъ признались:
 Миръ и брань — ошъ красотъ.

 XXIII.

 С К Р О М Н О С Т Ъ .

Тихій, милый вѣшперочикъ,
 Коль поржнешь пы на любезну,
 Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи:
 Ешъли спроситъ: чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечикъ,
 Ешъли вспрѣшишь пы любезну,
 Какъ слезинка ей въ лицо плещи:
 Ешъли спроситъ: чья? — молчи.

Ясный, ведренный денечикъ,
 Какъ освѣпишь пы любезну,
 Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи:
 Ешъли спроситъ: чьи? — молчи.

Темный, миршовый лѣсочикъ,
 Какъ сокроешь пы любезну,
 Тихо вѣшпой грудь ей щекочи:
 Ешъли спроситъ: кто? — молчи.

XXIV.

Г о с т ю.

Сядь, милый гость! здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вадремли послѣ спѣла немножко:
Пріятно часикъ похрапѣшь.
Злашой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснишься здѣсь тебѣ какой;
Хоть владь изъ облаковъ небесныхъ
Злашой посылаешся рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ!
Любовныя пріятны шанни,
И поцѣлуй въ сей жизни владь.

XXV.

Птицеловъ.

Эрошъ, чшобъ слабымъ спарикомъ
Казашся, гуню вздѣлавъ жудую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руни взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловишь дичину,
И шамъ по сучьямъ разкидалъ
Такъ хитро сѣшь, какъ паушину;
А нужно гдѣ, шо и златой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чшобы приманкою такой
Скорѣ побуждались птицы
Слешашся въ пошпенну сѣшь.
Лишь споль увидѣли богатый,
Не позамедлили лепѣшь
Къ нему различныя пернашы,
И носиками ну клевашь,
Ну зоблишь зерна золошья,
А шумъ же въ сѣши попадашь
И пушашся, какъ бы слѣшны.
Эрошъ, смекнувшъ, чшо у одной
Голубки хвощикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхнулъ и къ добычѣ пущился,
Сверкнулъ, какъ огненна спрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала пошекла.

Ахъ! не клевашь было пшеницы
 Вамъ, бѣднымъ пшайкамъ, золошой!
 Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
 Впередъ и бородѣ сѣдой!

 XXVI.

 ПѢНОЧКА.

Пѣночка! какъ ты проснешься,
 Вспрянешь, взглянешь, вострепещешься,
 Носикъ, шейку обопрешь:
 Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
 Запоешь ты про зарю,
 И какъ вѣрно, нѣжно, спраснио
 Мной ты, — я тобой горю.

Пой, созданіе любезно!
 Какъ взаимно спрасью нѣжно
 Млѣешь сердце, чувлива, кровь,
 Какъ сладка, сладка любовь!

Какъ оправдно утѣшенье,
 Съ пѣмъ, кто милъ, всечасно бышь!
 Какъ пріятно восхищенье
 Бышь любиму и любишь!

XXVII.

Рускія дѣвушки.

Зрѣли ты, Пѣвецъ Тисскій!
Какъ въ лугу весной бычна
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью паслушна?
Какъ, склонясь главами, ходящъ,
Башманами въ ладъ стучащъ,
Тихо руки, взоръ поводящъ,
И плечами говорящъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестящъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышащъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланипахъ огневыхъ
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца — разящъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ;
Ты-бъ Гречановъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эрозъ прикованъ былъ.

XXVIII.

А Р Ф Л.

Не въ лѣтній-ль знойный день прохладный
вѣшеровъ

Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуешь?

Не въ злакѣ ли журчишь хрустальный ручеекъ?

Иль милая въ шѣни деревьевъ меня цѣлуешь?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющій, согласьемъ лихоспирин-
нымъ,

Какъ эхо мнѣ вдали щекощетъ нѣжно слухъ;

Иль шумомъ будишь вдругъ вблизи меня не-
рушнымъ.

Такъ ты, подруга Музъ! лѣшь мнѣ твои
воспоргъ

Подъ быспрою рукой играющей Хариты,

Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса божъ,

И улыбаются любовию ланиты.

Какъ весело вынимать, когда съ тобой она

Поетъ про родину, опечесиво драгое,

И возвѣщаетъ мнѣ, какъ намъ цвѣтитъ весна,

Какъ время каинится въ Казани золотое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней!

Невинности моей и юности обидель!

Когда я освѣщусь онянь нвоей зарей,

И швой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наследственики стада я буду зрѣть?

Васъ, дубы Камскіе, ошь времени почтенна!

Цо Волгѣ между селъ на парусахъ аеишь,

И гробы обнимають родителей священны?

Звучи, о арфа! ты все о Казани мнѣ!
 Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
 Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
 Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

XXIX.

Ц в н и.

Не сѣшуй, милая, со груди твоей
 Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
 Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
 Оковы тягосны, хотя они злапы.

Такъ наслаждайся-жъ здѣсь ты вольностью
 святой,
 Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
 По рощамъ пролешай, кропись водѣ струей,
 И чѣмъ въ Цепрополѣ, будь щасливѣй на
 Званкѣ.

А естльм и шебѣ подъ бремя чьихъ оковъ
 Подвергнешься велишь когда либо природа:
 Смолри, чьобъ ихъ плела любовь лишь изъ
 цвѣтѣвъ;
 Пріятнѣйшій ащомѣ плѣнѣ, чѣмъ самая свобода.

XXX.

ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ ПЛѢНИРА.

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ пишины!
Приди въ подобьи тѣни,
Въ мечтѣ, иль легкомѣ снѣ,
И сѣдши на колѣни
Прижмися нѣ сердцу мѣ;
Движенія изчисли,
Вдыханія измѣрь.
И всѣ мои ты мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбинны
Моихъ не носишь дней,
Но нѣшъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, ты въ шуманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой.
Плѣнира на диванѣ
Просперлась надо мной,
И легкимъ осязаньемъ
Устѣ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣшеровъ дыханьемъ,
Въ объятіяхъ своихъ

Меня ты утѣшала,
 И шепчешь нѣжно въ слухъ:
 „Почто такъ сокрушаешь
 „Себя, мой милый другъ?
 „Не лзя смягчить судьбину;
 „Ты сколько слезъ ни лей;
 „Милой половиною
 „Займи души твоей.“

XXXI.

С а ф о.

Блаженъ, подобился Богамъ
 Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
 Сладчайшимъ внемлющій уснамъ,
 Улыбкѣ, нѣжной въ спрашенныхъ взорахъ!

Увижу-ль-я сіе, — и вмигъ
 Трепещетъ сердце, грудь шибнилася,
 Нѣмлемъ рѣчь въ устахъ моихъ,
 И молнія по мнѣ спремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
 По жиламъ жладъ я ощущаю;
 Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злкъ
 Упадшій, вяну, умираю.

XXXII.

С А Ф И.

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣшь твоеи подруги спрасшь,
Проплякные и тихи звуки
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власшь
Любви твоей изображали:
Но ревность лишь зашмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали
И приближался бурный шумъ.

Тогда блорумяны перешы
По звучнымъ вспрыгали струнамъ,
Взоръ черноогненный, отверсты
И молнія во слѣдъ громамъ
Блещала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдныи хладъ распространяла;
Я умираю игрою твоей.

О! естли бы я былъ Фаономъ,
И пламень твой мою бы жегъ кровь:
Твоимъ бы спраснымъ, пыльнымъ стономъ
Я описалъ свою любовь.

Тогда съ моею всеильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ лепѣть:
Какъ ты свою, такъ я Пльиры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

XXXIII.

Т о н ч и ю.

Везсмертный Тончи! ты мое
Лице въ помѣ, слышу, пицешъ видѣ,
Въ какомъ бы масперсво швое
Въ Омирѣ древнемъ, Ариспидѣ,
Сократѣ и Капонѣ, въ вѣкѣ
Попомковъ поздныхъ удивляло;
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человекъ.

Но лысина-ль, или парикъ,
Но шоба-ль, или мундиръ кургузый
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣшъ! философія и Музы;
Онѣ насъ славными шворяшъ.
О! ешъли-бъ освѣялъ духъ правый
И освѣщаль меня лучъ славы:
Приспаль бы всякой мнѣ нарядъ.

Такъ, Живописецъ - философъ!
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешъ ты; но лишь любви
Увѣковѣчь но мнѣ премудрыхъ.
А ешъли слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны;
Не позабудь во мнѣ подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣшѣ, шы лучше напиши
 Меня въ напурѣ самой грубой:
 Въ жестокой мразѣ съ огнемъ души,
 Въ косматой шапкѣ, скупавѣ шубой;
 Чшобѣ шелѣ, природой лишь водимѣ,
 Пропивѣ погодѣ, волнѣ, горѣ кремнистыхъ,
 Въ знакѣ, что рожденѣ въ странахъ я льдистыхъ
 Чшо былѣ прапращурѣ мой Багримѣ.

Не испугай жены, друзей,
 Придай мнѣ нѣжности немного:
 Чшобѣ былѣ я ласковѣ для дѣшей,
 Лишь въ должности-бѣ судилѣ всѣхъ строго;
 Чшобѣ жарѣ кипѣлѣ въ моей крови,
 А очи мягкостью блисшали;
 Красочки бы по мнѣ вздыхали,
 Хотя въ Плашонической любви.

XXXIV.

П л а м и д а .

Не сожигай меня, Пламида,
Ты шихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ; отъ ихъ я вида
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я Царемъ вселенной,
Иль самымъ спрогимъ мудрецомъ:
Пріятностью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все: мудрость, скипетръ и державу
Я опдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жершву славу
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задатокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погасъ огонь въ душѣ моей.

XXXV.

В с е м и л а .

Какая непонятна сила
Изъ успѣ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣешь міромъ,
Сердца ей пронъ и олшари;
Ее чшущъ мудрые кумиромъ,
И поклоняющя Цари.

Прочши дѣянїя великихъ,
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ полкиихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкїй духъ.

Почтожъ, о милое творенье!
Грущишь и понешь шахъ въ слезахъ,
Когда Царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содѣрился рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вадыхаетъ.
Въ слезахъ швердишь ты: „все мечта!“
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь — женщины красота.

XXXVI.

Н и н ь.

Не лобызай меня такъ спрасшно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!
И не нашепывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ восшортахъ,
Сбнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей спрасши пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжешъ,
И удовольствій чувство полно:
Погаснешъ скоро и пройдеши.
И ахъ! тогда придеши вмигъ скука,
Оспуда, ошвращенье къ намъ.

Желаю-ль цѣловать спокрашно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И по присшойно, такъ, безспрасшно,
Безъ всякихъ сладосныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуешъ:
То будешъ вѣченъ нашъ союзъ.

XXVII.

Г И Т А Р А.

Шестиструнная гитара
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,
Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ,
Щесть велищъ любовь.

Я пою подъ миршой мирной,
На красы ея смотря,
Не завидуя обширной
Власи самаго Царя;
Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть вожди въ бояхъ дерущя,
Въ думахъ баре брань ведущъ;
Алыхъ устъ ея коснушься —
Вся моя побѣда шумъ!
Щоцѣлуй ея мнѣ нѣжный
Выше всѣхъ даровъ.

Пусть Герой свой блескъ сугубишь,
Ждешь безсмертія опликъ;
Милая меня коль любишь,
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ,
И ея объятія нѣжны
Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

XXXVIII.

Кузнечикъ.

Щастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточной сѣвѣ лужечикъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
Всѣмъ любуясь на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ,
Всѣмъ доволенъ, все съ тобой,
Земледѣльцовъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ;
Ни къ чьему не льнешь наследству,
Самъ богачъ собою всѣмъ,
Пѣснопѣвецъ щепла лѣша!
Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный гласомъ звонкимъ
На земли ты знаменишь,
Чшущъ живые и потомки:
Ты философъ! ты Пійшь!
Чистъ въ душѣ своей, незлобенъ,
Удивленіе ты намъ:
О! едва ли не подобенъ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ!

XXXIX.

С Т А Р И К Ъ.

Мнѣ дѣвушки шептали :
Ты снѣдь , и сѣдь , и лысѣ ;
Вотъ зеркало , сказали :
Возьми и посмотришь.

Что нужды мнѣ , не знаю ,
Я снѣдь , сказалъ , иль нѣтъ ;
А только увѣряю ,
Что я душой не сѣдь.

И снѣдику нужнѣе
Въ веселіи пожить ,
Приходишь чѣмъ скорѣе
Меня похоронишь.

XI.

М щ е н ь я .

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похищилъ сошь ,
И пчелой за по въ опмщенье
Былъ ужаленъ шутъ Эротъ.
Вспрепенувшись несчастный ,
Крадены , сердясь , сошы
Въ розовы уша , прекрасны ,
Спрячалъ юной красоты.
На ! сказалъ : мои хищенья
Ты для памяти возьми ,
И опнынѣ наслажденья
Ты въ устахъ своихъ храни .
Съ щѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣбую лишь когда ,
Сласть и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда .
Хлоя жала услаждаетъ ,
Какъ пчелиная спрѣла ;
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ ,
И , помя меня , мила .

XLII.

П Р И З Н А Н І Е.

Не умѣлъ я прищворяться,
На святаго походишь,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа браць видѣ:
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ правиться лишь имъ,
Умъ и сердце чловѣчье
Были гениемъ моимъ,
Еспѣли я блисталь воспоргомъ,
Св. струнъ моихъ огонь лепѣлъ:
Не собой блисталь я, — Богомъ;
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Еспѣли звуки посвящались
Лиры моеи Царямъ;
Добродѣтелями казались
Миѣ они равны Богомъ,
Еспѣли за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталь вождямъ:
Думалъ перелиць въ полкомки
Души ихъ я ихъ дѣшамъ,
Еспѣли гдѣ вельможамъ власнымъ
Смѣлъ я правду брякнуць въ слухъ:
Мнилъ быць сердцемъ безприсрасшнымъ
Имъ, Царю, опчизмѣ другъ.

Естьлижъ я и суетною
Самъ былъ свѣта оболъщенъ :
Признаюся , красотою
Бывъ плѣненнымъ , пѣлъ и женѣ.
Словомъ ; жегъ любви колъ пламѣнь ,
Падалъ я , вспавалъ въ мой вѣкъ.
Брось , мудрецъ ! на гробъ мой камень ,
Естьли пы не человекъ.

XLII.

Т и ш и н а.

Не колыхнешь Волховъ темный,
Не шелохнешь лѣсъ и холмъ,
Мещешь на поля чужь блѣдный
Свѣшь луна, и спишь мой домъ.

Какъ, я мнилъ, въ уединеньи,
Въ хижинѣ бышь славнымъ миѣ?
Не живемъ — живя въ забвеньи:
Что въ могилѣ — то во снѣ.

Нѣшь, шаланшь не увядаешь
Вѣчною забвенья въ шьмѣ;
Изъ-подъ-спуда онъ сіяешь:
Я блещу на вышинѣ.

Такъ! пойду жопя въ забаву
За пѣвцомъ Тискимъ (*) въ слѣдъ;
И снискашь его чпобъ славу,
Спану забавляшь я свѣшь.

Спану шушкою влюбляшься,
На бумагѣ пишъ и ѣшь,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаешься
И въ сѣдинахъ — будто цвѣсь!

Я пою, — Пиндѣ спала званка;
Совосплещушь Музы миѣ;
Возгремѣла балалайка —
И я славенъ въ вышинѣ!

(*) Анакреономъ.

XLIII.

К р у ж к а.

Краса пирующих друзей,
Забав и радости подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая серебряная кружка!

Давно ужъ намъ въ тебя пора

Пивца налишь

И пишь.

Ура! ура! ура!

Ты дщерь великаго новца,
Которымъ предки наши цили;
Веселье ихъ была душа,
Въ пирахъ они щасливо жили.

И намъ, какъ имъ, давно пора

Щасливымъ бышь

И пишь.

Ура! ура! ура!

Бывало спарники въ винѣ
Свое все попопляли горе,
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣни море!

Забышь и намъ всю грусь пора,

Ошеажнымъ бышь

И пишь.

Ура! ура! ура!

Бывало дольше длился вѣкъ,
 Когда дѣшѣ не наблюдали;
 Былъ здоровъ и щасливъ человекъ,
 Какъ только пили да гуляли.

Давно гуляшѣ и намъ пора,
 Здоровымъ бышѣ
 И пишѣ.

Ура! ура! ура!

Бывало пляска, рѣзвостѣ, смѣхъ,
 Въ хмѣлю другъ друга обнимающѣ;
 Теперь, на мѣсто сихъ ушѣхъ,
 Жеманствомъ, лаской угощаютѣ.

Жеманство намъ прогнашѣ пора,
 Но просто жившѣ
 И пишѣ.

Ура! ура! ура!

Въ садахъ бывало средѣ прохладѣ
 И жоны съ нами куликающѣ;
 А нынѣ клобъ да маскарадѣ,
 И женѣ ужь съ нами разлучающѣ.

Французишѣ намъ пресшатѣ пора,
 Но Русь любившѣ
 И пишѣ.

Ура! ура! ура!

Бывало друга своего,
 Теперь карманы, посѣщаютѣ;
 Гдѣ висшѣ, да банкѣ, да макао, —
 На деньги дружбу шамъ мѣняютѣ.

На каршѣ намъ плевать пора,
 А скромно жившѣ
 И пишѣ.

Ура! ура! ура!

О сладкій дружества союзъ,
Съ грѣнками пивомъ пѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила шамъ, весела пирушка.

Пребудь ты къ намъ всегда добра:

Мы спанемъ живъ

И пивъ.

Ура! ура! ура!

XLIV.

Философы пьяный и трезвый.

Пьяный.

Сосѣдъ! на свѣшѣ все пустое:
Богатство, слава и чины.
А ешьли за добро прямое
Мечты бышь могущь почтенны:
То — здраво и покойно жить,
Съ друзьями время проводишь,
Красоту любишь, любимымъ бышь,
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Какъ пѣнился вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто теряшь часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Сосѣдъ! на свѣшѣ не пустое
Богатство, слава и чины:
Блаженство въ нихъ найдемъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно въ довольствѣ жить,
По самой нуждѣ ѣсть и пить,
То можемъ все щастливы бышь.

Пусть пѣнился вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Пьяный.

Гонялся я за звучной славой,
 Вспрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
 Сей звѣрской упоенъ оправой,
 Я былъ ужаснымъ дуракомъ!
 Какая польза страшнымъ бышь,
 Себя губишь, другихъ мертвишь,
 Въ убійствѣ время проводишь?
 Безумно — на убой ходишь!

Какъ пѣнился вино прекрасно!
 Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
 Почему теряешь часы напрасно?
 Налейте, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Гоняшься на войнѣ за славой
 И съ ядрами вспрѣчаешься лбомъ
 Великъ пому разумокъ здравой,
 Кто лишь рожденъ не дуракомъ;
 Царю, Опечеству служишь,
 Чадъ, женъ, родителей хранишь,
 Себя отъ плѣна боронишь —
 Священна должность храбрымъ бышь!

Пусть пѣнился вино прекрасно!
 Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ!
 Не наливай ты мнѣ напрасно:
 Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Пьяный.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьей,
 Законы свято соблюдаю:
 Увидѣлъ, что кривяшь душою,
 Гдѣ должно осуждать.

Какая польза такъ судишь ?
 Сднихъ щадишь , другихъ казнишь ,
 И совѣстью своей шушишь ?
 Смѣшно въ пенета мужъ ловишь .

Какъ пѣнился вино прекрасно !
 Какой въ немъ запахъ , вкусъ и цвѣтъ !
 Почто теряешь часы напрасно ?
 Налей , любезный мой сосѣдъ !

Трезвый.

Когда судьба тебѣ судьбою
 Въ судахъ велѣла засѣдать :
 Вернись къ нужды нѣтъ душею ,
 Когда не хочешь взятокъ брать .
 Какъ можно такъ и слякъ судишь ,
 Закономъ правду пенетишь ,
 И подкупать себя пустишь ? —
 Судьбѣ злодѣемъ спрашно быть !

Пусть пѣнился вино прекрасно !
 Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ !
 Не наливай ты мнѣ напрасно ;
 Не пью , любезный мой сосѣдъ !

XLV.

РАЗНЫЯ ВИНА.

Вотъ красно-розово вино!

За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.

Какъ сердцу сладостно оно

Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!

Ты пожъ, румяна, хороша:

Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ черно-пидшо-вино!

За здравье выпьемъ чернобровыхъ.

Какъ сердцу сладостно оно

Намъ съ поцѣлуемъ устъ лиловыхъ!

Ты пожъ, смуглянка, хороша:

Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато-кипрское вино!

За здравье выпьемъ свѣтло-власыхъ.

Какъ сердцу сладостно оно

Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!

Ты пожъ, бѣлянка хороша:

Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ слезо-ангельско вино!

За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.

Какъ сердцу сладостно оно

Намъ съ поцѣлуемъ устъ любезныхъ!

Ты пожъ, нѣжна и хороша:

Такъ поцѣлуй меня, душа!

XLVI.

Х М Е Л Ъ.

Хмель какъ въ голову залѣзеть,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь;
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью — и всѣмъ вамъ добра ночь!
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь спавлю свѣтъ.
Въ бой пускай идетъ мужъ бранный,
У меня охоты нѣтъ.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Послѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ лежать!

XLVII.

М О Р Е Х О Д Е Ц Ъ .

Что вѣтры мнѣ и сине море ?
Что громъ и штормъ и океанъ ?
Гдѣ ужасы и гдѣ тупѣ горе ,
Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ ?
Спасетъ ли насъ компасъ , руль , снасти ?
Нѣтъ , сила въ шомъ , чтиобъ духъ пылалъ !
Я пью — и не боюсь напаси ,
Приди хотя девятый валъ ;
Приди , и волнъ зійи ушроба !
Мнѣ лучше пьянымъ ушонуть ,
Чѣмъ презвымъ доживать до гроба
И съ плачемъ плышь въ шоль дальній тупь .

XLVIII.

МАХІАВЕЛЬ.

Царей насмѣшникъ — иль учишель,
Великихъ, иль поспыдныхъ дѣлъ,
Душъ слабыхъ, мѣдкихъ обольщитель,
Иди отъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ твоихъ замашекъ,
Обмановъ, тонкихъ хитроспей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для щасія честныхъ людей;
Довольно видѣшь сквозь поналы
Всю нашихъ внутренность сердецъ;
На бой насъ посылашь — на балы
Изъ лавровъ плеснь и розъ вѣнецъ!

XLIX.

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВИЕ.

Почто Вишневъ правилъ
Мнѣ вьючишь бремена ?
Премудроспъ я оставилъ ;
Не надо мнѣ она
Вы лучше поучише ,
Какъ соѣ мнѣ Вакховъ пишь ;
Съ прекрасной помощише
Венерой пошущишь.
Ужъ нѣлѣ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣшь ;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хощъ поглядѣшь ;
Авось еще не много
Мой разумъ усыплю ;
Приходишь время спрога —
Покину , что люблю !

Г.

С Т Р Ъ Л О К Ъ .

Я охопникъ былъ из - млада
За дичиною гуляшь ;
Меду сладкаго не нада ,
Лишь бы въ полѣ поспрѣляшь .

На лесу я пшицѣ пернатыхъ
Гдѣ завидѣлъ , шутѣ спрѣлялъ ;
Въ нехолапныхъ и хохлапныхъ
Лишь прицѣлилѣ , попадалъ .

Но вечерѣ вдругѣ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной ,
Вмигѣ крылами размахалась
И пошла ко мнѣ на бой .

Хваташь въ колчанѣ — анѣ спрѣлъ ужь
нѣшу ,
Лукѣ опущенѣ ; спалѣ я въ пень .
Ахѣ! беречь - было монету
Бѣлую на чорный день !

LI.

ОХОТНИКЪ.

За охотой ты на Званку
Птицъ прѣхалъ поспрѣлящъ ;
Но бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ , спалъ вздыхашъ.
Что такое это значишь ,
Миленькой охотникъ мой ?
Ты молчишь , а сердце плачетъ :
Птицы-ль не убилъ какой ?
Дѣвъ ли оспреневіе глазки
Понадѣлали хлопотъ ?
Съ ихъ ланишь изъ алой краски ,
Зрѣлъ я , цѣлился Эрашъ.
Какъ же быть ? и чѣмъ лѣчишься ?
Птичекъ ты багрилъ въ крови :
И тебѣ пришло поминься
Ошь смертельную любви.

III.

М Ъ Л Ъ Н И К Ъ.

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
„Вѣдь раскляютъ же даромъ пшеницы,
Возьми спаринушка, смели.“
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молодъ всѣмъ живомъ!
Молодъ я приспально, прудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но чтожъ? Какъ ни пошѣлъ, ни бился,
Не расколѣлъ я ни зерна.
Смѣясь мнѣ дѣвушки въ нозлу,
Теняли: чтожъ не мелешь, дѣдъ?
А вы, сказалъ я, для помолу
Пришли, какъ жорновъ не беретъ!

III.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Что нужды мнѣ до града ?
Въ деревнѣ я живу ;
Мнѣ ленивѣ и звѣздѣ не нада ,
Вельможей не слыву ,
О томѣ лишь я спараюсь ,
Чтобъ щасливо прожить ,
Со всѣми обнимаюсь
И всѣхъ хочу любить .
Кто вѣдаешь , что будешь
Сего дня мой лишь день ,
А завтра всякъ забудешь ,
И все пройдетъ какъ тѣнь !
За чѣмъ же мнѣ способну
Минушку пошеряшь ,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнашь ?
Сокровищъ мнѣ не нада :
Богатъ , съ женой коль ладъ ;
Богатъ , коль Лель и Лада
Мнѣ дружны и Уладъ .
Богатъ , коль здравъ , обиленъ ,
Могу побѣсть , поимъ ;
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Милоной пошалишь !

Б О Г А Т С Т В О.

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно крапну жизнь продлить,
Не славя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы, какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнувъ карманомъ паровато
И жизнь у ней на опкупъ взять.
Но ежели не лъзя казною
Купишь минушы ни одной;
Почто же злата намъ алчною
Такъ много нашъ смущаешь покой?
Не лучше-ль въ пиршествахъ приятныхъ
Съ друзьями время проводишь,
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ
Младымъ красавицамъ служишь?

ПАМЯТНИКЪ.

И памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
 Металловъ шверже онъ и выше пирамидъ;
 Ни вихрь его, ни громъ не сломишь бы-
 спрошечный,
 И времени полетъ его не сокрушишь.

*

Такъ! — весь я не умру: но часть меня большая,
 Опъ плѣна убѣжавъ, по смерти спанетъ жишь,
 И слава возрастетъ моя, не увядая,
 Доколь Славяновъ родъ всеелна будетъ чпипть.

*

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ
 до Черныхъ,
 Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифей льетъ Уралъ;
 Всякъ будетъ помнитъ шо въ народахъ не-
 изчешныхъ,
 Какъ изъ безвѣспности я шѣмъ извѣстенъ
 спалъ,

*

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Рус-
 комъ слогѣ
 О добродѣтеляхъ Фелицы возгласишь,
 Въ сердечной простотѣ безѣдовать о Богѣ,
 И истину Царямъ съ улыбкой говоришь.

*

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
 И презритъ кто тебя, сама шѣхъ презирай;
 Непринужденною рукой, нешоропливой,
 Чело швое зарей безсмерція вѣнчай!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Богъ. - - - - -	11
II. Властителиамъ и Судіямъ. " - - - - -	15
III. Величество Божіе. - - - - -	16
IV. Истинное щастіе. - - - - -	21
V. Уповающему на свою силу. - - - - -	22
VI. Щастливое семейство. - - - - -	24
VII. Успокоенное невѣріе. - - - - -	25
VIII. Безсмертіе души. " - - - - -	29
IX. Буря. - - - - -	36
X. Введеніе Соломона въ судилище. - - - - -	37
XI. Молитва. " - - - - -	40
XII. Фелица. " - - - - -	43
XIII. Благодарность Фелицѣ. - - - - -	52
XIV. На рожденіе въ свѣрѣ порфиророднаго Отрока. - - - - -	54
XV. На отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію. - - - - -	57
XVI. На пріобрѣтеніе Крыма. - - - - -	61
XVII. Видѣніе Мурзы. - - - - -	64
XVIII. На Шведской мирѣ. - - - - -	70
XIX. На взятіе Измаила. - - - - -	73
XX. Изображеніе Фелицы. - - - - -	86
XXI. На новый годъ. - - - - -	101
XXII. Рѣшительству. - - - - -	103
XXIII. Памятникъ герою. - - - - -	108
XXIV. Ключъ. - - - - -	111
XXV. На смерть К. Мещерскаго. - - - - -	113
XXVI. Осень во время осады Очакова. - - - - -	116
XXVII. На смерть Графини Румянцовой. - - - - -	120
XXVIII. Опырокъ. - - - - -	124
XXIX. Любителю художества. - - - - -	126
XXX. Меркурію. - - - - -	133
XXXI. На щастіе. - - - - -	135
XXXII. На выздоровленіе Мецената. - - - - -	143
XXXIII. На умѣренность. - - - - -	147

	Спран.
XXXIV. На коварство Французскаго воз- мущенія, и въ честь Князя Пожар- скаго. " " " " " "	151
XXXV. На панихиду Людовика XVI.	162
XXXVI. Къ первому сосѣду. " " " " " "	166
XXXVII. Вельможа. " " " " " "	169
XXXVIII. Петру Великому. " " " " " "	176
XXXIX. Водопадъ. " " " " " "	180
XL. Прогулка въ Сарскомъ селѣ. " " " " " "	195
XLI. На покореніе Дербента. " " " " " "	198
XLII. Мой молуканъ. " " " " " "	200
XLIII. Флотъ. " " " " " "	208
XLIV. На взятіе Варшавы. " " " " " "	209
XLV. На кончину Великой Княжны Оль- ги Павловны. " " " " " "	217
XLVI. Ласпочка. " " " " " "	221
XLVII. Приглашеніе къ обѣду. " " " " " "	223
XLVIII. Похвала сельской жизни. " " " " " "	226
XLIX. Соловей. " " " " " "	229
L. Павлинь. " " " " " "	232
LI. На рожденіе Царицы Гремиславы А. А. Нарышкину. " " " " " "	235
LII. На кончину Графа Орлова. " " " " " "	237
LIII. На новый 1797 годъ. " " " " " "	238
LIV. На рожденіе Великаго Князя Ми- хаила Павловича. " " " " " "	243
LV. На Мальтійской Орденъ. " " " " " "	246
LVI. Урна. " " " " " "	254
LVII. На новый 1798 годъ. " " " " " "	258
LVIII. Надгробная Императрицѣ Екате- ринѣ II. " " " " " "	260
LIX. Орель. " " " " " "	261
LX. На побѣды въ Италіи " " " " " "	263
LXI. На переходъ Алпійскихъ горъ. " " " " " "	265
LXII. Смигирь. " " " " " "	276
LXIII. На возшествіе на престолъ Импе- ратора АЛЕКСАНДРА I. " " " " " "	277
LXIV. Гимнь Крошости. " " " " " "	282
LXV. Къ Царевичу Хлору. " " " " " "	285
LXVI. На кончину благошворителя. " " " " " "	289